

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

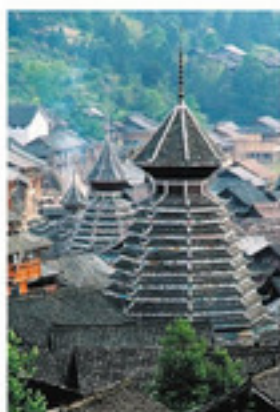
конца

XX

—
начала

XXI

ВЕКА

Лучшие писатели
из Гуйчжоу

Колорит Юга Китая

Впервые
на русском языке

много добра,
мало зла

АНТОЛОГИЯ

**Много добра, мало зла. Китайская
проза конца XX – начала XXI века**

«КАРО»

УДК 821.58-93
ББК 83.3(5)

Антология

Много добра, мало зла. Китайская проза конца XX – начала XXI века / Антология — «КАРО»,

В сборник вошли пятнадцать повестей и рассказов, написанных в конце XX – начале XXI века. Они принадлежат перу десяти писателей из южно-китайской провинции Гуйчжоу и ярко демонстрируют удивительное многообразие, а также этнокультурный колорит современной китайской литературы. Увлекательные истории о жизни в Гуйчжоу, написанные Оуян Цяньсэнем, Ван Хуа, Се Тингом, Хэ Вэнем и другими, открывают читателю внутренний мир простых китайцев, их представления о счастье и душевное смятение от столкновения традиционных ценностей с реалиями глобализации и модернизации, неумолимо проникающими в самые дальние уголки Китая и изменяющими архаичный уклад жизни обитателей китайской глубинки.

УДК 821.58-93
ББК 83.3(5)

© Антология
© КАРО

Содержание

Предисловие	6
Городская проза	9
Много добра, мало зла	9
Любовь в городе из песка	60
Глава первая	60
Глава вторая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Много добра, мало зла. Китайская
проза конца XX – начала XXI века**
**Составители: А. А. Родионов,
Н. Н. Власова, И. А. Егоров**

Институт Конфуция в СПбГУ

Издание осуществлено при поддержке Института Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете и Гуйчжоуского отделения Союза китайских писателей

Авторские права на публикацию переводов предоставлены Гуйчжоуским отделением Союза китайских писателей

Составители

А. А. Родионов, Н. Н. Власова, И. А. Егоров

Предисловие

Провинция Гуйчжоу расположена в юго-западной части Китая, на ее территории проживает много народностей, национальные меньшинства составляют 37,8 % от общего числа населения. На фоне относительно низких показателей экономического развития в этой провинции наблюдается большая активность литературной жизни. Можно сказать, что проза здесь вызывает отраду, поэзия и эссеистика процветают, в кино имеются замечательные успехи. В 20-е—30-е годы прошлого столетия произведения гуйчжоуского писателя Цзянь Сяньба и других авторов водрузили свое знамя на литературной сцене Китая, снискав одобрение со стороны Лу Синя¹. А в 1980-е годы коллективный выход на арену таких писателей, как Хэ Шигуан, Ли Куаньдин, Е Синь, Ли Фамо и других еще в большей степени привлек взгляды литературной общественности Китая. С начала XXI века произведения Оуян Цяньсэня, Ван Хуа, Чжао Цяньпина, Се Тина, Ян Дате, Жань Чжэнваня, Хэ Вэня, Дай Вина, Сяо Цзянхуна, Цао Юна и других авторов удостоились национальных, провинциальных премий, а также наград от разного рода крупных периодических изданий. От произведений этих писателей, которые акцентируют свое внимание на особом историческом фоне, выраженном национальном колорите, а также удивительных природных пейзажах, веет удивительным художественным обаянием, характерным для Гуйчжоу. В них раскрывается жизненная мощь гуйчжоуской литературы, вовлеченной в поток модернизации и глобализации. Такое оживление в сфере творческой деятельности не только притягивает внимание со стороны литературных кругов, но и свидетельствует о том, что гуйчжоуская литература заняла свое достойное место в литературе Китая.

Несмотря на то что каждый из писателей обладает своим оригинальным мышлением, лучшие образцы литературных произведений, проникая в глубины человеческих душ, объединяют наши сердца, поэтому в мире литературы не существует государственных границ. Таким примером могут служить всемирно известные шедевры русской литературы, созданные Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Толстым, Чеховым, Горьким, Шолоховым и другими писателями, чье творчество повлияло на несколько поколений китайцев. Можно констатировать, что выдающиеся литературные произведения способны доставлять духовное наслаждение читателям самых разных стран, и они должны принадлежать всему человечеству.

Для Союза писателей самым настоящим богатством является наличие большого количества хороших авторов. Хотя создание произведений – процесс сугубо индивидуальный, одной из основных задач Союза писателей является продвижение действительно достойных произведений, а также налаживание межнационального и межкультурного взаимодействия посредством литературы. Конечно же, целью такого взаимодействия является вовсе не стремление к унификации народов, в данном случае речь идет о взаимном понимании, удовольствии и изучении.

Думается, что в целях знакомства других стран с Китаем, а также оценки его с более объективных и справедливых позиций, Союз писателей обязан популяризировать произведения китайских современных авторов за рубежом, а также помогать своим писателям участвовать в международных литературных мероприятиях. Руководствуясь этими соображениями, председатель Гуйчжоуского отделения Союза китайских писателей Оуян Цяньсэнь, возглавивший делегацию китайских писателей, посетившую Россию и в очередной раз испытавший сильное впечатление от русской литературы, задумался о том, каким образом познакомить российских читателей с китайской гуйчжоуской литературой. Тогда же он заручился поддержкой со стороны Института Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете. Это и пред-

¹ Лу Синь (1881–1936) – основоположник современной китайской литературы.

определило рождение литературного сборника гуйчжоуских писателей под названием «Много добра, мало зла».

В данный сборник включены пятнадцать повестей и рассказов десяти писателей, которые в настоящее время весьма активно проявляют себя на литературной сцене Гуйчжоу. Чрезвычайно плодovit в творческом плане председатель Гуйчжоуского отделения Союза китайских писателей Оуян Цяньсэнь. Написанные им романы, киносценарии, сценарии телесериалов удостоивались Всекитайской премии «Пятипремье», премии китайского телевидения «Заоблачная высь», телевизионной премии «Китайский золотой орел», армейской премии «Золотая звезда» и многих других наград. Будучи великолепным рассказчиком, он написал повесть «Много добра, мало зла», в которой показал многообразный и изменчивый мир коммерсантов, поведав о чувстве безысходности, сокрытом в глубинах человеческих душ. Его рассказ «Дуаньхэ» повествует о храбрости и преданности, о любовных переживаниях и интригах, о верности и измене, о жестокости и великодушии, о смирении и бунтарстве, это история, раскрывающая всю гамму братских чувств, история о разлуке с любимым человеком. Рассказ Чжао Цзяньпина «Жертвоприношение выдры» – попытка осмыслить человеческую жизнь с философской точки зрения, выявив глубинный смысл нашего пребывания на этом свете. Своим читателям этот рассказ предлагает правду, почерпнутую из самой жизни. Повесть Ван Хуа «Флаг» высвечивает лучшие из добродетелей человека на примере героя, который, оказавшись в полном одиночестве, противостоит обстоятельствам. В свою очередь, ее рассказ «Духи» акцентирует внимание на достоинстве человеке и непостоянстве общественного мнения. Рассказ Жань Чжэнваня «Жизнь без прикрас» предоставляет читателю анализ тонких отношений между персонажами. Его неторопливое и детальное повествование демонстрирует все многообразие человеческих эмоций. Рассказ этого же писателя «Глаза на дереве» выходит за рамки простого описания жизненных перипетий, отражая идейное пробуждение крестьян. Повесть Се Тина «Любовь в городе из песка» – правдивое изображение чувств людей в современном мире, это история о взаимном избавлении персонажей от душевных ран. Рассказ Ян Дате «Жестяная крыша» повествует о реальных событиях и касается душевных и жизненных проблем. Скрытые под слоем повседневных радостей, печалей и мелких переживаний, они появляются на поверхности, словно гравюра, которую вырезает автор своим острым стилем. Рассказ Хэ Вэня «Кем работает папа?» представляет собою богатое психологизмом повествование от лица подростка. В рассказе Дай Вина «История одной шевелюры» описание исторических событий незаметно смещается в плоскость фарса, рождая у читателя весьма неожиданные ощущения. Сяо Цзянхун с его необыкновенно широкой эрудицией, позволяющей прекрасно разбираться в нынешней судьбе традиционной культуры, демонстрирует в своей повести «Сто птиц летят к фениксу» твердость и мягкость человеческой природы. А в рассказе «Бессточная река» автор изображает агонию женщины, попавшей в неординарную ситуацию, раскрывая ее внутреннюю сущность. Рассказ Цао Юна «На смертном одре» – о человеке, сбившемся с пути, и проблеме искупления вины. А в повести «Два брата по фамилии Цао» писатель, изображая пустую обывательскую жизнь, представляет читателю никчемный в своей сумбурности деревенский мирок, в котором правят абсурд и примитивные потребности.

Хотя литература не включает в себе всю культуру, тем не менее она представляет собой ее важнейшую часть. Лучшие образцы литературных произведений позволяют нам без труда выявлять характерные черты и тенденции современного общества. Нам бы очень хотелось, чтобы чтение данного сборника дало российскому читателю возможность познакомиться с современной гуйчжоуской культурой, с нынешней ситуацией в Гуйчжоу в целом, а также с мыслями гуйчжоусцев.

Мы выражаем благодарность А. А. Родионову за его усилия, которые способствовали появлению этой книги, а также всем российским друзьям за их нелегкий труд в подготовке издания к печати.

Гуйчжоуское отделение Союза китайских писателей

Городская проза

市井小说

Много добра, мало зла

Оуян Цяньсэнь

欧阳黔森

白多黑少

1

Вышел из самолета, прохожу в зал прилета. По привычке оглядываюсь по сторонам: Ду Цюаньхун не видно. Уф, какое облегчение. Так устал, что никого не уведомил о возвращении. Хотел вернуться потихоньку и провести пару дней без забот, ну их, эти бесконечные дела.

Выхожу из главных ворот аэропорта, собираюсь поймать такси. Кто-то подходит сбоку и берется за мою сумку. Инстинктивно с силой тяну сумку на себя, и человек плюхается передо мной на пол.

«Ду Цюаньхун, ну как тебя сюда принесло, черт возьми!» Это первая реакция – выругаться про себя. Но на лице у меня благодущие и спокойствие. Выпрямляюсь, окидываю ее дружелюбным, но строгим взглядом и уже не свожу с нее глаз. Обычно я так и делаю: уставлюсь и смотрю. Сколько дамочек, желавших получить работу в компании, пасовали перед таким чуть ли не «чувствительным» взглядом, а вот Ду Цюаньхун, поди ж ты, всегда смело встречает этот мой взгляд.

Вот и сейчас смотрит уверенно и мягко, ничего, что заставило бы расстроиться из-за того, что я ее так грубо отпихнул. Преимущество этой женщины в том, что у нее, похоже, нет причин кокетничать с мужчинами, даже когда ее обижают.

Правда, она отвела глаза первой. И потом даже не поглядывала искоса, а вообще прикрыла их длинными ресницами. Со своим смешливым лицом смотрелась она очень мило.

Мне, конечно, ничего не оставалось, как только передать сумку ей и усесться в свой «мерседес», на котором она приехала. Откуда она прознала, что я прилетаю сегодня, да еще этим рейсом – все это было за пределами моего понимания, хотя очень хотелось спросить. Но я не стал этого делать, прокрутив этот вопрос несколько раз в голове. Выстроил несколько предположений, но пытаться оценить их было лень, слишком хотелось отдохнуть, на самом деле я собирался лишь спросить. Если не оценивать, ничего и не получится, людей вроде меня это утомляет. Я понимал, где мог дать маху. Не надо было перед возвращением посылать этот факс, ведь в нем содержались последние результаты по теме моего теперешнего исследования. Сам я не собирался представлять эти результаты совету директоров, потому что решение по ним уже было принято, собирался лишь послать ответный факс, чтобы они действовали, как запланировано, а я за эти два дня отдохну как следует. Но, кроме того, в этом факсе сообщалось для сообразительной Ду Цзюаньхун, что, может, я вернусь и сегодня. Она девушка способная, настолько способная, что я постоянно радуюсь – какая у меня отличная помощница! Казалось бы, только что еще раз доказала, какая она способная, но вот никак не поймет, что это ее качество может и раздражать. Не будет же она постоянно руководить мной, а я не терплю, чтобы мной постоянно руководили, ведь она классический пример подчиненного. Это разница между маршалом и генералом.

Свой талант командира я начал вырабатывать с детских лет, когда был заводилой ватаги сверстников. Пресытившись этой ролью, начал подумывать о карьере военного, а став солдатом, метил в генералы. Но, к сожалению, эта моя мечта оказалась такой мелкой рядом с великим стремлением народов всей земли к мирной жизни. И хотя, лелея эту мечту, я и оттрубил в армии более десятка лет, в отставку ушел лишь подполковником. Тем не менее лидерские способности позволили неоднократно добиваться успеха в условиях рынка. В армии мои прирожденные командирские качества в полной мере проявились в непреклонности, и когда однажды командование захотело назначить меня начальником штаба полка, я отказался напрочь, настояв на том, чтобы остаться командиром батальона. Доводы мои были просты: в конце концов, вот мой батальон, я им командую. Когда спустя много лет я основал компанию и стал набирать сотрудников, однополчане один за другим откликнулись, но я определил так: по званию они должны быть не выше майора. Чтобы какой-нибудь подполковник был со мной на равных – ну уж нет. «Коли умения при тебе, дорогой подполковник, соратник ты мой боевой, открывай свою компанию, – думал я. – Вот сойдемся на рынке и посмотрим, кто кого. В противном случае, если нет боевого духа, давай на скромную работу охранником в какую-нибудь организацию». Такой вот я отвратительный тип. То, что молодость отдал защите отечества, – ладно, но чтобы и в зрелые годы охранять господ в этих организациях – больно велика честь.

Машина пересекла город, выбралась в северные предместья и притормозила у ворот моего загородного дома в европейском стиле. При виде красивых, покрытых цветами ветвей, свесившихся из-за забора, захотелось устроиться в кресле под вишней рядом с чайником лунцина на столике из белого мрамора.

Сажу в машине, не двигаясь, и жду, пока Ду Цзюаньхун откроет мне дверцу, хотя прекрасно понимаю: эти мои забавы с формальностями – оригинальничание.

Эта умница Ду Цзюаньхун, прекрасно понимает, что в компанию я не собираюсь, хоть все члены совета директоров знают: я дам свое заключение или выступлю с речью, а они будут лишь выполнять по пунктам принятое решение, полагаясь на мой авторитет. Она понимает также, что я не хочу возвращаться к своей женошке Ло Шуби. И не раз, даже не спрашивая, привозила прямо сюда.

Войти в дом она не может, да я никогда и не приглашал. Пока я шел к воротам и трижды звонил, пока вышла, еще не успев обрадоваться, моя любовница, – она не очень быстро откликается, но очень красивая, – Ду Цзюаньхун уже поставила машину в гараж. Вообще-то я мог открыть ворота и войти сам, но я стоял и звонил, дожидаясь, когда она поставит машину

и уйдет. Уходя, обращаться ко мне за указаниями она уже не могла. По заведенному порядку она должна была отойти метров на сто, где ее дожидалась секретарская машина.

Я зашел в ворота, плюхнулся в кресло-качалку во дворе и стал ждать, когда Наньлань принесет чай. Видно было, как она лучится радостью и очень хочет пококетничать, но сдерживается, чтобы обойтись без нежностей, потому что знает: во дворе этого не может позволить себе женщина и покрасивее, даже если эта нежность выразится в единственном объятии. Она знала мои установления, хотя это было самое бессмысленное: уже скоро пятьдесят, а еще обращаю внимание на такие мелочи. Из-за этого миловидная Наньлань бывало расстраивалась, но я считаю, эти ее мнимые переживания – всего лишь женские штучки. Если подумать, с одной стороны – простоватая, с другой стороны – расчетливая. Впрочем, для меня не важно: простушка – хорошо, расчетливость – тоже ладно, действительно расстраиваешься – славно, прикидываешься – тоже сойдет. Нравится мне прелестный и волнующий облик женщины, когда она расстроена. Пусть это и немного жестоко, но, как наставлял учитель, ничто не может поразить как гром среди ясного неба, как ни воспринимать учение бодхисатвы, добросердечного и милостивого, и я этой жестокости придерживаюсь. Из-за этого Наньлань побаивается меня, а заставлять красивых женщин побаиваться – самый действенный способ удержать их от множества пустых фантазий. Вот я с удовольствием всегда придерживаюсь своего установления.

Наньлань принесла свежесваренный чай. Глядя на нее – прелестная фигура, залитое детским румянцем лицо, – и видя, как она рада моему приезду, я так возбудился, что и впрямь захотел заключить ее в объятия. Во время переговоров несколько дней тому назад я охотно принял предложение другой стороны поразвлечься с женщинами, и хотя за пару дней красотки изрядно подумомили, порыв этот тронул меня до глубины души. Я всегда задаюсь вопросом: неужели из-за меня, как мне кажется, лицо Наньлань покрывается розоватым румянцем счастья? Но когда этот нежный румянец перед глазами, всякий раз радуюсь, что пока еще можно не задумываться – правда это или фальшь.

Не торопись, торопиться не надо ни в чем. Начинаю неспешно смаковать чай, в этом и есть преимущество перед наблюдающей за мной женщиной. Стоит проявить нетерпение, Наньлань будет еще больше невтерпеж, пусть уж никогда не нащупает нить моих мыслей. Иногда задумываешься: если Наньлань не терпится больше, чем мне, если это искренне, значит, пришло то настоящее чувство, о котором я давно мечтал. Но это нетерпение может быть и притворным, ей это раз плюнуть, она целых пять лет участвовала в представлениях агитбригады, а когда это дело пошло на спад, пару лет выступала певицей в танцевальном зале караоке. Такой чувствительности, как у нее, не научишь, я нередко фантазировал по этому поводу. А ну как у меня случится катастрофа, к примеру, компания за ночь обанкротится и я останусь гол как сокол? Какова будет ее реакция, выступит ли у нее при встрече со мной такой милый бледно-розовый румянец? Определить это никак нельзя, не думаю, что моя компания обанкротится и не собираюсь допустить, чтобы из-за какой-то женщины мои дела полетели псу под хвост. Но можно ли быть уверенным, что я втюрился в нее? Судя по тому, что в голову то и дело приходят фантазии с катастрофами, мне и впрямь приглянулась эта ублюдоочная, которая, может, прикидывается, а может, все у нее и взаправду.

Не получается у меня составить мнение об этой милашке, вот и использую по отношению к ней выражения. Иногда не сдерживаюсь, оно у меня вырывается, так она смотрит в рот, но совсем не сердится, а еще и подтрунивает, мол, у нас в Китае народ так нередко выражается, слово это ругательное, но с точки зрения современной науки – нечто первосортное. Например, рис, полученный в результате скрещивания, и даже дети от смешанных браков². Значит, ты так высоко ценишь мою красоту? Или хочешь дать понять, что тебе до меня далеко? В такие моменты я мягко улыбаюсь и молчаливой ухмылкой показываю, что ее шутку оценил. Только

² Китайское слово цзачжун, кроме значения «ублюдок» означает также «гибрид», «полукровка».

и могу вот так ухмыляться, чтобы она меньше досадовала на меня. Ведь увлекаться женщиной, которая тебя ненавидит, штука далеко не безопасная, пусть даже в настоящий момент точно не скажешь, ненавидит она или нет. Я сужу так: ненавидеть она может совсем не из-за того, что я ее так называю, а потому, что я старше ровно на двадцать лет. Не верю, что в меня может так влюбиться такая красивая и молодая женщина, неужели я действительно тот самый принц на белом коне из ее девичьих любовных мечтаний? Принц на белом коне – это мое успешное дело либо я сам. Применительно к ней это, возможно, еще как сказать, а вот мне нужно четкое понимание. Но за это четкое понимание нужно платить, а плата слишком высока, да и упражняться в этом нет никакого желания. Если я совсем не тот принц на белом коне из ее грез, то ненависть да, присутствует и может скрываться очень глубоко. И для меня единственный способ совладать с этой ненавистью – всегда оставаться сильным, ни в коем случае не проявлять слабость, чтобы вызвать ее сочувствие, и не поверять ее истинные чувства потерей дела, хотя к истинному чувству я в глубине души стремлюсь. А если в ней одна ненависть, что ж, плетью обуха не перешибешь.

Наньлань грациозно присела рядом, так и подмывало обнять, войти с ней в дом или увлечь за маленькую ручку на кровать. Но нет, нужно повременить. На самом деле я ждал звонка от Ду Цзюаньхун, она может позвонить в течение получаса, в установленное время. Она всегда все решала по своему усмотрению, и время, выбранное для звонка, считала самым уместным. Она прекрасно изучила меня, председателя совета директоров из бывших военных. В ее понимании, войдя в ворота, я могу для начала помилиться с Наньлань, наговорить ей ласкостей, потом скинуть одежду, ополоснуться, а затем улечься и ждать, пока она примет душ. Вот тут-то она и позвонит, потому что в это время настроение у меня якобы превосходное, да и момент такой волнительный. И заниматься чем-то не по ее части не заставлю: не стану же я в это время звонить тем, кто за это отвечает, да и не сказать, чтобы с этим не справились те, кто этим занимается. А то она составила как-то отчет для главного управляющего, так мне захотелось, чтобы она делала и это. Женщина с ярко выраженной жаждой власти, при мне она вела себя довольно сдержанно.

На самом деле по отношению ко мне эта ее «сметливость» была ошибочной. Источником этой неверной «сметливости» был ее муж, бывший лейтенант, но опыт, который она черпала из этого источника, неприложим ко мне, подполковнику. Это ошибка – считать, что нрав у всех мужчин одинаков и удачный практический опыт с одним можно применять к другому, – фатальна для многих сильных женщин. Это полнейшая глупость, по причине этой глупости Ду Цзюаньхун могла держаться со мной лишь на расстоянии, а из-за этой дистанции была вынуждена поддерживать со мной лишь отношения начальника и подчиненного. К этим чрезмерно самоуверенным суждениям я относился спокойно, ведь именно за самоуверенность я ее и ценил, за уверенность в работе, пунктуальность и энергичность, даже за то, что в своей самоуверенности она нередко хватала через край. Но в этом и заключалась ее фатальная слабость, из-за этого ей никогда не стать моим начальником, она сможет быть лишь у меня в подчинении. Из-за этой слабости я был за нее спокоен и в то же время жалел.

Сама она когда-то была капитаном, а нашла себе лейтенанта. Но беда не в том, что ей следовало подыскать старшего офицера вроде меня или чином еще повыше – полковника и даже генерала, а в том, что этот лейтенант потакал ей в ее самоуверенности. С ним я знаком, важный такой, пыжится много, а способностей маловато. И чего она в свое время выскочила за этого лейтеху? Видать, сбил он ее с толку непринужденностью и уверенными заявлениями о своих амбициях. Но незакомплексованность человека военного, скорее всего, не только в выправке и рассуждениях о войне на бумаге, но и в делах. Поначалу она была очарована своим лейтенантом, похожим на принца на белом коне, но поняла, что он человек невезучий, и, выяснив через несколько лет его образ мышления, развенчала его в пух и прах. Разве может мужчина, потерпевший сокрушительное поражение от простого женского манипулирования по мелочам,

подняться хотя бы до уровня человека невезучего? После того как она все это разглядела, лейтенант стал не нужен. Типичная армейская женщина густого идеалистического замеса, она не могла больше терпеть, чтобы ее мужем оставался лейтенант, согласный, чтобы она им руководила, а по полету мыслей далеко ей не ровня, чтобы при каждом взгляде на него она чувствовала надменность эдакого непревзойденного мастера, ждущего в одиночестве соперника, который нанес бы ему поражение. Поначалу эта надменность была ей по душе, но потом стала надоедать больше и больше. Вечная скука была не в ее характере, и тогда она маленькими хитростями заставила лейтенанта, хоть и против его желания, отказаться от себя во имя любви, осознать, что он делает благородное дело, и чувствовать признательность в душе. Такая тактика может показаться слишком жестокой, но можно ли без жестокости совладать с этим ее лейтенантом с его большими амбициями и малыми способностями? Это не могло негативно сказаться и на ней самой, ведь жить с таким – скука, а скука оказывает губительное воздействие, которое может привести к ужасным последствиям. Превосходство Ду Цюаньхун в том и заключалось, что она не позволяла этой пагубе развиваться, а преодолевала ее жестокостью. В своих суждениях она ничуть не ошиблась. Теперь ее бывший муж-лейтенант старается твердо отстаивать свои идеалы, основанные на рассуждениях о войне на бумаге. Человеку тридцать с гаком, а он остается штабным офицером командира подразделения.

Ду Цюаньхун как-то заговорила о бывшем муже, и я, конечно, не церемонясь бросил похода: «Он напоминает начальника штаба, который всегда предлагает командиру куда негодные решения. Ты с одним полком разгромишь целую дивизию под его началом, хотя ты всего-навсего капитан. Время таких сражений прошло безвозвратно, на планете все за мир, так что наши мечты о генеральстве ничтожны, о них и помянуть не стоит. Я вовремя вышел из игры, в боевых соединениях дослужиться до подполковника не так-то просто, и ты, как пропагандист округа, должна это понимать».

Человеку нужно иметь мужество, чтобы оставить идеалы и любимое дело, но в этом и есть его преимущество, которое свидетельствует о том, что и в армии этот человек был далеко не последним. В той беседе я своей мощью нанес ей полное поражение, поэтому в течение всех лет она неизменно оставалась преданной мне.

Обратить ее внимание на чрезмерную самоуверенность лейтенанта я не мог, эта ее фатальная слабость мне нравилась.

Телефон и впрямь зазвонил в установленное время, но я еще не лежал в кровати, как она представляла. Пусть себе звонит: я дома, а Наньлань трубку поднимать не станет.

Взял чашку и стал смаковать свой любимый лунцзин. Губы двигались почти незаметно, но очень выразительно. Когда сладость чая омыла глотку, поднял не перестававшую трезвонить трубку. Голос Ду Цюаньхун приятный и красивый, мне нравится. Никакой паники даже в экстренной ситуации, очень привлекательный. Когда-то я даже подумывал, не включить ли ее в число моих «изысканных встреч». Но этого не сделал, и чем больше нравился мне этот голос, тем больше противился его обаянию. Отступить заставило не завещанное предками речение: «Кролик вокруг норки травку не щиплет». Задумай я действительно овладеть ею, мне незачем было бы, как первый раз влюбившемуся юноше, разбивать сердце и обливаться кровью, чтобы всю душу положить на плетение нежных сетей. А потом, подобно одержимому рыбаку, закидывать сеть на просторах реки, где резвится на свободе эта рыбка. Даже на легкой лодке, как бы споро ты ею ни правил, без труда ее в сеть не залучишь. Я это прекрасно понимаю и не стану гоняться за этой рыбешкой на легкой лодке, сжимая в руках мягкую сеть и выгребая против течения, закидывая сеть и вытаскивая ее пустой. Такое безумие, такая глупость, такие бесплодные усилия на реке любви – это не по мне. Я тоже могу вложить душу и сплести мягкую чувственную сеть, но ставить эту сеть буду поперек реки, чтобы перегородить ее. Реку, конечно, не перегородишь, она может течь и сквозь ячейки старательно сплетенной сети, но и самой смысленной рыбке не сообразить, как в этом безукоризненно прозрачном потоке перед

глазами проскользнуть через безукоризненно прозрачную сеть. Лишь наткнувшись на сеть, она поймет, что это, и эта сеть роковым образом предопределит ее несвободу. Задумай я залучить ее в сети, она давно бы уже стала моей женой. Но я предпочитаю, чтобы она была у меня в подчинении, потому что именно в роли подчиненной, а не жены и любовницы, она может дать понять, насколько она важна для компании. Таких людей, как она, немного, к тому же наши с ней отношения имеют давнюю историю. С ее старшим братом мы выросли в одном дворе. Она тогда была еще маленькая, года три-четыре. А когда я уходил в армию, ей было лет десять.

– Шеф, в управлении промышленности и торговли говорят, что такое название, как «развлекательная компания с ограниченной ответственностью “Лаобинчэн”³» для регистрации в сфере индустрии развлечений не подходит. Они надеются, что мы сможем изменить название.

– Ты, малышка Ду, опять насморк подхватила или вчера не выспалась. Послушать, что думает управление промышленности и торговли по этому поводу, так мы у себя в головном офисе ни на что новое не тянем. Съездим вот с тобой туда в отдел внутренней охраны, обеспечим их защиту, и все на этом. Ладно, с этим делом ты и сама управишься! И не надо спрашивать, что и как.

Не испрашивать указаний Ду Цзюаньхун не может, она и сама понимает, что я наверняка дам согласие. То, что она знает, это еще пустяки, ей все это уладить – раз плюнуть. Но указания, похоже, необходимы, потому что она привыкла испытывать после них уверенность в себе и радость, это особенность людей, работающих под чьим-то руководством. Лишь бы все сложилось без ущерба для интересов компании и я остался доволен. Вопрос вообще-то по части моего зама Хэ Жэньцзи, но пусть занимается, если хочет!

В спальню я вошел, так и не помывшись: с утра принял душ в гостинице в Гуанчжоу и после часового перелета не такой уж грязный. Забрался в кровать, с величайшим терпением обнял Наньлань, прижал к себе и больше не шелохнулся. Некоторым неймется, стоит им забраться в кровать, но я не из таких, хотя желание бурлило всюду. Наньлань принялась легонько поглаживать мне грудь, ее маленькая нежная ручка походила на чистый, неторопливо бегущий в горах ручеек, и от этого кристально чистого потока во всем теле разливалась радость. Вода прозрачна и чиста, кажется, она овладела всем телом. Становится немного стыдно – и из-за того, что обладаешь этой водой, и от бесконечного возбуждения. Наньлань прикинула головой к моей груди, словно пытающаяся спрятаться птичка.

На мои ласки она реагировала необузданно, как водопад, и, будь я даже утесом, нависающим над бездонной пропастью, она и то могла легко перевалить через меня, чтобы разлететься прекрасными белоснежными цветами. Распускались они безоглядно, каждый со своим характером, формой и даже дикостью. Потом все эти цветы, конечно, понемногу собирались в бледно-розовый румянец. После любви женское лицо всегда такое, но у этой милашки цветочки распускались не на всем лице, стремительно покрывались розоватостью лишь щеки. Словно много белого и мало красного на белокожем нежном личике, и эти два цвета прелестным образом отражаются один в другом не на бесценном свитке художника, а в моих объятиях. Именно по этой причине я уже много лет не завожу другую.

Приняв душ, ложусь в постель отдохнуть, а Наньлань сворачивается, как кошка, рядом. Если уж на то пошло, можно было бы провести здесь пару ночей, но в конце концов решаю отправиться к жене. Укрепил меня в этом намерении нежный шепот Наньлань. Забравшись на кровать, она кладет руку мне на грудь. Когда она прикидает ртом к моему уху, я еще думаю, что она хочет сказать, как тосковала эти десять с лишним дней разлуки. Но от ее мягких и нежных слов вдруг становится не по себе. Оказывается, она хочет работать в компании, хотя бы в филиале, неважно.

– Ты малышку Ду видела? – спрашиваю.

³ Приют старого бойца (кит.)

– Нет.

– У тебя и машина есть, – продолжаю я, – и загородный дом, и деньги – какая еще работа?

– А эта барышня Ду – вон какая красивая. – Сказала и, утрируя, прикрыла рот рукой с такой непосредственностью, будто солгала.

Обычно я под такую наивность подстраиваюсь, но сейчас это не пройдет. Опять собралась на работу в компанию. Но у меня свои принципы, даже жена не может принимать участие в делах компании, не говоря уж о любовнице. Я еще не настолько глуп, чтобы не остаться верным принципам, а в этом уж никак не пойду на попятный, и это доставляет большое наслаждение. Как в этой поездке в Гуанчжоу, я хоть принял от противоположной стороны «ловушку с красавицей», но того, о чем мечтали, они так и не добились. Еще в армии за свой знак, Змея, и конопушки я получил прозвище Кобра, однополчане говорили, что яда во мне тоже хватает. На этот раз мой визави на переговорах не был Кроликом, а я не был его естественным врагом, против которого ему не устоять. Но вели они себя в основном как кролики, и если пару-тройку раз не задали стрекача, то ядом моим отравились и, одурманенные, выложили свой последний козырь. После этого я, конечно, не мог, как в бою на защите родных рубежей, противопоставить им весь набор коварных и безжалостных средств противостояния врагу, а широким жестом предоставил им выгоды, которые они и так должны были получить. Заниматься бизнесом – это тебе не воевать, где сражаются не на жизнь, а на смерть. В бизнесе нужно сосуществовать.

Дело свое я начал десять с лишним лет назад, взяв в кредит пять тысяч юаней, но на сегодняшние масштабы смог выйти не только благодаря удаче. В большей мере я опирался на свой ум. Наньлань тогда была «ловушкой с красавицей», которую я сам себе поставил. В эту ловушку, мать его, я и угодил, но в меру. Я наблюдал, как она выжидающе смотрит на меня, от раздражения внутри поднимался гнев, но внешне это никак не проявлялось.

– Потом подумая, – бросил я.

Немного яда выплеснулось, понятно, что просто так оставить это невозможно, хотелось дать ей почувствовать, что такое тоже может быть. Раз уж яд выплеснулся, пусть стухнет немного. Сказал пару якобы нежных, но скорее ядовитых слов, вышел, сел в «мерседес» и поехал к жене. Причин уехать от Наньлань было более чем достаточно, повидался с ней, теперь надо повидаться с женой. Она получает такое высокое вознаграждение, что ей ничего не остается, как только отпустить меня. Вообще-то, не заговори она о работе в компании, могла бы получить еще более высокую награду, ведь моим козырем было намерение остаться у нее на пару дней. Эта женщина так и не увидела, в чем мой козырь, она и правда простовата, причем настолько, что и радоваться некому. Слишком тороплива. Если бы, оставив меня на несколько дней, она забывала обо всем на свете, то, возможно, давно была бы не любовницей. Простота эта – ее слабое место, но по этой причине она и смогла оставаться со мной так долго. Женщина, не выказывающая мужчине своих притязаний, очень опасна. Никогда не говорить напрямую о замужестве, твердить лишь о почтительной преданности – такое не удавалось многим великим женщинам на свете, и мне в любовницы такие никак не годятся.

2

Бриллиантовому ожерелью жена очень обрадовалась. Она, конечно, не знала, что вообще-то я хотел подарить его Наньлань. Та тоже не могла знать, что в тот день из-за болтливости лишилась ожерелья стоимостью несколько десятков тысяч юаней. Жена восемнадцать нарядов при мне перемерила, чтобы я сказал, который больше подходит ожерелью. Больше смотреть не хотелось, но она была настолько увлечена, что эта цифра восемнадцать запала в память. Даром что я все восемнадцать раз говорил «подходит», она так и не поверила. А на самом деле я говорил чистую правду, потому что она занимается танцами, фигура у нее исключительная, и все наряды сидят так, что придаться просто не к чему. Жена у меня из тех, с кем

можно сладить: сказал пару слов – и выставил. Не раз задумывался: вот танцы, ведь развивают руки и ноги, почему же мозги не развиваются? Дела она ведет успешно, к тому же у нее еще одно достоинство – постоянное стремление к самосовершенствованию, да и моим деньгам она никогда не придавала большого значения.

Когда мы поженились, она была побогаче, поэтому я никогда не собирался расставаться с ней, только она могла меня бросить. Однако с ней не хочется пытаться поладить способами, которые я применяю к другим. Таких, кого надобно поставить на место, у меня немало, среди них даже любезная сердцу Наньлань. А вот жену хочется рассматривать как самую тихую, безмятежную заводь, уголок, где можно отдохнуть душой. Хотя вот такими пустяками она докучает. На кой мне в самом деле все эти примерки нарядов к ожерелью? Главное – она моя жена, а хорош первый брак или не очень, в рамках семьи изменить это, тудыть его, никак невозможно. Для меня и для сына это реальность, которую тем более не изменишь. Даже если однажды развестись, все равно семья, и ничего не поделаешь, поэтому я никогда и не думал разводиться. Конечно, не размышлял я над этим не из-за того, что она оставалась в браке со мной в те времена, когда денег у нее было больше, верила в меня. Человеку с моим образом мыслей не по зубам такие обобщения: везет моей жене или она страдает, правильный она с самого начала сделала выбор или нет? – на такое и мудрецы не способны, а она тем более. Из-за этого я очень редко говорю ей неправду, хотя бы для того, чтобы не ранить ее душу. Одним словом, она на первом месте.

Некоторые мои поступки действительно задевают ее, но она не понимает, равносильно это обиде или нет, а я такими вот увертками успокаиваю себя, когда совесть из-за нее мучает. Выводы об этом своем душевном состоянии я делаю с помощью многих словес, даже формулирую как цитаты и указания, но полной четкости в этом достичь не удавалось. Потом, пройдя через многие испытания, я все же нашел одну формулировку, глубокое и многогранное речение из буддизма: «Вино и мясо минуют утробу, будда остается в сердце».

Нянька пошла провожать сына в школу. Я направился в ванную, сделав вид, что мне не терпится заняться любовью с женой, и та, похоже, очень обрадовалась. Она в этом плане очень неумудренная, хотя уже десять лет как мать. И тут – вот те на! – улегшись рядом, жена заявила:

– Ну не может быть, чтобы между тобой и Ду Цзюаньхун что-то было!

– Конечно, не было, – подтвердил я.

Она знала, что Ду Цзюаньхун очень способная и симпатичная, и тревожилась, что я, подобно хозяевам компаний из телесериалов, могу закрутить любовь с секретаршей. И отстала, только когда я поклялся, что это не так и что в противном случае я просто, мать его, пес. Потому что знала: я – почтительный сын, к матери питаю уважение, за нее выйду на поединок с любым противником, как бы он ни был силен. Это она ясно понимала, так что если я клянусь именем матери, тут уж никаких сомнений быть не может, не буду же я поминать доброе имя матери в связи с чем-то, за что не могу поручиться. Тут надо сказать спасибо этим сценаристам и режиссерам, они никогда не были в шкуре руководителей компании, но страсть как любят описывать их жизнь. Ведь откуда сомнения жены – из телесериалов, в которых жизнь руководителей отражена очень условно. Ну и прекрасно, я даже не надеюсь, что появятся хорошие, для того и угрожал столько денег на самый лучший домашний кинотеатр, чтобы жена могла побольше смотреть все эти глупости. Такие персонажи, как Наньлань, в них тоже, конечно, присутствуют, но у сценаристов, которые пишут эти роли, о боссах всегда все известно. В моем же случае о Наньлань не знают и приятели, даже самая приближенная ко мне Ду Цзюаньхун имеет о ней лишь смутное представление.

Жена собралась во дворец пионеров учить детей танцам. Я привык, что она такая: не насладились со мной как следует и уже уходит. Даже в первые годы после женитьбы была помещена на работе. На самом деле это связано и со мной, потому что я тоже трудоголик. Первые годы после женитьбы совпали с первыми годами после создания компании, и за то, что

компания шаг за шагом набирала силу, жене приходилось платить одиночеством. Так что ей тоже необходимо было в чем-то преуспеть. Не будь у нее дела, она, как некоторые молодые женщины, любительницы поскандалить, могла бы натворить такого, что потом и не расхлебашь. Кроме выступлений в драмкружке и репетиций она за несколько сотен юаней в месяц еще ходила по выходным во дворец пионеров преподавать танцы. Иногда так и подмывает потехи ради сказать: «Надо же сколько ты зарабатываешь, мы каждый раз проституткам на чаевые больше даем». Но такие слова всякий раз застревают в горле и никогда не слетают с языка. Я понимаю, бросить такое – штука приятная, но ценой этому будет целая буря эмоций. Нет, я не настолько глуп: ляпнешь, отведешь душу, а получишь такое, что будешь ходить как мокрая курица.

Бывает, мне нравится раздражать язвительными словечками Нань-лань, а также близких, любящих меня друзей, нравится их бурный гнев, вызванный моими неоправданными действиями. Конечно, среди подчиненных не найдешь таких, кто осмелился бы на гневные изъяснения. Их удел лишь терпеть.

Возможно, это потрясения боевые, а вот нужен ли мне психиатр, я не задумывался. Но я прошел через столько боев, что обыденность не по мне, я люблю, когда жизнь бурлит. Хоть и говорят, что рынок – все равно что поле битвы, для меня, бравого вояки, понюхавшего пороха в стольких боях, такое поле битвы все равно что детская забава, это меня не трогает. Если и случается воспрянуть духом, так это в минуты отдыха. Тогда меня волнуют фантазии, я представляю себя во главе непобедимой армии, а когда возбуждение проходит, раздражаюсь про себя ругательствами. Мать их, эти атомные бомбы, водородные, все эти ракеты! С их появлением ну вот он я во главе отборных частей, а толку? Почитаешь про антикитайские выступления в Индонезии, про резню китайских иммигрантов, посмотришь, как янки бомбят наше посольство⁴, так хоть снова, мать его, в армию иди. Но выйдешь на улицу, глянешь по сторонам на распускающиеся цветы, на полных молодого задора детей и юношей, и все мысли тонут в красоте и свежести этого цветника. После трапезы и чая вспомнилось одно речение. Все эти атомные и водородные бомбы страшны, пока висят на бомбосбрасывателях. Если они будут сброшены, бояться уже будет некого. Вы, янки, можете уничтожить земной шар сто раз, а мы – один, ну и в чем разница? Ну превзошли вы нас, ну нет меня в живых, но и вас, янки, напугаем до полусмерти. Эта мысль заставила взбодриться, но потом снова стало скучно. Ну почему, тудить его, не стал генералом, ведь правда, изначально и в мыслях не было блеснуть удалью.

Вот, мучимый такими мыслями, и извожу тех, кто рядом. О том, требуется ли тут вмешательство психиатра, я и впрямь не задумывался. Мне действительно нравится раздражать, но так, чтобы задеть за живое, невзирая на личные отношения. Как с непреходящими чувствами Наньлань: мне бы радоваться и по-доброму наслаждаться. Я же, напротив, в то время как она преданно и бесконечно любит, разрушаю этот мир, которого безумно взыскует каждый. «Ты это, мать его, брось, – говорю я. – Это ты-то меня любишь? Наверняка прикидываешься». Для Наньлань с ее прекрасными чувствами это жестокий удар. Смотрю, как она трепещет, этакий нежный цветок под порывом безжалостного ветра, и получаю удовольствие. Она, конечно, может, как говорится, считать, что «на востоке встает солнце, а с запада приходят дожди»⁵, повозмущаться и пококетничать. Когда она спешит объяснить, что на самом деле возмущена, я еще больше потешаюсь, чтобы человек понял, когда я гневаюсь или бешусь. Мне даже лень оценивать, настоящее это у нее или нет.

Но вот чтобы в насмешку бросить такое жене – нет, пусть эти слова в горле застрянут! Жена – это жена, совсем другое дело, ради нее я всегда должен чем-то жертвовать! К тому

⁴ Имеется в виду ракетный удар по посольству КНР в Белграде в мае 1999 г. в ходе войны НАТО против Сербии.

⁵ Строка стихотворения танского поэта Аю Юйси (772–842), а также название популярного телесериала. Далее героиня стихотворения утверждает, что чувство есть, даже когда кажется, что его нет.

же от насылаемого женой дождя не промокнешь, ведь она единственная близкая женщина, а если единственная близкая женщина и окатит как из ведра, то надо и простужаться, и гробить здоровье.

Жена ушла. Ну а мне чем заняться? Если только заставить няньку подмести и без того вылизанный дом. Зашел в кабинет, почитал «Факты о разделе Китая великими державами», потравил душу. Сейчас нет таких дел и людей, которые могли бы взбудоражить меня, взволновать могут лишь тома военных анналов, в которых запечатлены наши сражения. Ну почему я, мать его, родился так поздно, ведь, живи я в те времена, наверняка смог бы изменить ход истории. Потерзавшись, порадовался жизни в годы, когда «китайский народ наконец поднялся»⁶, и в годы «весенних сказов»⁷. Славное было время! Возбуждался так, что просто светился от счастья, повернулся на бок, мать его, и стоило закрыть глаза, как тут же заснул.

3

Солнце встает рано. И люди спешат под его первыми лучами.

Такое оно и весной, его лучи словно сияют каким-то иным светом, заставляя смотреть на все другими глазами. Кто-то ощущает приход весны по раскатам весеннего грома, а я нет, я это чувствую по тому, как светит солнце. Весной его свет нежен, все предстает обновленным, моя машина мчится, душа распаивается, и хотя окна закрыты, я все же слышу, как разбивается о ветровое стекло свежий бодрящий ветерок вперемежку с прелестным солнечным светом.

В офисе тут и там расставлены свежие цветы, но радуется не это, а то, что Ду Цзюаньхун выключила кондиционер, распахнула окно, впустив солнечные лучи, и помещение наполнила сама весна. Вот поэтому мне и нравится, что Ду Цзюаньхун распоряжается у меня в кабинете. Она прекрасно соображает, не то что остальные работники: понимает, что свежие цветы – еще не весна, они распускаются не всегда весной, лишь солнечные лучи говорят, вот она, весна, пришла. Усаживаюсь в свое директорское кресло и жду ее. Через несколько минут она может появиться, и эти несколько минут у меня самое спокойное время дня, когда я могу ни о чем не думать. Немного похоже на затишье перед боем. Разница между полем битвы и ареной рынка в том, что на поле битвы только враги, а на рынке – лишь соперники, с первыми это кровавая схватка, со вторыми – интеллектуальные игры.

– Не хочешь съездить посмотреть «Лаобинчэн», шеф? – Вошедшая Ду Цзюаньхун не направляется сразу к моему столу, а подходит с этими словами к окну в метре от меня.

Умеет же эта женщина выбирать позицию! Встала как раз там, где сияет солнечный свет, загрозила его своим телом и ждет, пока я подниму голову, чтобы взглянуть на нее.

Я не тороплюсь, секунд через десять поднимаю голову, не поднимая век, но вижу чарующий солнечный свет на ее фигуре и очаровательную усмешку. Она понимает, что я смотрю на нее, и неторопливо приближается, как манекенщица. «Мать его, Ду Цзюаньхун, не устала еще кривляться?» – ругаюсь про себя. Но сколько бы я ни ругался про себя, на лице ничего не отражается. Уже привык к этим женским штучкам, когда они, не боясь надоесть, без устали кокетничают. Принимаю у нее список дел на сегодня и неспешно проглядываю, направляясь к стоящему у окна дивану, и только когда меня накрывает льющий во все стороны солнечный свет, прочитываю: «09:00–10:00 – заседание совета директоров. В 12:00 обсуждение с начальником секретариата городской управы основной структуры производства экологически чистых продуктов, обед в ресторане “Уолл-стрит”. В 18:00 тайваньский коммерсант приглашает на ужин в ресторан “Красный терем”». Опять два застолья, от этой еды уже воротит!

⁶ Слова Мао Цзэдуна из речи на церемонии провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики.

⁷ Имеются в виду годы реформ в КНР, начиная с 1979 г.

– На ужин в восемнадцать не пойду. – С этими словами бросаю взгляд на наручные часы: ровно восемь тридцать.

– Управляющий Ван говорит, что этот тайваньский коммерсант господин Хуан настаивает на вашем присутствии, он уже провел несколько сделок с нашей ювелирной компанией Чжубао. По его словам, Хуан проявляет большой интерес к основной структуре производства экологически чистых продуктов и надеется на возможное сотрудничество с головной компанией.

– А ну-ка вызови мне сюда управляющего Вана. – Я яростно ткнул в телефон на столе. – Набери его мобильный. Немедленно. – Уже проговорив, вспомнил, что очень хочется по малой нужде, и торопливо удалился.

Когда я вернулся из туалета, Ду Цзюаньхун уже закончила разговор по телефону.

– Восемь сорок, через десять минут можно идти на совет директоров, он в девять. – Она сидела на диване, и произнесла это отрывисто, как военный, делающий краткий доклад.

Похоже, она за Ван Дунфана заступается, мол, он из добрых побуждений притащил этого тайваньского коммерсанта, чтобы тот принял участие в крупном проекте, на который компании надо выходить, а капитала недостаточно. И чего я так разозлился, непонятно. Похоже, она не собирается уходить из комнаты заседаний совета директоров, хочет посмотреть, как я разгневаюсь, когда войдет Ван Дунфан, и чем этот гнев вызван.

На нее я внимания не обращаю. Сажу в своем директорском кресле и звоню домой, жене.

– Сокровище мое! Поела? Ребенок в школе?

Пустая болтовня, можно было и не спрашивать. Но это для Ду Цзюаньхун пустая болтовня, а для жены – нет. Жена может подумать, что я начинаю заботиться о ней и о ребенке. Вообще-то хочется сказать жене что-нибудь легкомысленно-тошнотворное, чтобы выкурить Ду Цзюаньхун отсюда. Покосившись на нее, замечаю, что она смотрит на свежие цветы, делая вид, что не слушает, и чувствую, как игривые слова лезут назад в глотку.

Когда входит управляющий Ван, говорю:

– Иди займись делом, малышка Ду!

Ей ничего не остается, как уйти. Проходя мимо Ван Дунфана, еще и подмигивает ему. Думает, раз она спиной ко мне, так я и не вижу, как она глазки строит. Да я по одному движению головы и аккуратно спадающих на плечи волос в дверях уже вижу, что она делает ему знак глазами.

Сажу в кресле, опустив голову, и изучаю справочник компании. Управляющего Вана «мариную» перед столом. Гневаться я и не думаю, как предвкушала Ду Цзюаньхун, этот гнев неизвестно откуда взялся. Каким бы он ни был беспричинным, не могу же я ни с того ни с сего отругать своего высокопоставленного работника! Не сержусь, но и говорить ничего не говорю, посмотрим, как он себя поведет. Этого тайваньца я видел уже не раз, этакий дух обезьяны, нечистоплотный ловкач, соображает по мелочам, не очень-то он мне по душе. К этому застолью я сегодня не готов, вот и вызвал управляющего Вана, чтобы по крайней мере послушать, с чего вдруг этот тайванец проявляет интерес к моим планам по экологически чистым продуктам. Если что-то подходящее, пусть на него выходит Хэ Жэнь-цзи. Это мой однополчанин, капитан, заместитель главного управляющего.

– Шеф, этот тайванец как услышал, что вы – бывший военный, так очень захотел встретиться с вами. – Говорит управляющий Ван чуть слышно.

Не поднимаю головы, но знаю, что левая рука у него на правой в почтительном жесте. Управляющие филиалами не обращаются ко мне «президент совета директоров» и не величают почтительно «главный», для них я – «шеф». Мне тоже нравится, когда меня так называют. Возможно, кто-то из моих смысленных работников покопался в моем деле и выбрал это слово, чтобы выслужиться. Это слово действительно для меня в радость, потому что марша-

лов тоже называли «служивый»⁸. Но этого довода было еще недостаточно, чтобы я согласился встретиться с тайванцем. Вот я и сидел, не поднимая головы. Потому что, подними я голову, надо будет что-то говорить, а заговоришь, надо будет давать какое-то заключение. Но я не мог допустить поспешного заключения до того, как обдумаю, до того, как он мне все разъяснит со всех сторон. Такая уж у меня привычка, и я считаю, что это отчасти похоже на стиль маршала Линь Бяо⁹.

– Шеф, этот тайванец тоже военный, служил в морской пехоте и вроде дослужился до капитана.

Так, решение принято. Поднимаю голову и, глядя на управляющего Вана, четко произношу:

– Ну, раз военный, тогда встретимся! Только сегодня никакого бизнеса, сначала надо стать друзьями! Значит, решено – в «Лаобин-чэне»!

Управляющий вышел сияя. Я глянул на часы: до заседания еще сорок секунд.

Подошел туда, где из окна лился солнечный свет, уселся на диван, откинулся на спинку, все лицо залило солнце. Не палило, а ласкало. Я мог наслаждаться еще тридцать секунд.

– Едем в «Лаобинчэн», шеф? – Это вошла Ду Цзюаньхун.

– Нет.

– Не едем?

Наверняка она была ошарашена, хоть и спросила «Едем в “Лаобинчэн”», шеф?» будто походя, словно в этот «Лаобинчэн»¹⁰ я точно должен был хотеть отправиться. Это новый проект, в который наша компания за год вложила больше всего средств. Руководил проектом лично заместитель генерального директора Хэ Жэньцзи, и с прошлой недели это уже официальное предприятие. В командировке я пробыл месяц, сегодня первый день в компании, и по логике вещей взглянуть на него было абсолютно необходимо. Важная часть повестки дня утреннего заседания тоже посвящена «Лаобинчэну». И после завершения заседания нужно было ехать туда, Ду Цзюаньхун все уже подготовила.

С написанным на лице недоумением она проследовала за мной в зал заседаний.

Подчиненные с грохотом встали, я махнул рукой, и все так же дружно сели.

Сколько раз говорил: не вставайте, нет, все равно встают, потому что из двадцати присутствующих на заседании пятнадцать – бывшие военные. Никто не в форме, никто не отдает честь, но мне по-прежнему все это нравится. Я как-то бросил в шутку: мы – армия коммунистов, а если так не устраивает, то армия националистов. Последние – армия пораженческая, а мы – победоносная. Мне импонирует то, как проводит армейские совещания высший командный состав Народноосвободительной армии Китая: без формальностей, все вместе обсуждают доступный стиль работы, а по окончании совещания все аплодируют. А в армии националистов в начале такого совещания все вытягиваются по стойке «смирно», щелкают каблуками, с соблюдением всех армейских ритуалов. Но в плане тактики пользы от этого никакой, и их армия, без сомнения, обречена на поражение. Все это, конечно, можно увидеть в кино.

Теперь Поднебесная давно уже такая, какой ее создала НОАК, и все эти жесты и формы не имеют значения. К тому же мы проводим заседание совета директоров, и я больше не настаиваю: встааете, так вставайте! Когда все, как один, с шумом встают, это не может не радовать, а тому, как я машу рукой, предлагая сесть, я, как ни странно, сам того не ведая, научился у киноактера Сунь Фэйху, подражавшего генералу Цзяну, который нередко делал такие жесты.

⁸ Традиционное обращение к солдатам – «служивый» звучит так же, как и современное обращение к начальнику – «шеф».

⁹ Линь Бяо (1907–1971) – маршал КНР, политический деятель. До самой смерти считался правой рукой и преемником Мао Цзэдуна.

¹⁰ Провинция – самая крупная единица территориального деления в КНР.

Иногда мне и самому это кажется забавным, но если подумать: они все вместе с шумом встают, а я говорю «Садитесь». Разве так не смешнее? Ну прямо как учитель средней школы!

Обо всем, связанном с ночным клубом «Лаобинчэн», от имени главного управляющего клуба рассказал Хэ Жэньци. Члены совета директоров слушали с воодушевлением и восторгом.

В конце Хэ Жэньци сказал, что занимался этим ночным клубом в полном объеме, начиная со строительства и отделки и кончая официальной регистрацией, а теперь нужно назначить туда генерального директора. Он с самого начала заявил, что сам в гендиректоры не метит. Члены совета директоров как по команде уставились на него. Потом, тоже как по команде, повернулись ко мне. Понятное дело, считают, что пост гендиректора ночного клуба «Лаобинчэн» – хлебное местечко, и как только Хэ Жэньци, человек, почти год горбатившийся на этом новом проекте, может выпускать его из рук? По сути дела, лишь я понимаю, что Хэ Жэньци искренен, не тот у него характер, чтобы работать гендиректором ночного клуба.

– Какие у тебя кандидатуры? – спрашиваю я.

Глаза членов совета директоров вновь как по команде устремляются на Хэ Жэньци. Я понимаю: все надеются, что будет названо имя одного из них.

– У Саньян.

– У Саньян, – хором повторяют все.

Не то чтобы члены совета директоров заодно, дело в том, что У Саньяна среди них нет, поэтому-то и вырвался дружный возглас изумления.

У Саньян, пятьдесят лет, работал заместителем главного редактора журнала «Ежемесячник кино», заместитель председателя провинциального* Союза кинематографистов. Драматург, писатель. Автор сценария к фильмам «Сестры – меч двойной змеи», «Копье тирана У-ди», романа «Спадающая красная косынка» и других. Главный редактор «Мира развлечения», первого по продажам журнала в городе, выходявшего тиражом миллион экземпляров. Два года назад у этого издания изъяли лицензию. Причина: нанесение вреда молодежи и юношеству, следование «желтой линии»¹¹. Открыл первое в городе модельное агентство, исполнял обязанности генерального директора. Спустя два года уволен заместителем генерального директора. Причина: замгендиректора – юридический глава компании. Организовал первую в городе компанию по производству CD-ROM, был ее генеральным директором. Через три года на компанию был наложен запрет. Причина: скрытое от него нарушение закона заместителем гендиректора, по закону возглавлял компанию Хэ Жэньци, и юридическая ответственность лежала на нем. Завершилось заседание на фоне галдежа директоров. Кто бы мог подумать, что У Саньян, этот известный среди коммерсантов неоднократными победами и поражениями, будет рекомендован Хэ Жэньци в качестве генерального директора нового проекта, в который компания вложила свыше пяти миллионов юаней?!

Я не стал применять власть, чтобы прекратить галдеж. Я понимал, что он обращен на Хэ Жэньци. А тот держался как ни в чем ни бывало и не собирался менять имидж кандидата.

Ну и пусть галдят! Держись, Хэ Жэньци! Никакого решения не принимаю, а через пару дней посмотрим!

4

Выглядит «Лаобинчэн» довольно внушительно и своеобразно. Он не такой, как остальные ночные клубы, сверкающие неоновыми огнями, роскошные, но явно безвкусные. Над главным входом барельеф, изображающий поле сражения, по-старинному простой и величественный. Слева и справа – высеченные в камне лица бойцов, в шлемах, в полном боевом

¹¹ Имеются в виду размещение порнографических материалов, запрещенных в Китае.

снаряжении. При входе четверо девушек-метрдотелей в военной форме (конечно, без кокард на головных уборах и знаков различия). В главном зале – высящиеся до небес искусственные деревья, которые сплетаются ветвями, как в тропических лесах. В центре главного зала – платформы для гостей, около сорока, на лицевой стороне зала – большой экран, можно попеть караоке.

– Хэ Жэньци, а ты, мать твою, и впрямь не без способностей, негодник, – удовлетворенно похлопал я его по плечу.

– Если, скажем, строить для кинокомпании самый большой кинотеатр, хм, с зрительным залом такого размаха, на сколько лет надо контракт заключать? – Ведь все полномочия на этот проект доверены Хэ Жэньци, а я все силы положил на проект экологически чистых продуктов, и до этого проекта руки у меня так и не дошли.

– На три года, – с сияющим лицом повернулся ко мне Хэ Жэньци. – И аренда тысяч триста в год.

Вот ведь паршивец Хэ Жэньци, и чего не смотрит в глаза, когда говорит? Веки всегда лишь чуть приоткрыты, взгляд тоже опущен на вершок. Но разве он не был таким изначально? Мы служили вместе, а после увольнения в запас он открыл компанию, и я тоже. Через пару лет он потерпел сокрушительное поражение в бизнесе, и я его вытащил. Он тогда проиграл, потому что полез на рожон, поставив все на карту, но обжегся этот паршивец, видать, недостаточно. Что ж, неудивительно, в моей роте он был командиром отделения, и когда однажды атака вражеского дзота захлебнулась, он выхватил огнемёт у бойца и уже было бросился вперед, но его остановил его же заместитель. Я как раз наблюдал за этим в бинокль. Вот уж задал ему жару, когда он вернулся. «Рановато, мать твою, о славе мечтаешь! – сказал я. – Вот разжалую в рядовые, будешь знать. Ты, мать твою, о славе думаешь, а бойцов твоего отделения кто в бой поведет?» Отругав, отвел в сторонку и уже наедине сказал: «Твоя мать велела заботиться о тебе, а у меня позиция принципиальная, помогаю как могу, но ты – командир отделения, не думай, что, если тебя убьют, в отделении не найдется замены. Рвешься в атаку – давай, но если пуля найдет тебя, тут уж ничего не поделаешь, солдат должен пожертвовать собой, его никто не остановит, даже мать. Заруби на носу: настоящий солдат должен и себя защитить, и врага уничтожить». Вдалбливал ему минут десять, и все потому, что его мать с моей на одной фабрике работают. Убьют дурака, что я матери скажу?

Оказалось, что переживать за этого паршивца – пустое дело. Как начался бой, как покрыл себя славой один из бойцов его отделения, так у него глаза налились кровью и он снова полез на рожон. Тут уж возмутился я, и глаза налились кровью у меня, стало ясно одно: надо срочно избавляться от таких сукиных сынов. У них натура точно, собачья – так и ищут лазейку какую, нет чтобы вместе с остальными драться в открытую. Разозлил меня до смерти, да наплевать, что наши матери на одной фабрике работают, да, неудобно будет сообщать, ну и хрен с ним.

Вот уж не думал, что этот паршивец неисправим и будет так же отвратительно вести себя и в бизнесе. Не разобрался как следует, вбухал весь капитал и в результате полностью погорел. Восемь лет назад дело было, я тогда вытащил его из разбирательства в суде, сказал судейскому, мол, судить его бессмысленно, ну, вынесете решение, что он должен вернуть эти сто тысяч, а их у него нет. За него эту задолженность верну я. Взял кожаный кейс со ста тысячами юаней наличными и вручил истцу. С тех пор этот паршивец Хэ Жэньци без церемоний больше на меня не смотрит, как раньше, шефом величает, просто верноподданный чиновник.

– Маловато, лет на десять надо заключать. – И покосился на Хэ Жэньци. Похоже, не совсем доволен, поэтому я добавил: – Но это же не для индустрии развлечений, такое большое помещение. Для чего оно может подойти?

Хэ Жэньци на словах согласился, мол, верно говорите, шеф, а сам продолжает рассказывать: двадцать небольших комнат, десять средних и пять больших.

– Что ж, пойдём поглядим! – Посмотрев, я разозлился не на шутку. Одно дело, что все комнаты пронумерованы, так ведь не просто цифры и не какой-нибудь там «Хрустальный дворец» или «Алый лотос» – у него везде такие названия как «Артиллерийская батарея», «Рота связи», «Мотострелковая рота», «Танковая рота», «Рота противохимической защиты» и так далее. – Что же у тебя, товарищ капитан, женской роты нет, а?

Хэ Жэньци, видимо, осознал, что не прав, и поспешно возразил:

– Шеф, ведь это обсуждалось с несколькими членами совета директоров. В последний раз, когда я звонил, чтобы доложить о том, как идет отделка, ты меня даже не дослушал, сказал, что последнее слово за тобой.

– Так есть женская рота или нет? – Я отмахнулся от Хэ Жэньци и покосился на Ду Цзюаньхун. В смысле, мол, я не интересовался, а ты-то интересовалась?

Та мгновенно отреагировала и тут же заявила, обращаясь к Хэ Жэньци:

– Управляющий Хэ, «Женскую роту» я все же вернула бы!

– Хорошо-хорошо, – согласился Хэ Жэньци.

Ему было явно не по себе оттого, что Ду Цзюаньхун так очевидно с ним словчила. Своими словами она снимала с себя ответственность, будто вовсе не знала об этом или же знала, но не голосовала «за». По сути дела, она отрицала слова Хэ Жэньци о том, что он говорил с членами совета директоров.

– Тогда пошли посмотреть «Женскую роту», – махнул я рукой и направился вперед.

Ду Цзюаньхун в несколько шагов обогнала меня. Чтобы показывать дорогу.

Вошли – роскошь да и только, видать, один из больших залов, цветной телевизор с экраном в 34 дюйма, VCD-проигрыватель, усилитель, звуковые колонки. На стене рельефное изображение чаши леса, полумесяцем к телевизору кожаный диван, за ним – большой стол человек на десять. Слева от стола – буфет, заставленный винами и напитками.

– Что же ты сегодня не в военной форме, малышка Ду? – воскликнул я, усаживаясь на диван. – Ты ведь солдат.

– Я офицером служила, шеф.

– Офицером? А сегодня побудешь солдатом, скоро этот тайваньский коммерсант явится, вот и послужишь!

Не дожидаясь ее реакции, вскидываю руку и смотрю на часы:

– Хэ Жэньци, тайванец с минуты на минуту здесь будет, сходи в главный зал, встреть его.

– Может, не стоит уже так, а, шеф? – проговорила Ду Цзюаньхун, когда он ушел.

Я молчал.

Она заволновалась:

– Ну уберем завтра «Женскую роту», обязательно уберем. – И увидев, что никакой реакции не последовало, добавила: – Почтенный старший брат, я же с тобой столько лет, хоть бы на это скидку делал!

Я не реагировал.

Она умолкла и села на стул у стола с таким видом, будто смирилась с судьбой.

Через какое-то время до моего слуха донесся ее голос, не взволнованный, не торопливый, а такой, будто человек, болтает о том о сем:

– Шеф, хочу отпроситься на послезавтра, надо съездить прибраться на могиле старшего брата.

Я тут же понял: Ду Цзюаньхун человек не глупый, она не из тех, кто охотно согласится прислуживать, и сейчас, заговорив о брате, можно сказать, попала с первого выстрела. Она знает, что, какую бы ошибку она ни допустила, я все равно сделаю ей послабление из-за брата. В сообразительности ей не откажешь, она никогда не злоупотребляла его именем, чтобы открыто противостоять мне, да и таких серьезных ошибок не совершала, чтобы я прощал ее ради брата. Она понимает, что его имя поможет, лишь если она умудрится допустить однажды самую

серьезную ошибку: без моего ведома начнет собственное дело. Ей совершенно ясно, что из-за брата я ее извиню, но и перестану быть в долгу у ее семьи. Она достаточно умна и никогда серьезных ошибок не делала. Из-за этого я всегда и чувствовал себя в долгу. Этот долг слишком велик, даже если она найдет способ умыкнуть половину того, что мне принадлежит, я смогу простить ее и позволить отправиться в свободный полет с этой половиной, может, так и сброшу с плеч этот груз. Но по отношению к компании она никогда не лукавила, по крайней мере, доказательств у меня нет.

Когда ее брат умирал, он взял меня за руку и сказал: «У меня осталась лишь младшая сестренка, и когда забота о ней лежала на мне, я знал, что, пока я жив, ее судьба будет зависеть от меня». В жены себе я ее не прочил, потому что еще в детстве видел, как она, сверкая маленькой попой, справляла большую нужду во дворе. Когда я вернулся, она уже была прелестной взрослой барышней двадцати с лишним лет, бравого вида, офицером в чине лейтенанта, но и это меня не тронуло. В армию я ушел, когда ей было десять, а снова встретил спустя десять лет. Должно быть, мы стали немного чужими, но она была для меня как младшая сестра. Поэтому я не видел в ней будущую жену, хотя речи ее старшего брата в последние годы отдавали сватовством. С тех пор я и чувствовал себя виноватым перед ним. Конечно, при встрече я не передал его слова перед кончиной, потому что знал: если я это сделаю, придется взять ее в жены. Будь это против ее желания, на этом все бы и закончилось. Весь ужас как раз в том, что она не могла не хотеть выйти за меня. Она с детства почитала и меня, и брата. Именно из-за того, что мы с ее братом пошли в армию, она приложила все усилия, чтобы поступить в военное училище. Так вот, стоило мне хоть чуть-чуть проявить такое чувство, было бы странно, если бы она не вышла за меня. Это ведь и впрямь страшное дело, мать его, жениться на той, кто для тебя как младшая сестра, это же сплошное мучение. Мое преимущество как раз в даре предвидения, я понимаю, что, женись я на ней в подобном состоянии души, это будет во вред ей, она на всю жизнь останется в смятении. Это может нанести вред и мне, помешает рассмотреть как следует другое чувство. Я ведь человек здравомыслящий, понимаю, что не могу на ней жениться, а откладывать было нельзя. Тогда я взял инициативу в свои руки, нашел теперешнюю жену Лю Шуби. А чтобы не жениться на младшей сестре и разобраться, что за женщина моя жена, я действовал так, как, бывало, разбирался с позицией противника, – овладевал ею.

Когда она заговорила о брате, я ничего не сказал, но лицо сразу смягчилось, наверняка это наполнившее меня тепло воспоминаний. Разглядит выражение моего лица эта суперумница Ду Цзюаньхун? Точно, разглядела. Подошла и опустилась рядом на диван.

Вот ведь соображает, диву даешься, каких-то пять минут прошло с начала критической ситуации до ее разрешения. Понимает, что через минуту может войти тайванец с Хэ Жэньцзи и управляющим Ваном, и ей нужно подсесть ко мне.

Через пару минут они действительно появляются.

Она встает первой и прежде, чем успел открыть рот Хэ Жэньцзи, представляет:

– Это наш шеф.

Пока я пожимаю тайваньцу руку, Хэ Жэньцзи рекомендует ее как мою помощницу. Вместо рукопожатия тайванец складывает руки на груди в традиционном приветствии, приговаривая:

– Какая красавица, какая красавица! – Его глаза при этом вращаются, выражая крайнее удивление. Я-то понимаю, в чем дело: здесь, в материковом Китае, помощницы тайваньцев обычно и любовницы.

После обмена любезностями тайванец подзывает своего подчиненного с тщательно упакованной подарочной коробкой в руках и произносит традиционную вежливую формулировку:

– При первой встрече никак не выразить всего почтения, не выразить всего почтения.

Я принимаю подарок, а он достает еще и маленькую подарочную коробочку и преподносит Ду Цзюаньхун:

– Со всем почтением, со всем почтением.

Больше ничего у него в руках я не увидел. Только два подарка приготовил этот тайванец. И Ду Цзюаньхун точно принял за мою любовницу.

Усевшись, он изображает крайнее уважение:

– Я человек маленький, бизнес у меня на материке небольшой, надеюсь, господин генеральный директор, на ваше покровительство.

Я с улыбкой киваю, а потом говорю:

– Вас зовут Хуан Хэ¹², ваш род, наверное, с материка?

– Да-да, – подтверждает он. – Мои предки из Хэнани¹³, отец в 1948 году вместе с покойным президентом Цзяном¹⁴ оказался на Тайване. Я слышал, что вы, господин генеральный директор, служили в армии. Я тоже был военным, но вы – подполковник, а я – капитан, дистанция очень большая.

– Родись мы на несколько десятков лет раньше, встретились бы на полях сражений, – пошутил я, усмехнувшись, – я в армии коммунистов, вы в армии националистов. Ваш господин Чан Кайши – человек талантливый, я его очень уважаю. Он и с милитаристами¹⁵ разбирался лихо, и японцам противостоял твердо. Только вот с нашим вождем Председателем Мао не справился.

– К почтенному предку президенту Цзяну я отношусь с большим уважением, – отозвался тайванец, – ему многое было по плечу. Но ваш Председатель Мао оказался круче.

Так мы с ним болтали с полчаса. Как раз в тот момент, когда стало видно, что коммерсант хочет перейти к планам производства экологически чистых продуктов, позвонил мобильный Ду Цзюаньхун. Послушав, она сказала:

– Шеф, тебе назначил встречу начальник секретариата.

Я спросил, на какое время. Она ответила, мол, сейчас. Я изобразил, что, мол, ничего не поделаешь, и повернулся к Хэ и Вану Дунфану:

– Директор Хэ, вы уж тут примите господина Хуана как следует. – И, обменявшись с тайваньцем любезностями, ушел.

У нас с Ду Цзюаньхун так было условлено: нельзя при первой встрече говорить о проекте, это я так решил, чтобы дать понять, что у нашей компании есть возможности и в одиночку довести до конца этот большой проект по экологически чистым продуктам. Если тайванец действительно хочет вложиться, надо еще хорошенько продумать цену вопроса. К тому же он не может знать уровня секретаря, что меня разыскивает.

Во второй половине дня я три часа провел на переговорах с секретарем городской управы. Приоткрытая им информация об этом громадном проекте вселила в меня уверенность. Подумать только, за последние несколько лет население города значительно возросло, база снабжения незерновыми продуктами решительно недостаточна, поэтому город готов предоставить участок земли в уезде А в восьмидесяти с лишним километрах отсюда для создания центра экологически чистых продуктов. Этот уезд признан нуждающимся на государственном уровне, и если наша компания инвестирует десять миллионов юаней, можно получить соответствующую сумму инвестиций от государства, а также кредит от Всемирного банка из фонда поддержки нуждающихся. Это проект стоимостью более ста миллионов юаней со сравнительно стабильной прибылью. Стабильность – в этом городе с миллионом населения, и для меня неиссякаемый источник прибыли. Но сейчас выделить из компании десять миллионов юаней невозможно. На первый взгляд моя корпорация «Боши» – крупнейшее частное предприятие в про-

¹² Фамилию и имя тайваньца можно прочесть как название одной из великих китайских рек.

¹³ Хэнань – провинция в Центральном Китае.

¹⁴ Имеется в виду Чан Кайши (Цзян Цзешу, 1887–1975), первый президент Китайской Республики на Тайване.

¹⁵ Имеется в виду период с 1916 по 1927 г. в Китае, когда правительственным войскам приходилось противостоять отрядам военных правителей отдельных областей страны.

винции, но в действительности несколько основных филиалов переживают далеко не лучшие времена. Иначе я не стал бы привлекать все оборотные средства на создание развлекательной компании «Лаобинчэн». Особенно это касается моей компании по реставрации и обновлению автомашин. За последние несколько лет контрабанда автомобилей подверглась сильным ударам, что поставило эту фирму под угрозу закрытия. Хотя для исправления положения одна за другой были созданы комплексные компании по импорту автозапчастей и по ремонту импортных малолитражек, результат не очень обнадеживал. Вообще-то я решил прикрыть эту компанию, но какое-то время окончательного решения не принимал, и компания по обновлению автомобилей оставалась в корпорации таким заслуженным вассалом. Это было мое самое первое предприятие, можно сказать, с него началось мое дело, это такое почетное подразделение в армии. Можно без преувеличения утверждать, что большая часть всего парка малолитражек в городе вышла из ворот этой фирмы. Мы даже права выдавали, конечно, не без помощи друзей-однополчан. Они теперь сражаются в общественной безопасности, дорожной полиции и на других стратегически важных постах. Среди них немало таких, кто еще ездит на обновленных у меня машинах.

Если выгорит с планами по экологически чистым продуктам, я смогу отказаться от обновления автомобилей, а эти несколько десятков заслуженных вассалов разгонять незачем. Я, по правде говоря, человек очень сентиментальный, по здравом рассуждении эту фирму давно надо было прикрыть, равно как и автокомплектующее и ремонтное предприятия, потому что ежегодно от них убытки на двести тысяч юаней. Убытки небольшие, и это не основание для решения по закрытию. Гораздо более существенно, конечно, то, что несколько десятков сотрудников проработали на меня много лет, и если не самый крайний случай, я не смогу вот так взять и выкинуть их на улицу.

Проект по экологически чистым продуктам я уже хорошо обдумал. Головное предприятие еще может получить пятьсот тысяч от ювелирной компании, это без вопросов, от увеселительного клуба «Лаобин-чэн», в зависимости от того, как пойдут дела за неделю, выручка должна составить не менее трехсот тысяч в месяц. Еще с туристического центра «Боши» наскребем тысяч двести. Миллион собрать можно, а вот где взять остальные девять – надо думать. Вот вложи этот тайванец сорок с лишним миллионов тайваньских долларов, было бы достаточно, но по зубам ли ему такая сумма, неизвестно. Нужно лишь придумать, как изыскать эти десять миллионов юаней, тогда и от властей можно получить десять миллионов, и кредит от Всемирного банка. Если все сложится, этот центр станет настоящим денежным деревом.

Задумавшаяся Ду Цзюаньхун чуть нажала педаль тормоза, шедшая сзади машина резко затормозила, взвизгнув колесами по асфальту, круто повернула и прижалась к нашему «мерседесу».

– Совсем сбрендила! – донеслось из нее.

Ругательство предназначалось Ду Цзюаньхун. Машина шла по высокоскоростной транспортно-развязке, впереди ни людей, ни машин – чего тормозить? Неудивительно, что водитель шедшей позади машины выругался.

Лицо Ду Цзюаньхун даже не дрогнуло, хотя в душе она наверняка сдерживалась. Она решительно заглушила двигатель, и машина встала. Позади загудели клаксоны, слышался визг колес. Водители каждой проезжавшей мимо машины крыли ее почем зря, мол, совсем с ума спятила? Но, повернув голову и заметив миловидную Ду Цзюаньхун, они тут же проглатывали свою грязную брань. Весна, окна автомобилей открыты и не мешают разглядеть ее прелестный профиль.

– Что с тобой, малышка Ду? – спросил я.

Хотел сказать, что-нибудь нежное, но не получилось. Хотел пошутить, но понял: она переживает из-за того, что я разошелся и унизил ее в присутствии Хэ Жэньци. Она знала, что настроение у меня неплохое, но в такие моменты, ей нравилось капризничать, как младшей

сестренке. Но ведь не маленькая уже, тридцать пять в этом году, хотя статью так же грациозна и обворожительна, как юная девушка, на лице – окрашенная румянцем бледность, ухаживает за собой неплохо, ей даже дают не больше тридцати.

Появившийся у окна полицейский козырнул:

– Предъявите ваши документы, товарищ.

Ду Цзюаньхун надменно повернула голову:

– Документы я оставила дома у командира вашего отряда Дун Фанчи. Если нужно, могу позвонить и попросить его привезти.

Маленький полицейский ничуть не купился на это и продолжал настаивать на своем. Ду Цзюаньхун не обращала на него внимания. Полицейский доложил по рации коллеге о серьезном нарушении правил на развязке в районе А, попросил прислать тягач, чтобы отбуксировать машину нарушителя, а потом стал выписывать квитанцию о штрафе:

– Товарищ, в соответствии со статьей двадцать первой правил дорожного движения, вы совершили серьезное нарушение, которое влечет за собой изъятие удостоверения на полгода. Прошу предъявить водительское удостоверение и документы на машину. Если вы не можете их предъявить, машину мы эвакуируем, а вас просим в течение трех дней явиться в четвертый отряд для разбирательства.

На самом деле права у Ду Цзюаньхун были с собой. Можно, конечно, отдать их полицейскому и уехать, а завтра получить из рук командира отряда, и все на этом, но кому нужны все эти хлопоты? И сегодня ей, похоже, хотелось, чтобы машину эвакуировали, будто другой исход ее не устраивал.

Через некоторое время прибыл тягач, и полицейский предложил выйти из машины.

– Как мы пойдем по этой развязке? – возразила Ду Цзюань-хун. – Везите уже вместе с нами! – Полицейский и впрямь дал команду эвакуатору. Тот заехал перед нами, сзади у него выдвинулись два больших прорезиненных захвата. Он ухватил ими наш «мерседес» за передние колеса, включил электролебедку и поднял переднюю часть машины сантиметров на двадцать. Потом завелся и потащил.

Залившаяся краской Ду Цзюаньхун покосилась на меня, будто осрамилась в моем присутствии. Лицо обращено ко мне, а глаза скошены в сторону, за окно. Это меня позабавило: всегда черные, сверкающие и круглые, такие милые, они в таком положении виднелись лишь наполовину, и казалось, что белок в два раза больше, чем обычно. На нем смутно проступала розоватая сеточка крошечных кровеносных сосудов. Сколько же тайны за этими красивыми черными глазами! Если бы не бешеная злость, если бы она могла смотреть мужчине в лицо, а не коситься в его сторону, этот косой взгляд, в котором больше белого, чем черного¹⁶, обнаружил бы скрытые за этими прекрасными глазами недостатки, хотя эти недостатки есть у каждого. Они есть у всех, а возможно, никакие это не недостатки, но раскрывать их перед мужчиной, который нравится, не следует; как бы ты ни была взбешена, за этим нужно следить. Я впервые видел так близко ее «больше белого, чем черного», и то, что мне открылось, навело на мысль, что при подобных обстоятельствах такие прелестные глаза не такие уж и красивые. Позволить, чтобы подобная утрата контроля над собой затянулась, она, конечно, не могла, и к тому времени, когда в поблескивающих черных глазах постепенно становилось больше черного, чем белого, она уже смотрела на меня. Лицо поэтому уже собранное, и я впитывал свет этих говорящих глаз, заставивших воспринять несравненную красоту. Одарив меня взглядом, она заговорила:

– Во как сегодня: документы не отдала, штрафную квитанцию не получила, да еще предложила их командиру отряда встретить нас лично.

¹⁶ Выражение «больше белого, чем черного» означают также «много добра, мало зла». См. с. 84.

Я понимал, что все это ей по силам, с этим великим командиром они когда-то вместе служили.

– Будет тебе, малышка Ду. Показывая, какая ты крутая перед каким-то рядовым полицейским, ты сама опускаешься! Так что сегодня нужно, во-первых, предоставить документы, во-вторых, получить штрафную квитанцию, и, в-третьих, не ошарашивать своего однополчанина.

– Ну уж нет! – Ресницы затрепетали, черные глаза засверкали влажным блеском.

– Когда же ты повзрослеешь? Неужели и такому учить надо? Если не хочешь, что бы твой командир отряда и дальше оставался на этой должности, можешь пойти выше – чтобы тебя встречал командир дивизиона Лао Фан, или тебе и этого недостаточно, чтобы пустить пыль в глаза? Сила человека не в том, чтобы выделяться перед рядовыми.

И, видя, что она еще не остыла, добавил:

– Сделай как тебе говорят, полицейский тоже на службе, это ведь сушая ерунда, а мы вот беззастенчиво, нагло попираем закон. Так ли поступают люди с положением? Вот скажи, какая служба в дорожной полиции самая утомительная?

– Дежурство в будке на перекрестке.

– Хорошо, и вот через некоторое время возьмет твой приятель командир отряда и скажет этому рядовому полицейскому, что службу он несет отлично, что принято решение подзакалить его, поставить регулировщиком, чтобы понюхал пару месяцев автомобильные выхлопы, потравился! Ну что, умерила пыл? В каждом деле ситуацию нужно оценивать по справедливости.

5

Перекусили с Ду Цзюаньхун в ресторане Цилиясян¹⁷. Позвонил жене, трубку снял сын.

– А мама твоя где? – спрашиваю.

– Мама пошла во дворец пионеров учить танцам.

Вот оно что, сегодня конец недели, возвращаться домой нет смысла, а если ехать к Наньлань, то не хочется, чтобы Ду Цзюаньхун об этом знала. Похоже, сегодня малышка Ду так просто расстаться со мной не сможет, ну и хорошо, вот и пойдём-ка с ней в кафе. Как раз то, что надо, давненько не случилось поболтать о делах компании.

Я сообщил, что думаю назначить У Саньляна генеральным директором «Лаобинчэна» вместо Хэ Жэньци. Она сказала, что, вообще-то, Хэ Жэньци – самая подходящая кандидатура. Я сразу понял, почему она придерживается такого мнения. В головной компании, кроме нее, я и сам больше всего ценю Хэ Жэньци, даже отдаю ему некоторое предпочтение. По сути дела, она ведаёт внутренними делами, а он – внешними. Если Хэ Жэньци станет гендиректором «Лаобинчэна», она сможет сменить его на посту заместителя генерального директора головной компании. Ее не устраивает то, что она всего лишь заведует канцелярией и занимается этим уже очень долго. Но до сего времени сама она не заговаривала о том, чтобы стать заместителем гендиректора. Заикнись она об этом, я мог бы назначить ее на этот пост, но пока ей еще не по силам справиться с этой работой самостоятельно, так мне казалось. Называться заместителем гендиректора и продолжать заниматься канцелярией, как и сейчас, – это ее тоже не устраивает. Она понимает, что заговаривать о том, чтобы стать заместителем гендиректора номинально, лучше не стоит, она верит в свои возможности. Понимает она и то, что это означает фактическую власть в двух филиалах компании. А передать ей эту власть я пока не могу. Не могу, так как она может заявить, что станет заместителем гендиректора управляющей компании с владением половины ее активов. Я долго и не заговаривал о том, чтобы ей стать заме-

¹⁷ «Аромат на семь ли» (кит.)

стителем гендиректора, потому что хотел вынудить ее связать это с моими чувствами к ее старшему брату. Но она, похоже, соображает, и до сего времени не упоминала имени брата, чтобы получить от меня власть, из-за чего я пребывал в смятении, не зная, что она выложит как последний козырь. Честно говоря, даже если она выступит с неоправданной просьбой передать ей компанию полностью, я пойду и на это. Ее брат пожертвовал собой, чтобы защитить меня, и каждый миг, когда я развлекаюсь с красивой женщиной, наслаждаюсь вкусной едой, провожу свои дни в самом замечательном месте на земле, я всегда помню о ее старшем брате. Будь он жив, не знаю, сколько замечательных дел мы, братья, могли бы сотворить вместе. Это такая огромная досада, об этом душа и болит.

– Малышка Ду, мое дело в конечном счете, наверное, перейдет тебе, на мой взгляд, ты уже выросла, ты давно уже мне как родственница. Ты ведь знаешь, свояченице твоей никогда бизнесом не заниматься, от обоих моих братьев тоже толку мало: один – книжный червь, другой в детстве с дамбы свалился и ополоумел от сотрясения мозга. Хэ Жэньци – да, человек способный, потом тебе надо будет опираться на него, вот и все.

– Ты неправильно понял меня, шеф, у меня и в мыслях нет отеснить гендиректора Хэ. – На лице у Ду Цзюаньхун была написана обида.

– Правильно или неправильно, давай пока отставим его в сторону. Он предлагает У Сан-ляна, и правильно делает. У Сан-ляна прежде был заместителем гендиректора кинокомпании, а также зампреда провинциального союза кинематографистов, еще он известный писатель, по-прежнему вхож в провинциальную кинокомпанию, знает входы и выходы. Нам не нужно будет много думать, у таких людей и аппетит не такой большой.

– Среди литераторов, шеф, встречаются люди и чванливые, и дрянные. – Говоря такое, она наверняка уже махнула на это рукой.

– А пусть и чванливый, пусть дрянной, – тут же подхватил я, – значит, человек со вкусом, такого можно использовать. А безвкусные, как кипяток, нам не годятся. Завтра составь приказ о назначении, чтобы был. И извести Хэ Жэньци, что я хочу видеть У Сан-ляна у себя в кабинете.

В кафе постепенно стал собираться народ, неизвестно когда появившаяся девица стала наигрывать на пианино «Лян Шаньбо и Чжу Интай»¹⁸. Это была студентка института искусств, она здесь подрабатывала. Играла не очень уверенно, и исполнение немного резало слух.

– Ну что, Вонючка Маленькая, давай провожу.

Детским прозвищем я называю ее очень редко. Только в минуты радости и когда мы одни. В компании я не называл ее так никогда. При этом она обычно моргает, поблескивая глазами, наверное, вспоминает детство. Мы с ее старшим братом прозвали ее так, когда ей было лет шесть-семь. Уж она вертелась вокруг брата и так и этак. Мы с ним, бывало, мечтали под персиковым деревом у них во дворе и обычно просили ее принести попить или что-нибудь в этом роде. Когда ее называли Маленькой Вонючкой, в детстве она обычно громко выражала недовольство. Теперь я называю ее так редко, но она никогда не протестует, да и я ощущаю при этом какое-то родство.

Когда она появилась на свет, трудности с удовольствием уже были позади. Но в городах было по-прежнему трудно, риса не хватало, и тогда ее матушка послала кого-то в деревню прикупить для домашних немного картошки и кукурузы. После еды живот у Маленькой Вонючки вздувался, вот она и пускала газы. Попка маленькая, знай себе попукивает, вонь хоть и страшная, а звуки переливчатые, мелодичные. Раз мы с ее братом поставили ее, четырехлетнюю, в большую деревянную лохань с водой и стали мыть. Смотрим, в лохани пузырьки одним за

¹⁸ Аян Шаньбо и Чжу Интай – герои старинной легенды, китайские Ромео и Джульетта, соединились после смерти в виде пары бабочек. Этот сюжет стал темой множества театральных спектаклей, музыкальных произведений, кинофильмов и телесериалов.

другим поднимаются, то-то мы усмелись, аж животы заболели. Она рассердилась, встала в лохани и ну нас лупить, попасть не попала, но пару раз пукнула. С тех пор к ней это прозвище и прилепилось. Другие о нем, конечно, не знали, знали только мы с ее братом. Когда тебя называют именем тридцатилетней давности, пусть и таким неблагозвучным, – это тоже своего рода судьба. Только представь, сколько людей за эти тридцать лет не слышали твоего детского прозвища и сколько не осмелились бы его произнести. Таковы превратности судьбы этого мира, он и безжалостен, и сентиментален.

Нам бы радоваться, что еще живы, это важнее всего, после испытаний этих десятилетий, что мы еще можем в такой прекрасной обстановке и неплохом настроении называть друг друга детским прозвищем. Для этого, мать его, нужно ощущение успеха, а это ощущение в том и заключается, что мы не только живы, но и живем хорошо. Ну разве можно при этом еще и сердиться? Если рассердится, значит, она уже не Ду Цзюаньхун и уже не может вместе со мной бороться за дело. В детстве во дворе было много других приятелей, они не смогли остаться со мной, а Ду Цзюаньхун смогла, и это еще одно доказательство того, что она – смышленная, замечательная Маленькая Вонючка.

6

Когда явился У Саньян, я напрямик спросил, сколько он хочет получать в год, и он тут же заявил: «Шестьдесят тысяч». Вообще-то я хотел назначить ему сто, но раз говорит шестьдесят, пусть будет шестьдесят, похоже, аппетиты у человека действительно не так велики. Ладно, передадим ему в пользование праворульный «ниссан», он из последней контрабандной партии, и переделывать его на левый руль нет смысла. Если через год все праворульные признают негодными, на этой все равно поддельные гуандунские номера. На партии из восьми машин они еще не заменены на номера нашей провинции, слухов ходит много, уже не заметишь. Так что половину продал, половину подарил друзьям, тоже по тридцать-сорок тысяч юаней. Друзья поехали, на дорогах одно невезение, как контрольная служба их выявила, они от машин и отказались. Так или иначе, без местных номеров за эти машины почти ничего не выручишь. Последнюю никому подарить не удалось, так и осталась в гараже компании по обновлению автомобилей, совсем неиспользованная. Сначала собирался дать У Саньяну «хонду» – генеральный директор «Лаобинчэна» все же должен на «хонде» ездить, – ну а раз у этого паршивца аппетиты умеренные, пусть покатается на этой колымаге «ниссане». Попадется контрольной службе – и ладно, тогда и «хонду» получит. К тому же, если у этого паршивца машину конфискуют, наверняка совесть будет мучить, что конфисковали у него. А если взвалить на него, человека культурного, эти угрызения совести, меньше глупостей делать будет. Ведь «Лаобинчэн», в конце концов, основное предприятие компании, и он с этими угрызениями станет покладистее. Видать, ему никогда еще не предоставляли личную машину – на лице радость бесконечная, и знай себе повторяет: «Спасибо, шеф, спасибо».

Поняв, что беседу нужно заканчивать, я велел ему отправляться к Хэ Жэньци. И в напутствие сказал:

– Хэ Жэньци тебя порекомендовал, так что смотри не подводи его. На том участке головной компании, куда тебя назначил гендиректор Хэ, надо работать как следует, иначе спрошу с вас обоих.

Перепуганный У Саньян удалился.

Еще оставалось время, и Ду Цзюаньхун принесла подарки тайваньского коммерсанта: какой-то переливающийся красным камень и нечто вроде каменного яйца. По ее словам, Ван Дунфан сказал, что его добывают на Тайване, это очень редкий и дорогой декоративный минерал – розовый камень. На Тайване он очень ценится, этот экземпляр стоит тысяч тридцать тайваньских долларов, не меньше. Цветом напоминает красную розу, нежный и изящный. Если

положить на подставку из красного дерева и поместить под окно на резную композицию из корней, будет смотреться очень красиво.

– А это яйцо динозавра, – указала Ду Цзюаньхун на желтовато-серое каменное яйцо, – такие добывают в провинции Хэнань, и стоит оно две тысячи юаней. Я не очень-то разбираюсь в окаменелостях, но динозавры известны давно.

– Яйцо динозавра – и всего две тысячи юаней! Чтобы наши китайские сокровища, мать-перемать, почти ничего не стоили! – возмутился я. – Наверняка такой камень есть и у нас в Китае, скажи управляющему Вану, пусть поинтересуется. А найдет, надо встретиться с этим тайваньцем.

– Управляющий Ван уже подсутился, – сказала Ду Цзюаньхун. – У нас в ювелирной компании главный геолог раньше трудился в провинциальном управлении земельных угодий и добычи полезных ископаемых, тридцать лет проработал экспертом по горнорудным запасам и прекрасно разбирается в камнях со всей страны. Так вот он утверждает, что камень этот в петрологии известен как родонит, в наших провинциях его совсем немного, и красноватый оттенок не такой, как у розового камня, а бледно-розовый, как у персика, поэтому в народе его и называют «цветком персика».

– Ты уж, малышка Ду, распорядись, – продолжал я, – спрашивать у наших экспертов толку мало, они в курсе ситуации лишь в своей провинции, а надо запросить по всем таким управлениям страны. Разузнаем – ну не верю я, что на девяти миллионах шестистах тысячах квадратных километров может не быть такого камня. Скажи управляющему Вану, чтобы он велел этому эксперту всю страну объездить, даже если и потратится, дело стоит того!

Ду Цзюаньхун сказала, что после обеда займется этим делом, и положила яйцо динозавра в коробку:

– Этот тайванец на окаменелостях просто помешан, собрал большую коллекцию. Я слышала, он подарил гендиректору Хэ каменную рыбу из реки Баси, что в провинции Сычуань. Тот сказал, что в окаменелостях не разбирается и готов отдать ее.

– Хэ Жэньци, говоришь? Вызови-ка его, пусть зайдет и расскажет, как продвинулись переговоры с тайваньцем по экологическому проекту.

Отдаст Хэ Жэньци окаменелость или не отдаст, мне без интереса. Я в них тоже не смыслу, мне известна лишь азбучная истина: окаменелость – это то, что осталось от какого-нибудь животного или растения через несколько миллионов лет или даже миллиардов. Тут текущих дел не переделать, неужели заниматься тем, что было несколько миллионов лет назад? Председатель Мао говорил: «Десять тысяч лет – слишком долгий срок, дорожи каждым днем, каждым часом». Если даже для Председателя Мао десять тысяч лет слишком долгий срок, то что говорить обо мне, когда-то одном из его славных бойцов. Конечно, можно дорожить лишь каждым днем и часом.

Какое-то время спустя позвонила Ду Цзюаньхун и доложила, что гендиректор Хэ уехал в уезд А на переговоры с начальником уезда и партсекретарем по вопросу базы экологически чистых продуктов и вернется завтра к полудню.

– Почему он отправился туда и не поставил меня в известность?

– Шеф, забыл, что ли, ведь ты передал этот проект в ведение гендиректора Хэ? Он, уезжая, сказал, что сначала досконально разберется, что к чему, и лишь после этого сможет составить для тебя подробный доклад.

Возразить было нечего. Хэ Жэньци и так у меня все равно что правая и левая руки. Только что закончил курировать строительство и отделку «Лаобинчэна», надо было дать ему отдохнуть пару деньков, а потом заговаривать о чем-то еще. Не успел взвалить на него экологический проект, как тут же, без передышки, подавай работу. Целая буря эмоций поднялась в душе. Такое очень утомляет, и я поехал к Наньлань отдохнуть и собраться с силами.

На следующий день после полудня Хэ Жэньци действительно притащил окаменелую рыбу. Сказал, что преподносит мне, чтобы из года в год был достаток¹⁹.

Рыбу эту извлекли из серовато-красной породы, не очень твердой. Но наверняка это был камень, и состоял он из двух кусков: сама окаменевшая рыба и ее отпечаток в камне. Чешуйки твердые, с блеском, немного похожие на современную рыбу – белого амура. Сама рыба сохранилась достаточно полно, довольно четко просматривались похожие на щеточки остатки плавников на брюхе. Чешуйки отливали металлом, даже не хотелось выпускать ее из рук.

Похоже, наткнувшись на этот камень геологи раскололи его пополам, чтобы открылась и та и другая сторона окаменелости. «Занятная все же штука геология, – мелькнуло в голове. – Не думал, не гадал, а рубанул – и на тебе, окаменелая рыба открылась».

– Хэ Жэньци! Рыбу подарили тебе, себе и оставь. Я в окаменелостях тоже не смыслю, забирай!

– Как можно! – возразил тот. – Такая славная рыба, это тебе, шеф, и все тут.

– Ладно-ладно, раз «из года в год с рыбой», принимаю. – Видя, что он делает это от души, я тоже не стал утруждать себя спором о том, чьей будет эта рыба. Видать, стоит немало, одно то, что в Китай доставили издалека да еще надо было сохранить. И я запер ее в сейф.

– Этот тайваньский коммерсант соображает, – сказал Хэ Жэньци. – Хочет встретиться с соответствующим человеком в правительстве.

– Нет, так не пойдет, – возразил я. – Он сотрудничает с нами, а мы сотрудничаем с властями. С властями мы поддерживали связь, а он – с нашей стороной. Только на таких условиях, и ни на каких больше, иначе никакого сотрудничества с ним не получится.

– С этим тайваньцем дело иметь не просто, шеф, без встречи с соответствующим человеком в правительстве, не видя подписанного нашей стороной договора с правительством, он с деньгами не расстанется.

Похоже, Хэ Жэньци тайваньца не обработал.

– Ты как хочешь, но обработать его нужно обязательно. Положение компании ты прекрасно представляешь, мы можем выставить миллион, и то, можно сказать, напрягая все силы. Тайванец должен вложить по меньшей мере миллионов шесть, а лучше все девять, чтобы нам не собирать там и сям. Набрать нужно десять миллионов, и выплатить такую сумму для любой фирмы дело неподъемное. На сегодня, похоже, ни одна частная компания нам не соперник, государственным при их теперешней структуре тоже тяжело конкурировать с нами. Помимо проблем с капиталом у них еще и с персоналом далеко не все гладко. Персонал тащить приходится, а бремя это слишком тяжелое. Захотят со мной побороться – ан нет, как говорится, близок локоть, да не укусишь. А для моего предприятия это просто блестящая возможность, это жизненно важно и впредь станет его основой. Эх, Хэ Жэньци, ты только представь! А мы тут переживаем из-за трудностей с сегодняшними активами! Банкротство так банкротство, со времени основания пятнадцать лет назад это уже второй серьезный кризис.

Первый был в тысяча девятьсот девяносто третьем, банковский, тогда мы его вместе преодолели. Ну а нынешний с первым и не сравнить, думаю, и на этот раз выдюжим.

– Шеф, я тут начал осуществлять план «ловушки с красавицей». Девочек из эскорта я тогда не нашел, да и, думаю, он таких повидал немало, для него это дело левое, и нам эскортом цели не достичь. Я в тот день пригласил Сяо²⁰ Чжан из ансамбля песни и пляски попить с ним чаю, так тайванец от ее чертовской фигуры и бледного с румянцем лица просто обалдел. Представляю ее – мол, первоклассная актриса общегосударственного уровня, высочайшая квалификация, и зову У Саньяна, чтобы присоединился. Сяо Чжан красотой тайваньца

¹⁹ Китайское слово *юй* означает как «рыба», так и «достаток, излишек». Поэтому в новогоднее меню как доброе пожелание, всегда входит блюдо из рыбы. Рыба также обязательный элемент новогодних поздравительных открыток и картинок.

²⁰ Сяо – зд. «мальшка».

обворожила, а У Саньян своими сверхъестественными способностями себе подчинил. Ух, и талантище этот У Саньян, суперсила какая-то! На наших глазах с помощью цигуна²¹ поджег тайваньцу носовой платок, а потом, взяв только что вынутые из упаковки серебряные палочки для еды, выжал из них воду. И вода эта – поразительное дело! – стекала по этим палочкам и капля за каплей падала тайваньцу на лицо. У Саньян объяснил, что перемещает предметы мыслью, что это вода из священного источника в горах Линшань, так что тайванец был счастлив безмерно. Еще и не позволил тайваньцу вытереть лицо салфеткой, мол, вытрешь – все счастье сотрешь. Тот, похоже, поверил и все приговаривал с каплями воды на лице: «И впрямь из священного источника, так освежает».

– Что ж, для первого раза сойдет, – хмыкнул я. – Но тайванец так просто с деньгами не расстанется. Вот тебе два месяца сроку, чтобы все с ним уладил. А я позабочусь, чтобы власти приняли на этот счет твердое решение. Ты отвечаешь за тайваньца, другого пути нет у нас. Этот коммерсант пару раз сотрудничал с нашей ювелирной компанией и, по словам Ван Дунфана, в целом нам доверяет. Вот и славно, возможно, мы и добьемся успеха. Сяо Чжан должна показать все свое мастерство, а ты продумай хорошенько, как устроить так, чтобы она с ним амурничала. Если он попадется на крючок, ей тоже польза. Мы здесь ей тоже отстегнем двести тысяч, сперва пятьдесят тысяч задатку. Если зацепит его, не забывай: в кровать ни в коем случае не сразу. Надо переждать чуток, пусть раззадорится, а потом и в постель можно. Можешь ей сказать, мол, что мы можем подтвердить: СПИДа у него нет, так что она может спокойно и смело поднимать уровень разговоров о любви до самых захватывающих пределов.

– Шеф, но откуда нам знать, есть у него СПИД или нет? Ведь такой скот похотливый, разъезжает по разным странам, поди узнай, намотал он что или нет, мы же гарантировать не можем, – распереживался Хэ Жэньци.

– А ты на словах от своего имени заверь. Слова, они слова и есть, чего бояться-то, у тебя ведь с ней отношений, наверное, не было! Выяснится, что СПИД есть, отступимся, найдем другой подход, а нет – так и будем действовать. Видеть ничего не видели, а бывает ли такая удача, что ей привалила, – это ж все равно что мертвому из могилы выкарабкаться, – стоит ей рисковать или не стоит – нас не касается. Мы на это дело поставили, авось и выгорит, выбора у нас нет. – И я похлопал его по плечу: – Хэ Жэньци, женщин вокруг полно, смотри не втюрься.

– Такого нет, шеф, с Сяо Чжан лишь познакомился, и все. Все устрою, не беспокойся. – Увидев, что я вон уже как заговорил, он понял, что и ему отступить некуда.

Вопрос вроде обсудили до конца. Но Хэ Жэньци, похоже, ушел с тяжелым сердцем. Видать, что-то с Сяо Чжан у него было, но по сравнению с тем, будет ли процветать или нет компания, эти отношения сущий пустяк. Когда я об этом подумал, как раз позвонил Хэ Жэньци:

– Шеф, вот еще что: этот эксперт-геолог Фан Ян уже уехал в командировку, говорит, сначала проконсультируется во Всекитайском управлении земельных угодий и добычи полезных ископаемых. Слышал от человека, с которым проводил геологические изыскания в Тибете, что тот находил подобные камни, когда работал в Цинхае²². Сегодня Фан Ян уже улетел в Чэнду²³, а завтра летит в Синин. Будут новости, срочно передаст.

Наверное, Хэ Жэньци еще в лифте, сигнал не совсем четкий. Почему он не вернулся, чтобы сказать об этом? Скорее всего, это еще одно доказательство, что с Сяо Чжан у него и впрямь что-то было. Ну и славно! Пусть помучается! Муки муками, а дело делом. Этим Хэ Жэньци и отличается. Это я очень ценю.

²¹ *Цигун* — древнекитайское искусство саморегуляции организма на основе жизненной энергии *ци*, часть практики китайских боевых искусств.

²² Цинхай – провинция на северо-западе Китая, главный город – Синин.

²³ Чэнду – главный город провинции Сычуань.

Через двадцать минут снова позвонил, уже встретился с начальником уезда и партсекретарем уезда А. На своем джипе «мицубиси» проехался по нескольким городкам уезда. Условия не сказать чтобы хорошие, но руководители уезда заявили, что, если компания инвестирует средства, будет осуществляться всемерная координация. По общенациональной классификации уезд считается бедным, на этом основании они специально создали управление по привлечению инвестиций и якобы могут использовать наши будущие вложения по данному проекту для обращения за кредитом в государственный фонд борьбы с бедностью. Обязуются передать на выбор земли тридцати населенных пунктов уезда.

Лишний раз убедился, что у Хэ Жэньци с Сяо Чжан что-то было. Иначе разве он уехал бы из главного офиса, когда мы еще не все обговорили? Про себя я тоже переживал. Однажды видел Сяо Чжан, когда она приходила в компанию. Хэ Жэньци весь сиял, представляя ее, мол, прима ансамбля песни и пляски. Тогда я понятия не имел, кто она такая, а про себя подумал: «Мало ли прим в ансамблях песни и пляски?». Красивая – да, особенно фигура, просто обольстительница. Осиная талия, зад вздымается, круглый, пышный, на Востоке женщины с такой фигурой редкость. Я тогда даже засомневался: не полукровка ли она? С таким милым лицом, ну прямо молодая уйгурская красавица из Синьцзяна – просто природная красота. В таких влюбляются с первого взгляда. Эх, Хэ Жэньци, мучаешь ты себя, даже немного жалко стало.

Этого начальника уезда А я видел, зовут его вроде бы Се Цзялу. Тридцать с небольшим, из тех, у кого руки чешутся что-нибудь сделать. Партсекретаря зовут Ли Те, он постарше, лет пятьдесят. Говорят, стреляный воробей, с ним так просто не поладишь. К счастью, он земляк моего однополчанина Гун Цичжи, теперешнего замначальника городского управления общественной безопасности. Однажды, наведавшись в уездный город, Гун Цичжи закатил ему банкет, в общем, пообщались. Хоть уезд А и считается бедным, по сравнению с остальными уездами подобной классификации за последние несколько лет дела у них идут довольно неплохо. Начальник уезда с партсекретарем действуют сплоченно, и после нескольких лет хозяйствования, как ни странно, покончили с нищетой. В прошлом году в провинции собирались вывести уезд из числа бедных, об этом мне нечаянно проговорился заместитель секретаря провинциального правительства Лу Дэ. Новость чрезвычайно важная, я тут же сообщил об этом по телефону уездному партсекретарю, и сразу же забыл про эту мимолетную услугу. Совершенно не думал – на пользу это или нет. Кто знал, что через год придется реализовывать у них проект по развитию базы экологически чистых продуктов. Ведь как удачно, похоже, постоянно оказывать мимолетные услуги – штука полезная: а ну как попадешь в самую точку? Когда имеется такая основа, с первых слов возникает взаимное доверие. По раскрытой мной информации он уже понял, что я здесь не случайно, и прощупывать меня не нужно. Но и для уезда А эта информация чрезвычайно важна: шутка ли, не станет же бедный уезд упускать такую льготную политику! Недавно на собрании руководства уезда они приняли решение направить Се Цзялу в провинциальный центр. Ведь нельзя допустить, чтобы с уезда сняли ярлык бедного. По крайней мере, участники этого заседания посчитали, что так не годится. Еще им хотелось, чтобы о них, как о бедном уезде, побольше писали в газетах. Се Цзялу несколько месяцев обивал пороги в провинциальном центре и в конце концов добился отсрочки снятия этого статуса. Конечно, я тоже наставлял его, что и как делать. Для уезда это было грандиозное событие, а раз грандиозное событие, значит, нужно отметить, и если бы руководство уезда отметило это в своем кругу, все было бы шито-крыто. Но кто бы мог подумать, что этот паршивец Се Цзялу станет выпячивать свои заслуги? На общем собрании руководства и кадровых работников всего уезда он заявил, взволнованно размахивая руками: «Хочу сообщить всем хорошую новость: мы остаемся бедным уездом».

Не стань эти слова достоянием многих, на этом все бы и закончилось, но слова разнесли, да еще как есть. «Хочу сообщить всем хорошую новость: мы остаемся бедным уездом» – эти слова вынесла в заголовок одна гуанчжоуская газета, выходящая немалым тиражом.

Вопрос раздули, ладно, если бы дело ограничилось наказанием на уровне уезда или провинции. Так нет, постепенно материалы об этом появились во влиятельных газетах других провинций, а это все равно что разворошить осиное гнездо.

Снять ярлык бедного уезда – дело хорошее, и руководители уезда это признавали. Но уезд оставался бедным, и уездное начальство продолжало рассчитывать на это как на фундамент для возведения многоэтажного здания – для всего уезда это было выгодно. В этом вопросе нужно было лишь понимание друг друга без слов. А как все разошлось да появилось в газетах, народ стал вопрошать: а почему этот уезд считается бедным? Они не стыдятся, наоборот, гордятся этим. Невысок идейный уровень у тамошнего начальника, если он смеет нагло заявлять во всеуслышание, что мы, мол, остаемся бедным уездом. Как будто можно этим гордиться! Если в стране все уездные начальники до такого докатятся, будет не государство, а одно название. Если сразу не воспользоваться отзывами о руководстве уезда А, которые звучат со всех сторон, возможно, не представится случая изменить неприемлемую позицию постоянного комитета уезда. По сути дела, члены постоянного комитета понимают, что это тайные козни не входящего в комитет заместителя начальника уезда, но тут уж ничего не попишешь. При теперешней структуре занимающий должность того же уровня не может снять заместителя, это возможно лишь после обращения на уровень выше. Таким образом, вполне вероятны поступки, не соответствующие статусу настоящих заместителей, это может выражаться в том, что заместители перестанут подчиняться начальнику, даже будут поступать вопреки его указаниям, и если у тебя, у начальника, нет возможности с ним справиться, как тут надеяться, что он вмиг станет вести себя надлежащим образом?

В расстроенных чувствах начальник уезда Се Цзялу приехал в провинциальный центр и напился с горя в моем ресторане «Цилисян». Там он встретил Ду Цюаньхун. Она подкинула ему одну идею, у него тут же будто пелена с глаз спала, и он стал действовать, как велено. Прошло немного времени, и все крупные средства массовой информации провинции сообщили, что в сплоченной тяжелой борьбе руководство уезда А навело порядок в этом бедном уезде. Сразу посыпались сообщения, очерки, эксклюзивные интервью, репортажи, а так как шуму от основных местных СМИ было, конечно, больше, чем от провинциальных, вскоре это дело, почитай, было закрыто.

7

Не дождавшись звонка в условленное время, Наньлань примчалась ко мне в офис, но в кабинет ее не пустила Ду Цюаньхун. Из-за неплотно прикрытой двери в мой кабинет председателя совета директоров было слышно, о чем они говорили.

– Мне нужен Сяо Цзыбэй, – заявила Наньлань.

Думаю, когда она произносила это имя, ее лицо наверняка дышало высокомерием. Она хоть и видела Ду Цюаньхун пару раз, но знала, что ее на кривой не объедешь, а еще ей было известно с моих слов, что та – моя правая рука. Знала Наньлань и то, что Ду Цюаньхун никогда ее не видела, так что могла без обиняков, на равных выражать желание увидеть Сяо Цзыбэя. Она хотела видеть не председателя совета директоров Сяо или начальника Сяо, одно это говорило об ее особенном статусе. Значит, она или родственница, или жена, или одна из однополчан, или старая подруга.

Ду Цюаньхун тут же прикинула: во-первых, не родственница, во-вторых, не жена и не из однополчан. Старинная подруга? По возрасту не очень-то подходит. Даже если в какой-то степени допустить, что их связывает нечто особенное. Ведь может быть нечто особенное у нее самой, Ду Цюаньхун. Она и жила рядом столько лет, и отношения у них братские, опять же их отношения начальника и подчиненного – как ни крути, все посолоннее, чем у этой стоящей перед ней женщины. Поэтому Ду Цюаньхун вовсе не собиралась считаться с посетительницей.

– Начальника нет на месте, – повысила она голос. – Если у вас к нему дело, можете позвонить и записаться на прием. Пожалуйста, оставьте ваше имя, телефон. – И собралась выпроводить Нань-лань.

Похоже, та плюхнулась на диван для посетителей в приемной и затеяла холодную войну с Ду Цзюаньхун. Довольно долго не было слышно ни звука, и я подумал: «Ду Цзюаньхун тоже девочка крутая, хоть и оставила Наньлань в покое, а дело свое знает».

«Надо бы выйти», – мелькнула мысль. Кто знает, какие неприятности могут стоять за этим их кратковременным молчанием. Настроение было паршивое. «Вот ведь паразитка! – злился я. – Сколько раз предупреждал: не надо заходить за мной прямо в офис, а она возьми и заявись». Выходить я вовсе не собирался, еще немного, и Ду Цзюаньхун может вызвать полицию, чтобы ее увели. Но если подумать, такое, конечно, не годится. Ведь Ду Цзюаньхун знает, что я слышу, о чем они говорят, а если она на время замолчала, то только чтобы узнать мою реакцию. Если никакой реакции не последует, она поймет, что я не хочу видеть этого посетителя, и через какое-то время может предложить ей уйти. «И подобный итог обернется для меня целой грозой, – думал я. – От грозы любовницы насквозь не промокнешь и не простудишься, но дискомфорт ощутишь, и кому это надо?» Кроме того, Наньлань несколько раз звонила на мобильный, я был плотно занят и не дал согласия встретиться. Если она примчалась в компанию, повод должен быть важным. С этими мыслями я вышел, изобразив, как удивлен, встретив человека после долгой разлуки.

– О, давненько не виделись, каким ветром тебя занесло? – обратился я к Наньлань. И, не дожидаясь ответа, подошел, взял за руку и потряс, как старой приятельнице. А потом представил ее Ду Цзюаньхун: – Это госпожа Наньлань, солистка городского ансамбля песни и пляски, поет – заслушаешься, очень хорошо, очень.

– А-а, госпожа Наньлань! – улыбнулась Ду Цзюаньхун. – Имя незнакомое, а вот лицо очень знакомое, очень.

Услышав славословия Ду Цзюаньхун в свой адрес, Наньлань радостно разулыбалась, встала с дивана, пожала ей руку и тоже стала осыпать комплиментами:

– Барышня Ду – человек больших способностей, давно уже слышала это от вашего начальника Сяо, слышала, да...

Мы все трое с особым ударением произнесли последние слова и повторяли их раз за разом. Это казалось как бы естественным, но на самом деле ничего естественного в этом не было. Наньлань знай себе твердила «слышала, слышала». Говорила она от всей души, а послушать мои «очень хорошо, очень», так сразу чувствуешь фальшь. Только вот Наньлань этого не уловила, а Ду Цзюаньхун почувствовала наверняка. Ее «лицо очень знакомое, очень» было сказано совсем не затем, чтобы засвидетельствовать частое появление Наньлань на артистических подмостках. Она имела в виду другое: ничего особенного в таких смазливых личиках нет. А если нет ничего особенного, значит, и природных качеств немного. Таких лиц в этом мире пруд пруди, особенно в телесериалах, как гласит поговорка: «Много пьес не наберется, а красotka подвернется». Но эти красотки как появляются – все почти на одно лицо, никакой изюминки, так что и пьеса не пьеса.

А Наньлань если действительно не услышала этого, то чего тогда радостно улыбаться? Произнося это свое «лицо очень знакомое, очень», Ду Цзюаньхун еще сощурилась в мою сторону, величественно, как статуя, и кольнула мою подругу высокомерно-снисходительным взглядом: надо же – моя подруга. Я понимал, что сейчас она еще не осознает, что перед ней моя любовница. Понимай она это, она не стала бы злиться, а тут же отвезла бы меня к ней.

«Пора эту комедию заканчивать», – подумал я. И сказал:

– Слушай, Наньлань! О твоём деле я не забыл, давай позвоню руководителю труппы.

– Начальник Сяо, дело срочное! – заявила она. – Нужно сейчас же поехать со мной, речь о выезде за границу на гастроли, только на тебя и надежда.

«Вот паразитка, умеет переигрывать на ходу!».

– Ладно-ладно! – согласился я. – Сейчас съездим к твоему руководителю. – И, будто в страшной спешке, уехал из офиса.

Конечно, ни к какому руководителю ансамбля песни и пляски мы не поехали. Наньлань давно уже ушла оттуда, теперешнего руководителя она знать не знала, а я тем паче. Так что я отвез ее на «мерседесе» на загородную дачу. По дороге она не сказала ни слова, я тоже молчал, оба сидели надувшись и ожидая скандала, который разразится, как только мы переступим порог.

Мы вошли в дом, но никакого скандала не произошло. Наньлань скинула туфли на высоком каблуке и, не переодеваясь, плюхнулась на диван в гостиной. Это было непохоже на нее, потому что каждый раз, когда мы с ней приезжали, она всегда снимала тщательно подобранный в цвет плащ и надевала свободную будничную одежду. Я, конечно, тоже не стал снимать костюм, чтобы не расслабляться и не терять время. Ведь потом опять придется одеваться.

Наньлань сидела на диване, и на лице у нее было написано возмущение:

– Какой ты бессовестный, зачем ты направил на это дело Чжан Хун!

– Чжан Хун? – удивился я. – На какое такое дело? Кто это вообще?

Наньлань вскочила и хотела царапнуть меня. Не знаю почему ее рука застыла в воздухе. Может, заметила у меня на тыльной стороне ладони следы ее ногтей, оставленные в прошлый раз?

– Чжан Хун, – продолжала она, усевшись обратно, – это ведущая танцовщица нашего ансамбля, в последние годы ситуация в труппе не ах, но и вы не должны так тиранить людей.

Только после этих слов я вспомнил, кто такая Чжан Хун. Не та ли это Сяо Чжан, с помощью которой мы с Хэ Жэньци готовим «ловушку с красавицей»?

– Это дела компании, и тебе туда соваться не следует. И у нас вообще-то с самого начала существует соглашение.

– Я не могу не соваться, ведь это я познакомила ее с начальником Хэ, – взволнованно заявила Наньлань. – И только договорив, осознала, что посвятила меня в то, чего мне знать не следовало, и продолжать не посмела.

Да, проболталась она, кто бы мог подумать, что она осмелится за моей спиной знакомить женщину с моим подчиненным, да еще с ближайшим помощником, которым я дорожу? А я-то думал, что она скрыта достаточно надежно, в компании никто о ней не знает, даже Ду Цзюаньхун. Еще, бывало, радовался, на каком уровне у меня «золотое гнездышко». И думать не думал, что она, оказывается, знакома с Хэ Жэньци. И он никогда не говорил, что знает ее. Как гласит древняя заповедь, которую я любил поминать: «Если не хочешь, чтобы узнали о твоих тайных деяниях, не совершай их». Я предчувствовал, что в один прекрасный день о существовании Наньлань станет известно, но мне и в голову не приходило, что первым о ней узнает Хэ Жэньци. Что ни говори, первым ее должна была обнаружить Ду Цзюаньхун! Как это удалось Хэ Жэньци? Надо же какие таланты у паршивца, похоже, следует взглянуть на него другими глазами.

Наньлань видела, что я долго молчу, и в душе у нее наверняка рос страх. Она, должно быть, уже знала, что это предвещает мой гнев. Потому что между нами давно существовала договоренность: она не может появляться в компании и тем более заводить знакомство с кем-либо из работников. Что же говорить об отношениях, которые она взяла да и завела с моим ближайшим помощником Хэ Жэньци! И эти отношения, похоже, продолжают не день и не два. Еще и подругу с Хэ Жэньци познакомила, а это, мать ее, вообще ни в какие ворота не лезет!

Лицо мое продолжало мрачнеть, и я понимал, что при взгляде на него Наньлань охватывает настоящий ужас. «Умерь гнев, – говорю я про себя, – умерь гнев». Гнев и впрямь удалось подавить, хоть сдержался я с большим трудом, но выражение лица постепенно стало спокой-

нее. Я считал, что теперь, когда оно смягчилось, Наньлань сможет расслабиться и выложить, как все было на самом деле. Тут она вроде и впрямь почувствовала, что страх отпустил, и гроза моего гнева уже не разразится. «А раз этого не случилось, раз переживания от совершенного промаха прошли, должна откровенно признаться», – думал я.

Через какое-то время она действительно заговорила, не поднимая головы, и выложила все начистоту:

– Сначала с начальником Хэ познакомилась Чжан Хун. В прошлом году участвовала в представлении, он был просто в восторге, тогда с ним и я познакомилась. Когда она сказала, что он – управляющий корпорации «Боши», я еще подумала: «Разве не ты управляющий этой корпорации?» Конечно, она сказала неправду, и я, затащив ее в другую комнату, высказала свои сомнения. Тут она и призналась, что Хэ – заместитель управляющего. Тогда они еще не были в близких отношениях, потом я их сосватала, ну они и закрутили. – Наньлань подняла голову и глянула на меня. Увидев, что я никак не реагирую, продолжала: – Но управляющий Хэ не знает о наших с тобой отношениях. Он знает лишь, что мы с Чжан Хун вместе работаем.

Ситуация уже прояснилась, и мне следовало что-то сказать. Я тем и силен, что, не разобравшись в обстоятельствах дела, вообще ничего не говорю. Ни слова от меня не услышишь, пока я не обмозгую любой вопрос как следует, это один из моих тактических приемов. Я предоставляю говорить другим, чтобы они высказались, а сам в это время смекаю, как следует поступить. И вот сейчас время пришло.

– Ты, Наньлань, мои принципы знаешь, – заговорил я. – Я никогда и не думал на тебя сердиться, что бы ты ни делала, и никак не хотел, чтобы мы стали врагами. Так и быть, пока поверю твоим словам!

Я примиряюще потянул ее к себе, полагая, что она, как обычно, маленькой птичкой устроится у меня на груди, и дело, считай, закрыто. Но она отпихнула плечом протянутую к ней руку:

– Сяо Цзыбэй, ты не можешь быть таким бессердечным к управляющему Хэ. Человек за тебя в огонь и в воду, на все готов, а ты из его любимой женщины приманку сделать хочешь! Так ты и меня в один прекрасный день используешь для западни! – Проговорив это, она одной рукой обхватила меня за талию и уткнулась головой мне в грудь. Ее длинные волосы развевались под струей воздуха из кондиционера, несколько волосков попали в ухо, и оно зачесалось.

– Чжан Хун – его любимая женщина? – удивился я. – Что же он ничего не сказал?

– Да, без всякого сомнения, вчера управляющий Хэ говорил с ней, говорил, чтобы она пожертвовала собой, мол, компания сейчас переживает критический момент, якобы такое негодное средство и есть единственный выход. Они, наверное, сидели, стиснув руками голову, и рыдали!

Когда я услышал это, меня охватила радость: вот ведь каков паршивец Хэ Жэньци – говорит, у него с этой актрисой любовь, а сам вон как играть научился, да еще так правдоподобно! Уметь использовать женщину – одно из проявлений таланта мужчины.

– Не хочешь ли ты сказать, что они прямо здесь сидели и рыдали? – подтрунил я.

– Что ты, как можно, ты же сказал, что здесь никому появляться не разрешается, как я посмею! Они у себя, в своем доме.

«Они у себя, в своем доме». Я был потрясен. Так, значит, Хэ Жэньци дом ей купил. Видать, крепко запала ему в душу эта Чжан Хун, иначе бы он так не поступил.

– И где этот дом? – сказал я вслух. – Дорогой?

– В микрорайоне Синьсин, двухэтажная квартира, где-то сто пятьдесят квадратных метров.

«Эх, Хэ Жэньци, Хэ Жэньци, – расстроился я, – что ж ты мне про все это не сказал? Разве я согласился устраивать ловушку с помощью Чжан Хун? Мне этот дом обошелся больше

чем в двести тысяч, а тебе пришлось вложиться по меньшей мере тысяч на четыреста, да еще на отношения».

После переживаний я забеспокоился: ведь боевой товарищ! Мы же, Хэ Жэньци, братья, как можно из возлюбленной ловушку устраивать? Красоток вокруг хоть отбавляй, взял другую – и дело с концом.

Я взял телефон и собрался звонить ему.

«Что-то не так, что-то не так», – зазвенело в ушах. Это, должно быть, голос разума. Странная штука этот разум, наверное, что-то вроде мудрости, той самой заложенной во мне мудрости, которая говорила: нельзя поступать по велению чувств. И вот я стал размышлять на перепутье между разумом и мудростью. Во-первых, Хэ Жэньци ничего не сказал мне. С какой стати мне первому об этом заговаривать? Во-вторых, зачем еще до того, как я велел ему устроить «ловушку с красавицей», он уже приводил Чжан Хун на встречу с этим тайваньским коммерсантом? Как-то это все непросто и неясно почему. Непонятно, что Хэ Жэньци затеял, и почему я должен действовать импульсивно, опираясь лишь на слова Наньлань? И, в-третьих, когда я предложил Сяо Чжан для решения проблемы с тайваньцем, выражение лица у него было немного странным, но эта странность была едва заметна. Это позволило мне заключить: постельные развлечения с женщиной продолжались довольно долго, они уже вылились в какие-то чувства. Даже если эти отношения ей наскучили, они могут продолжаться в некоей необычной форме, пока она действительно не оттолкнет его. Ничего удивительного, поэтому тогда я и не остановил его. Женщин для постельных дел полно, Хэ Жэньци найдет себе другую, и снова изобразить притворную любовь ему будет несложно. Выдающийся актер не может играть все время с одной и той же актрисой. Так что, цену я тогда установил слишком низкую – всего пятьдесят тысяч. Если взглянуть на это теперь, такая сумма могла показаться Хэ Жэньци настолько унижительной, что он сел и зарыдал, обхватив голову руками. Ведь он мог дать ей гораздо больше или купить для этой ловушки другую красотку! Да и слезы – это так не похоже на Хэ Жэньци! – должны стоить по меньшей мере несколько миллионов, во всяком случае я так думаю. Если он однажды подойдет ко мне со слезами и скажет: «Шеф, мы столько лет сражались вместе, но вот приходится расставаться, вечных партнеров не бывает». Я могу выделить ему одно из предприятий, как раз несколько миллионов и выйдет, но чтобы Хэ Жэньци перед бабой слезы проливал – разве такое возможно? Есть хоть крупинка правды в этих слезах?

Хэ Жэньци вообще парень что надо, мы с ним не один пуд соли съели. И под пулями вместе были. Даже когда мы многократно атаковали переходившую из рук в руки высотку и потеряли немало своих закадычных друзей, он тоже слез не лил, лишь глаза покраснели, а когда он устремился на зачистку высотки, притаившийся в расщелине коротышка распорол ему кинжалом живот. На какой-то миг Хэ Жэньци застыл от боли – в глазах по-прежнему ни слезинки, – а потом, пылая гневом, свалил врага прикладом и не успокоился, пока шесть раз не пронзил штыком. Весь заляпанный вражеской кровью, он обливался и своей. Когда его доставили в полевой госпиталь, все посчитали, что худо дело – все тело в крови, живого места нет. Врач сказал, мол, ничего не поделаешь, брюшная полость полна крови. Я рассвирепел, вытащил пистолет да как пальну в воздух. Настоял-таки, чтобы врач приступал к лечению. Не спасешь, говорю, вот из этого пистолета и пристрелю! Тот с перепугу стал срочно принимать все меры, хотя ясно понимал, что шансы на спасение невелики. Но случилось чудо, видать, суждено было этому паршивцу пожить со мной еще.

Он не думал о том, что я вмешался в промысел судьбы и спас ему жизнь, и, придя в себя, тоже не уронил ни слезинки. Потом, когда к нему приехала мать и рыдая ощупывала шрам от кинжала почти в чи²⁴ длиной, он тоже не плакал. Его слезы, наверное, должны потрясти мир. Ну не так все, мать его, не так! Чтобы Хэ Жэньци сидел и рыдал вместе с этой Чжан

²⁴ Чи – мера длины, ок. 30 см.

Хун – ну никак это, мать его, не может быть правдой! При этой мысли захотелось тут же отче-хвостить Нань-лань. Но в конечном итоге я даже рта не раскрыл, чтобы выругаться, шмякнул телефонную трубку в гнездо, заграбастал Наньлань, как цыпленка, втащил в спальню и бросил на кровать. Если бы из-за меня ее щеки не запольхали, как цветки персика, она никогда и не поняла бы, отчего эти цветки такие красные.

После всего Наньлань с таким же пламенеющим лицом направилась в ванную. Потом туда зашел и я: она стояла и разглядывала себя в зеркале. Не обращая на нее внимания, я проследовал напрямиком в туалетную комнату, а когда вышел оттуда, и слова не сказал. Вернувшись в спальню, оделся – все это заняло не больше пары минут. Так быстро одеваются в армии, до сих пор сохранилась эта привычка. Вышел из спальни, выпил бутылку молока – одна минута, потом прошел через гостиную в гараж, завел машину и выехал из ворот – на все про все не больше трех минут. Наньлань наверняка раньше минут десяти из ванной не выйдет. Почему женщины так долго торчат в туалете, не понимаю да и понимать не хочу, но это дает достаточно времени, чтобы устроить небольшую потеху. Вот выйдет, не увидит меня и будет сидеть в гостиной и гадать, что у меня на уме и почему я так себя повел. К этому времени я уже приехал к жене. Приехав, тут же поставил на телефон другую SIM-карту, чтобы не слышать ее звонков, если позвонит. Поговорил с сыном о звездах спорта, послушал рассказ жены о последних телесериалах, так что думать о Наньлань было некогда. Так и получился прекрасный вечер в семейном кругу. А ей остались превратности судьбы и эти тупые телесериалы. «Вот и поделом», – думал я.

8

Пришла хорошая новость. Я как раз пил чай с Ван Гуанчжи, вице-мэром, который отвечал за сельское хозяйство. На три звонка мобильного я не ответил, а на четвертый вообще отключил. Отключая, увидел, что звонит Ду Цзюаньхун, а она, я знаю, из-за ерунды беспрестанно названивать не будет. Но не мог же я отвечать на звонок в присутствии вице-мэра, проявлять такую невежливость! Дождался окончания четвертого звонка и выключил телефон, показывая таким образом, что беседа с мэром – это не то что разговор с кем-то еще, демонстрируя искренность и уважение к собеседнику.

Этим звонком, на который я не мог ответить, Ду Цзюаньхун наверняка хотела сообщить что-то срочное, но, что бы то ни было, сначала нужно доиграть спектакль с уважаемым вице-мэром. Через какое-то время я сказал, что отлучусь в туалет, и перезвонил по мобильному Ду Цзюаньхун. Новость была вдохновляющей. Оказывается, Ван Дунфан сообщил о звонке Фан Яна из Цинхая. Красный камень таки нашли, почти такой же, как тайваньский розовый, но с более сочной окраской. Местные называют его яшмой «цветок персика».

– Хорошо, – сказал я. – Я еще с вице-мэром. Как закончу, найду тебя.

С сияющим лицом я вернулся в отдельный кабинет ресторана. Вице-мэр Ван и девица, специалист по чайной церемонии, обсуждали способы заварки чая «лунцзин». Судя по тому, как увлеченно они это делали, я понял, что этот паршивец Ван Гуанчжи никакой не любитель «чайного дао» – воспитания духа изысканным вкусом к чаю, ему больше по нраву покорность и застенчивость девицы.

Этого Ван Гуанчжи повысили совсем недавно и перевели в городское правительство с поста партсекретаря города, а когда новый чиновник вступает в должность, в нем предостаточно высокомерия, еще и не договорившись о встрече. Несколько раз договаривались, но встреча так и не состоялась, пока ему не позвонил сын Чжуна, замсекретаря парторганизации всей провинции, и не сказал, что я свой. Только тогда он и согласился. Сперва я хотел залу-

чить его в «Аобинчэн», чтобы он подразвлекся как следует с дунбэйскими²⁵ красотками. Не думал, что с первого раза этот тип общаться не станет. Ему непременно чаю подавай. Оставалось лишь примириться с этакой утонченностью. Только назначили паршивца, а ему-то всего сорок с небольшим, младше меня на восемь лет! Про меня-то он был наслышан, а вот мне про него, естественно, многое было неясно. Спешить он, конечно, не станет. Хоть к красоткам неравнодушен, но не может же он сразу показать свое истинное похотливое обличье! Надо что-то и оставить, первый раз встречаемся все-таки. Вот мы и зашли в лучшую в городе чайную «Дагуаньюань»²⁶. Этот паршивец не успел войти, как тут же заявил:

– Эх, управляющий Сяо! Открытая тобой, дружище, чайная великолепна, да, а вот духа литературы не хватает! Коли уж выбрал такое название – «Дагуаньюань» – должен присутствовать стиль «красного терема». Взять хотя бы иероглифы: тут рука одного мастера, там другого, просто неприлично, да и стихи не из романа. А картины: на одной стене птицы, на другой – лошади, куда же это годится! На мой взгляд, лучше было бы заменить стихи на те, что в романе, картины же – всех этих птиц и лошадей не надо, заменить все на «Двенадцать шпилек из Цзинлина»²⁷. Название комнаты тоже не очень, думаю, нужно сменить. И при чем здесь «мерседесы», БМВ, «линкольны», это же не автовыставка. Поменять на стихи из «Сна в красном тереме», и славно!

Глядя на его потуги изобразить человека образованного, знатока изящных искусств, я в душе знай посмеивался. Сегодня у него перебор вышел, заигрался он в эстета, а тут с ним какой-то солдафон. Только вот у солдафона от всех «ведь» и «же», которыми этот эстет пересыпает свою речь, даже кожа на голове онемела²⁸. Я тут же подозвал девицу-метрдетеля и велел сходить за управляющим Ли. Тотчас, радостно виляя задом, прибежал Ли Чэнфан и, поднося сигарету, залезил:

– Мэр у нас воистину человек высокообразованный, абсолютно верно, подчиненные мои подзагнули, образования маловато, ой маловато, завтра же все поменяем, завтра же. Это я обожаю любоваться машинами, вот подчиненные так комнату и назвали. Это они, видать, чтобы мне угодить. Низкопоклонством нельзя наслаждаться как попало, можно и ошибку допустить. На этот раз моя ошибка велика. Если бы не мудрые слова мэра, так ничего бы и не понял. Премного благодарен, премного благодарен. – И договорив, расплылся в улыбке до ушей.

Так и хотелось дать ему пинка, чтобы свалился. «Что же ты, мать твою – говоришь, что подчиненные перед тобой низкопоклонничают, а сам перед вице-мэром стелешься? Да еще, мать твою, “вице” добавить забываешь? Повилиял хвостом и проваливай, занимайся своими делами, здесь тебе делать нечего, давай, чтобы в момент тебя здесь не было». Пока я так ярился про себя, Ли Чэнфан рассыпался перед мэром, приглашая проследовать в самый лучший кабинет, и одновременно велел метрдетелю приготовить его и заварить лучшего чаю. Потом подмигнул мне и удалился.

Мы с Ван Гуанчжи прошли в другой кабинет, но о базе экологически чистых продуктов так и не заговаривали. Мы понимали друг друга без слов, он чувствовал, что не позволить мне осуществить этот проект у него не получится. Не стоит и устраивать конкурентную борьбу, чтобы отобрать его у меня, потому что слишком у многих это вызовет неудовольствие. Я, конечно, тоже понимал, пусть сила велика и мне помогают высокопоставленные лица, которых он знает, нужно одолеть этот барьер, чиновник не то что уездное начальство²⁹. Мы оба четко понимали это. Я осмотрительно пытался переиграть его, он тоже осмотрительно на это

²⁵ Дунбэй – северо-восточные провинции Китая.

²⁶ Дословно «Сад с великолепным видом» – название сада из классического китайского романа «Сон в красном тереме».

²⁷ «Двенадцать шпилек из Цзинлина» – еще одно название романа «Сон в красном тереме».

²⁸ Игра слов: «ма», созвучное слову, означающему «ведь» и «же», составляет часть слова «онеметь» – «фа ма».

²⁹ Игра слов: словосочетания «этот чиновник» и «уездное начальство» звучат одинаково.

реагировал. Никто не знал, что у противника на руках, каждый наблюдал, кто с какой карты пойдет, и нельзя было опрометчиво раскрывать их. По сути дела, расклад каждого был известен, поэтому, раскрыта карта или нет, особого смысла не имело. Тут все дело в психологии: кто первый не выдержит, заговорит о главном, вытащит тот самый козырь, о котором и тот и другой прекрасно знают.

Тем не менее встреча уже показала, что линия, которой мы оба придерживаемся, одна, и это линия старика Чжуна, заместителя секретаря парткома по организационной работе. Вице-мэр это понимал, знал он и о наших со стариком отношениях. Не то чтобы эта встреча была сигналом от старика Чжуна, да и зачем ему давать такой сигнал? Достаточно одного слова его сына. Все в этом замешаны, неужели он этого не понимает? Старик Чжун, конечно, тоже не мог знать о таком деле слишком много.

Недавно назначенный на пост вице-мэра, этот Ван Гуанчжи уже преуспел в привлечении инвестиций, отдал много сил продовольственной базе городского населения. Сам я тоже не страдаю от недостатка пищи и одежды, но нужно думать и о скудной продуктовой корзине народа, и эта задача, если всеми силами не добиваться капиталовложений, очень велика. Но ведь все служат народу, так стоит ли беспокоить по этому поводу заместителя секретаря парткома провинции?

На самом деле нам сегодня незачем обсуждать базу экологически чистых продуктов, этот козырь у нас на руках, вопрос лишь в том, показывать его или нет. Сегодня только познакомимся, станем ближе. Впоследствии – раз мы оба придерживаемся одной линии – о любом деле можно долго и не разговаривать. Если во всем расставлять точки над 1, будет уже не тот уровень. А не будет уровня, то мы уже не сможем посидеть вместе, попивая чай и разговаривая о том о сем. Если не побеседовать сначала какое-то время за чаем с незнакомым человеком, разве это, мать его, не безумство? Ведь в это время могут позволять себе чего душа пожелает. Сумеет незнакомый человек пройти через эти церемонии, значит, это судьба, а судьба соединит длинной вьющейся лианой меня и множество таких, как он, чтобы всем расти и крепнуть.

Когда мы уселись, он перестал обсуждать чайную церемонию с девицей-экспертом, а с видом человека сведущего заявил:

– Управляющий Сяо, что-то больно долго ты в туалете сидел, наверняка дело какое!

«И впрямь вундеркинд этот паршивец, понял, что я звонить ходил». А вслух сказал:

– Ничего особенного, управляющий Ван из ювелирной компании докладывал о партии алмазов из Южной Африки, которую готовят выставить завтра на продажу, и спрашивал, не оставить ли один, и я сказал, мол, конечно, самый лучший. – Тут я замолчал, отложил мобильник и, взяв чашку, стал попивать чай. Потом обратился к девице сказав, что я в этом деле разбираюсь неплохо и заварю чай сам.

– Хорошо-хорошо, – согласилась она. И направилась к выходу. Дойдя до двери, обернулась: – Если господам что-то понадобится, прошу нажать на звонок вызова.

– Хорошо-хорошо, – откликнулся я.

Я сменил чайный лист, продемонстрировал, как должно, весь процесс заварки, разлил заваренный чай по чашкам, накрыл заварочный чайник крышкой и отставил на другой край чайного столика. Через некоторое время от чашек пошел аромат, я поднес одну под нос и поворачивал:

– Понюхайте, это тайваньский улун³⁰ – очень ароматный.

Ван Гуанчжи тоже взял чашку и нюхал, пока тонкий аромат чая не проник в ноздри и не дошел до души.

– Вашей невестке нести неудобно с рынка, завтра накажу малышке Ду прислать несколько сортов, пусть выберет, – сказал я.

³⁰ Улун («Черный дракон») – подуферментированный чай, сочетает свойства черного и зеленого чая.

Ван Гуанчжи принялся шумно, слегка приподняв голову и не отрывая губ от края чашки, чтобы насладиться ароматом. Казалось, он хотел что-то сказать, но края чашки мешали. Возможно, он хотел или отказаться, или выразить благодарность, но, когда эти слова готовы были сорваться с губ, стало очевидно, что в них нет нужды. Он, конечно, понимал, о чем я заговорил, знал он, и что алмазы эти очень редкие. Нужно ли одному из отростков лианы говорить на языке двух семей? Хоть это и первая встреча.

Видя, что пора заканчивать, я поднял чашку и стал шумно прихлебывать маленькими глотками. Когда зеленовато-желтая жидкость, достигнув кадыка, устремилась к желудку, а затем вернулась назад к кадыку, приятно щекоча горло, я протянул руку и нажал на кнопку вызова.

Постучав, вошла официантка.

– Барышня, счет, пожалуйста, – сказал я.

Официантка ушла.

За это время я почувствовал в Ван Гуанчжи человека степенного. Такой не станет, как некоторые, говорить слова благодарности, которые следует говорить при прощании, и выражать пожелания. Судя по всему, это большой мастер, и уровень его как чиновника очень высок. Возможно, впоследствии далеко пойдет. Слова благодарности, конечно, пустая болтовня, ему не за что быть благодарным, это я должен быть признателен, что он согласился прийти на чай. Обещания отблагодарить – тем более пустые слова, обещаю он не обещаю, это тоже не от него зависит. Сегодня он, подобно деревенщине, внезапно оказавшемуся у власти, которая вскружила ему голову, подобно не знающему, почему фунт лиха, невежественному чиновнику, может раздавать обещания направо и налево, и самое большее, что он может, это дорасти до этого уровня. В нем же высокий уровень уже чувствуется, похоже, это здоровый побег, и этому побегу расти и расти. Надо потом познакомиться с ним поближе, нельзя ждать, пока он вырастет слишком высоким.

Через пару минут вошла официантка:

– Тысяча двести юаней.

Я тут же полез за деньгами.

Но она добавила:

– Управляющий Ли сказал, что, он угощает, счета не будет.

Вот облюбок этот Ли Чэнфан, ведь прекрасно знает, что когда я здесь пью, тоже никогда не плачу, я и счет попросил при Ван Гуанчжи для виду. А этот паршивец без обиняков решил одним выстрелом двух зайцев убить – и мне сделать одолжение, и Ван Гуанчжи. Ну, сукин сын Ли Чэнфан, окажешься в «Лаобинчэне», вот уж велю У Саньяну с тобой разобраться.

9

Образцы «цвета персика» прибыли самолетом. Когда я приехал на гранильное производство ювелирной компании, рабочие вскрывали упаковку, а рядом Ван Дунфан с главным инженером Фан Яном давали указания.

Увидев меня, Фан Ян не стал ждать, пока первым заговорит Ван Дунфан, и с таким видом, будто собирался присвоить чужие заслуги, принялся рассказывать:

– Такой камень добывают в северной части горного хребта Баян-хара, у нас в геологической петрологии он называется розовый углерод. Из-за гладкости и блеска в народе этот камень называют яшмой «цветок персика». Его можно использовать для производства браслетов, ожерелий, а также резных изделий. Сообщение там неудобное, размеры добычи на сегодня еще невелики. Этот минерал превосходит преподнесенный вам тайваньским коммерсантом розовый камень и по окраске.

– А по цене как? – поинтересовался я.

– Цена на руднике составляет семьсот, в Синине – тысяча двести юаней за тонну, – доложил Ван Дунфан.

– А тайваньский?

Ни Ван Дунфан, ни Фан Ян не нашлись, что ответить.

– Ну и как прикажете разговаривать с Хуан Хэ, если вы понятия не имеете о цене на Тайване?

– Когда Хуан Хэ преподнес вам этот камень с Тайваня, я с ним немного потрепался, – поспешил заявить Ван Дунфан, видя, что я начинаю распалаться. – И он проговорился, что камень стоит тридцать тысяч тайваньских долларов. Весит этот камешек примерно десять граммов, то есть три тысячи тайваньских долларов за грамм. Если перевести три тысячи тайваньских долларов в юани, получится почти тысяча юаней за грамм, соответственно, цена за тонну должна составлять где-то миллион юаней.

– Это цена уже готовой продукции, – добавил Фан Ян, – а мы говорим о цене на сырье. Цену, конечно, нужно хорошенько обмозговать, только потом можно обсуждать ее с этим тайваньцем. Завысишь – Хуан Хэ не согласится. Как тут быть? Судя по уровню обработки на Тайване, работа и материал у них обычно распределяется поровну. Таким образом, если из миллиона юаней – розничной цены – вычтешь работу, то цена за тонну составит пятьсот тысяч. При оптовой торговле с розничными торговцами обрабатывающему производству нужно еще делать пятидесятипроцентную скидку – получаем двести пятьдесят тысяч юаней за тонну. Из этих двухсот пятидесяти тысяч вычитаем уголки и отходы, которые составляют примерно пятьдесят процентов от продукции на выходе, затем из этой же суммы нужно вычтешь заработную плату. Что дает нам стоимость исходного материала в размере двенадцати целых пятидесяти тысячных юаня за тонну. Я тут проработал кое-какие материалы и обнаружил, что месторождение подобного камня на Тайване уже иссякло. По этому поводу я еще обратился к специалистам Всекитайского общества редких минералов, и их заключение совпадает с моим. Исходя из вышеприведенных данных тайваньская цена на сырье должна совсем ненамного расходиться с моей оценкой – двенадцать целых пятьдесят тысячных юаня за тонну. Если Хуан Хэ будет закупать у нас, а потом продавать на Тайване, следует предоставить ему всемерные возможности. Поэтому я рекомендую заявить цену в районе пятидесяти тысяч. При этом с вычетом транспортных расходов и других затрат он может заработать пятьдесят тысяч с тонны. Наша прибыль с тонны будет составлять около сорока пяти тысяч.

– Такая высокая доходность, точно? – Я сильно засомневался в выкладках Фан Яна: чтобы этот красный камешек и давал такую огромную прибыль!

– Редкие минералы – товар особенный, – сказал Фан Ян. – Их базовую цену определить невозможно, для этой разновидности даже департамент ценового регулирования может назвать лишь временную, не установленную твердо цену. Потому определить ее нельзя, все камни неодинаковы, себестоимость одного может составлять всего один юань, возможно, кто-то захочет продать его за десять тысяч, а камень себестоимостью десять тысяч ты можешь подарить кому-то, а он этому человеку, может, и не нужен. К примеру, фон этого камня – красный, но узор на его поверхности неповторим. Когда в этом камне много красного, а вкраплений немного, обычно его используют для изготовления браслетов, ожерелий, резных изделий. Среди вкраплений обычно преобладает черный цвет, есть и желтые, примешиваются и белые. Когда красный цвет основной, а вкрапления играют вспомогательную роль, при разрезании куска оригинального материала в основном получаются пластины толщиной восемь сантиметров, и есть возможность в полной мере продемонстрировать их узор. Получается естественный декоративный камень, в котором структура узоров образует целые картины природы, бесконечно красивые, в этом и состоит очарование редких минералов. Рекомендую эти камни не резать, а продавать Хуан Хэ как есть, в изначальном виде, потому что, не разрезав их, никто не узнает, что они собой представляют внутри. Это отчасти как в случае с сырьем жадеита, то, что

называется «сделать ставку на камень», а народное название надреза на уголке – «открыть окно в небо». Это «окно в небо» обычно лазурное, с этого и начинается торговля о цене. Он называет заоблачную цену, ты в ответ – цену земную. И как только договорились, если при разрезании окажется, что материал без примесей, – прогорел, если проступает бирюзовый – значит, ты с большой прибылью. В этом и состоит прелесть «ставки на камень». Разрезать камень и позволять Хуан Хэ покупать выборочно для нас невыгодно. Лучше уж рисковать обоим. Если после разреза окажется, что рисунок особенно хорош, – в прибыли он. Нам тоже завидовать не стоит: если после разреза выявится, что в узоре ничего особенного, деньги он назад не получает, и нас обвинять не в чем.

– Ну, инженер Фан, спасибо за труды, распространяться обо всем этом не нужно, я знаю – и хорошо, можешь отдохнуть пару дней.

– Да что там, какие труды. – Фан Ян прикусил язык, будто хотел еще что-то сказать, но передумал.

Я, конечно, не мог позволить ему говорить дальше и повернулся к Ван Дунфану:

– Управляющий Ван, инженер Фан подустал, передай в финансовый отдел, чтобы завтра перевели ему десять тысяч на кредитку «Великая Стена»³¹, пусть попутешествует, расслабится немного. – И вышел в сопровождении Ду Цзюаньхун.

Вернувшись в офис, я тут же взял трубку и позвонил на мобильный Ван Дунфана:

– Дунфан? Это Сяо Цзыбэй.

– А, да, шеф, да, шеф, – затараторил он, ожидая, что я скажу дальше.

Было такое впечатление, что он польщен неожиданной честью, потому что уже не первый год дела в ювелирной компании шли не ах, ежегодная прибыль тоже составляла где-то пятьсот тысяч юаней. Я с самого начала не придавал ей большого значения и не часто вмешивался в дела. А тут сам приехал на производство, да еще лично позвонил и по-свойски назвал его по имени.

– Дунфан, – сказал я, – намотай на ус следующее. Первое: послезавтра инженер Фан должен отправиться в туристическую поездку, его нельзя допускать к участию в переговорах. Второе: содержание составленного инженером Фаном письменного отчета о командировке – все обстоятельства разысканий на руднике, месторасположение, цены, транспортная ситуация и тому подобное – нужно срочно переписать начисто со всеми подробностями и подать доклад об осуществимости данного проекта. Всего распечатай три экземпляра, один оставишь себе для архива, два пришлешь мне. В памяти компьютера этот документ не сохранять. Это сверхсекретная информация, и ее утечки нельзя допустить ни в коем случае. Если такое случится, спросим с тебя. Фан – человек ученый, надо понимать, говорит все как есть, но тебе следует со всей ясностью объяснить ему правила дисциплины в компании, в противном случае... – Я, конечно, не мог сказать по телефону, что будет в противном случае: – Хм! Ну, сам знаешь, что сказать, не мне тебя учить.

– Понятно, шеф. Однако, шеф, раз эта штука есть в Цинхае, думаю, что долго нам ее в секрете не сохранить. – Наверняка у него слегка выиграло воображение, и он перепугался, что, если утечка произойдет в Цинхае, деваться ему будет некуда, а он прекрасно представляет, как я обхожусь с теми, кто выдает тайны.

– Дунфан, – успокоил его я, – не надо падать духом, мне нужно всего полгода, самое меньшее три месяца, понятно? Три месяца, и довольно.

– Понятно, – пробормотал тот, – понятно.

Его предыдущую фразу я услышал довольно ясно, а последнюю – неразборчиво: видать, от долгого разговора у него ухо заболело и, перед тем как сказать последнюю фразу, он переложил трубку к другому.

³¹ «Великая Стена» – кредитная карточка Банка Китая.

- Завтра пришли разрезанный образец этого «персикового цветка», выбери самый лучший! – строго велел я.
- Хорошо-хорошо.

10

Лето. Сегодня оно и наступило.

Я сижу за рулем, машина мчится по шоссе.

Лета нам в этом городе бояться нечего, оно здесь как весна, и мне очень нравится. Везде распускаются цветы, воздух напоен благоуханием. В городах и деревнях севера мне не нравится – ширь да гладь, никакой изюминки. Как в Пекине: зимой холодина – околеешь, летом жарница – сдохнуть можно, вот я туда и не езжу, зачем мне такое наказание? Да еще некоторые пекинцы мне не по душе. Выходят из домов один за другим – ну чисто посланники императора, говорят один другого громче, просто противно. Поэтому, когда многие знакомые уезжают в Пекин на повышение, я еще больше стараюсь одолеть соблазн и не ехать. Да я и не считал, что, когда ты в бизнесе, ездить в Пекин придется хочешь не хочешь. Потом я туда все же ездил, но не по делам. Выбрал для этого весенний денек, Пекин был полон весенних красок, в воздухе даже плыли какие-то белые штуковины, похожие на комочки хлопка, казалось, все небо в них, раскрой рот, и точно залетит несколько. Я мало ходил по большим оживленным улицам, а взял в аренду велосипед и отправился в старинные переулочки, хутуны. Старички и старушки там, наоборот, очень приветливые. Расскажут, как куда пройти, только не говорят, направо или налево, у них все «на север», «на юг», «на восток», «на запад». А мне как быть, куда идти, если я по сторонам света не ориентируюсь? Взрослые девицы, когда говорят, пришепетывают так мило, ну совсем не так, как пекинцы, кого я встречал до того, те разговаривают, будто уже в почтенном возрасте. Испытал, что значит ездить в хутунах на велосипеде, сделал для себя вывод, что пекинцы, которые стараются перекричать друг друга, оказывается, все понаехали из других провинций. Как мои приятели, что несколько лет назад перебрались в Пекин, тоже, мать твою, изъяснялись на столичном говорке – южном диалекте с пекинским акцентом. Позвонили мне по телефону, я, конечно, сначала понимал, а потом сказал, мол, вы, мать-перемать, давайте говорите по-человечески, не выделывайтесь, а то мне аж нехорошо становится. Те, конечно, перешли на наш говор, и только тогда стало можно с ними говорить. А этот пришепетывающий местный диалект пекинцев как послушаешь – ощущение чего-то очень правильного, классического. На выезде из хутуна я спросил у одной старушки, что это за пушинки летают в небе. «Это цветки тополя», – прошамкала та с набитым ртом. Такая прелесть эта бабуля!

Вот я и в офисе. Несколько человек что-то переставляют под руководством Ду Цюаньхун. Завидев меня, она велит всем выйти.

Рядом с футляром из красного дерева красуется подаренный тайваньцем розовый камень, на дереве мастерски выполнена изящная виньетка, из-за чего камень кажется еще более ценным. Ду Цюаньхун поставила его у меня на столе слева. Яйцо динозавра, тоже накрытое стеклянным колпаком, поставлено на круглую колонну из красного дерева в центре стеклянной витрины. На фоне подложенного под колонну синего плюша яйцо сильно выделяется. Если его поставить на чайный столик у окна, эффект будет замечательный.

– Шеф, список нуждающихся студентов, которым оказывает поддержку компания, просмотрел? – В руке Ду Цюаньхун подготовленные для меня материалы.

– Нет, не смотрел, но с этим надо повнимательнее. Проверь этих студентов, действительно ли они хорошо учатся и на самом ли деле у них нет денег на учебу? Сейчас народ в деревне не такой честный, как раньше. Деревенским властям переводить эти деньги нельзя, могут прокутить. Рекомендовать этих нуждающихся студентов лишь по сведениям с места

жительства тоже нельзя. После того как мы проверим и убедимся сами, деньги можно послать напрямую родственникам студентов или им самим.

– Это я уже организовала. Отправила начальника отдела по связям с общественностью, чтобы посетил семью каждого ученика, а вместе с ним пригласила корреспондента газеты. Компания оказывает поддержку тридцати детям, у которых нет возможности учиться, и наверняка предстоит немало волнующих моментов. Газетчикам такие вещи нужны, да и нашей компании лишняя известность не помешает. К тому же уже год, как в рамках проекта «Надежда» открылась начальная школа Боши, которой мы оказываем поддержку. После их поездки можно заодно съездить посмотреть.

Когда речь зашла о газете, я вспомнил про статью, что собирался написать. Давно уже хотелось написать ее, целых десять лет мучился. Я вообще считал себя в большом долгу перед ее старшим братом Ду Хунцзюнем, это было тяжелое бремя, давившее всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, я вспоминал об этом, вспоминал, и на душе становилось невесело. Положишь что-то из жизни на бумагу, так это лишь бумага. Может, займет уголок в газете или станет книгой, которую поставишь в угол книжной полки, и она покроется там слоем пыли. Только то из прошлого, что помнит сердце, всегда живет в нем и не преходит. Хранимое сердцем и есть самое настоящее, самое драгоценное. Так мое сердце помнит Ду Хунцзюня, и, возможно, только с моей смертью он исчезнет из него. Человек, живущий в памяти сердца, получает самое благородное в роде человеческом обхождение, я добился этого, добился. Я часто вспоминал о нем, вспоминал, как мы болели душой друг за друга. Эта боль всегда была со мной, потому я давно и задумал статью в его память. Конечно, эта статья не просто лист бумаги, она позволит раскрыть то, что у меня на душе. Позволит выплеснуть безысходную тоску. Она будет называться «Вечно живой ветеран». С тех пор как у меня в подчинении оказался такой писатель с именем, как У Саньян, еще с большей силой захотелось написать ее. Писатель из меня неважный, хотя в армии я год прослужил в канцелярии. Когда я поведал эту историю У Саньяну, он расчувствовался до слез. Написал он что-то или нет? Столько забот в последние дни, что даже не удосужился спросить об этом.

– У Саньян появлялся, нет?

– Появлялся. – Ду Цзюаньхун вышла и принесла из своего кабинета его статью.

Я взял статью и принялся читать. Но когда я дошел до строк: «Его боевой друг мог постареть, но всегда будет молодым. Навечно двадцатипятилетний, он определил для себя этот прекрасный возраст, возраст расцвета, и навсегда остался в сердцах боевых друзей вечным ветераном... Хотя в ходе Оборонительной войны³² они сражались всего лишь за небольшую высотку, это была земля нашей Родины», глаза у меня наполнились слезами.

«Ох уж этот У Саньян, надо же так написать, чтобы растрогать до слез, ублюдоков», – расчувствовавшись, ругался я. И по своей реакции понял, что он начинает мне нравиться. Хм, надо бы прибавить ему жалованье.

– Малышка Ду, скажи У Саньяну, что за работу, проделанную в «Лаобинчэне», его годовое жалованье повышается до ста тысяч. – Я назначал ему столько, сколько нужно было дать с самого начала.

– Шеф, успехи «Лаобинчэна» не сказать чтобы впечатляли. Хотя ежемесячно получается триста тысяч, но если принять во внимание, сколько туда вложено, это, считай, ничего. Предварительные цели, поставленные компанией, не достигнуты. Думаю, если на это поставить управляющего Хэ, он сможет добиться большего. Он, конечно, очень способный. – «Похоже, Ду Цзюаньхун не отказалась от амбиционных замыслов побороться за это место для Хэ Жэньци: рекомендует его, как только представляется возможность».

³² «Оборонительной войной» в Китае называют вооруженный пограничный конфликт с Вьетнамом 1979 г.

– Развлекательный бизнес сейчас не очень прибылен, слишком много таких заведений. Достичь уже достигнутого и то было нелегко. На мой взгляд, Хэ Жэньци на его месте не смог бы принести столько прибыли, и это вопрос уже решенный. – «Больше обсуждений с ее стороны не допущу».

– Статью публикуем?

– Публикуем.

– В газете или в журнале?

– Конечно, в вечерней газете, там тираж больше.

– Хорошо. В конце каждой недели четвертая полоса там посвящена литературе, значит, послезавтра и выйдет. – Ду Цзюаньхун забрала рукопись и пошла распорядиться.

В полдень, когда я собрался пойти перекусить, Ду Цзюаньхун ввела в кабинет Ван Дунфана.

– Шеф, – смущенно начал он, – образцов сегодня на фабрике подобрать не удалось. Камень слишком большой, да еще и твердый, седьмого уровня, у нас на фабрике камнерезные станки маленькие, подходящего оборудования для таких размеров нет. Я навел справки, разрезать можно только на фабрике мраморных изделий «Мэйли». Да и полировальные машины у нас используются для полировки браслетов или поверхности драгоценных камней, для такого большого камня не годятся, подойдут только машины большого размера, они тоже лишь на фабрике мраморных изделий. Камень после разрезания получается грубый, тусклый и неровный, отполировать до глянца можно только после первоначальной грубой шлифовки и последующей тонкой, лишь тогда он станет красивым и ярким. Но абразивы, которые используются на фабрике мраморных изделий, отечественного производства, требования по шлифовке мраморных плит не такие высокие, как для драгоценных камней. Наши камни именно такие, поэтому мы используем импортные японские абразивы. Сначала грубо полируем отечественными, потом наводим тонкую шлифовку японскими. Образцы будут готовы только завтра, видите ли, шеф... – Ван Дунфан глянул на меня, боясь, что я сейчас взорвусь.

Вообще-то такие вопросы, конечно, касаются ювелирной компании, они сами их решают, и дело с концом. Но запрос был сделан мной лично и был связан с получением компанией немалой прибыли. Ван Дунфан боялся допустить ошибку, не стал звонить и примчался сам.

Взглянув на него с этой стороны, я про себя порадовался: значит, предан и компании, и мне. И снисходительно улыбнулся:

– Ты, Дунфан, все правильно делаешь, я в ваших делах на фабрике не разбираюсь. Хм, ты чуть перестарался, можно было и по телефону позвонить. Попозже так попозже.

Фабрика компании расположена в южном пригороде, не ближний свет, похоже, он сегодня не только у себя на фабрике побывал, но и на пару фабрик мраморных изделий смотался, и так устал до чертиков, а еще в офис явился, чтобы доложить обстановку. Чувствует ответственность, так что эта его преданность заслуживает моей улыбки. Довольно было бы и пары слов, чтобы успокоить, но он наверняка посчитал, что в данном случае стоит явиться самому.

– Завтра доделаете, поместите в футляр из красного дерева и вот здесь поставите. – Я указал туда, где стоял подаренный тайваньцем розовый камень. – Его тайванец увезет с собой. Потом сообщите Хуан Хэ, что послезавтра приглашаю его в офис обсудить проект по экологически чистым продуктам.

Ду Цзюаньхун с Ван Дунфаном переглянулись, поняв, что преследую я совсем иные цели: как говорится, мысли Старого Пьяницы обращены не к вину³³. Проект по экологически чистым продуктам еще не готов до такой степени, чтобы я мог лично обсуждать его с Хуан Хэ. При-

³³ Старый Пьяница – прозвище Оуян Сю (1007–1072), знаменитого китайского поэта эпохи Сун. Имеется в виду, что его истинные помыслы обращены не к вину, а к жизни среди гор и потоков.

глашал я его под предлогом обсуждения в основном для того, чтобы он увидел розовый камень нашей компании.

Они вышли, а я взял трубку и набрал номер Хэ Жэньци. Нужно понять, в каком состоянии его переговоры с Хуан Хэ по этому проекту. Перед появлением тайваньца необходимо подуспокоиться.

11

Я понимал, что этот день рано или поздно настанет, но не думал, что это случится так быстро и так неожиданно.

Ду Цзюаньхун в конце концов воспользовалась именем старшего брата и выложила свои карты. Это было настолько неотвратимо, словно уготовано судьбой. Речь была совсем не о том, чтобы делить со мной имущество. Она хотела выйти за меня замуж. Просто с ума сойти, мать твою.

Рассказ об этом нужно начинать с подруги ее брата.

Имя ее Ли Хунмэй. Имя как имя, ничего особенного, но для нас с ее старшим братом в пору армейской жизни оно звучало по-особенному. Для нас с однополчанами был праздник, когда в казарме появлялось письмо с этим именем. Хотя в начале письма было написано «Ду Хунцзюню», а в конце стояла подпись «Ли Хунмэй» и ко всем оно не имело отношения, но иметь в те годы женщину, которая могла, не обращая ни на кого внимания, прославлять и любить военного – этому мы все, конечно, завидовали. Мы с Ду Хунцзюнем с детства росли вместе. Высокий и сильный, талантливый и непосредственный, он в детских играх всегда был героем Ян Цзыжуном, а я – Шао Цзяньбо³⁴. Хотя мой Шао Цзяньбо был старше по званию, одноклассникам, похоже, больше нравился герой. И когда мы пошли в армию, письма от них получал один Ду Хунцзюнь. Обо мне тоже иногда упоминали, но лишь в конце письма короткой фразой, мол, передай привет Сяо Цзыбэю. Из-за этого я потом очень мало общался с ними. Однажды на сборе одноклассников я и вовсе не сдержался. «Мы вот защищаем вас на переднем крае, а ни одного письма от вас не получили, как это ни печально», – вырвалось у меня полушутя-полусерьезно. В ответ одноклассницы загалдели: одни, что, мол, ты производишь впечатление человека довольно лукавого, другие без обиняков тут же заявили, что, мол, ты действительно в нашем классе человек заметный, но Ду Хунцзюнь еще более замечательный. По мнению третьих, я сейчас вроде бы многого добился, но я жив. А вот если бы Ду Хунцзюнь не погиб, разве мог бы я на что-то надеяться? На этом они и закончили обсуждать мои слова. При упоминании о смерти Ду Хунцзюня все очень расстроились. Всякий раз на этих сборах одни переживания, будто одноклассники для того и собираются, чтобы в наших застывших душах, в этом мире материального благополучия и веселья, только и можно что-то пробудить, вызвав боль, будто эта боль может сделать наши души лучше. Может, по этой причине мы с неизменной радостью и проводили эти наши сборы.

Печали и радости, разлуки и встречи – видимо, это и составляет смысл нашего существования в этом мире, то, зачем мы приходим сюда. Живем, вот и можем встречаться ежегодно. Год за годом жизнь складывается по-разному, и людей, приходящих на эти собрания, становится все меньше. Это не важно, важно то, что среди нас всегда есть живые, а если есть живые, значит, нет ушедших. Уходящие оставляют нам вечную память, и раз есть живые, им и не умереть. Пусть из нас немногих останется лишь один (может, я, может, кто другой), но, кто бы то ни был, я всегда могу представить чувства этого человека. Он может думать и об очень простом, например откуда мы пришли и куда уйдем, все эти миллиарды людей на земле,

³⁴ Ян Цзыжун – доблестный разведчик, главный герой «образцовой оперы» «Хитростью овладели горой Вэйхушань». Шао Цзяньбо – в той же опере командир отряда, противостоящего бандитам, мудрый и осторожный стратег.

почему только мы выросли вместе. На вопрос этот еще как посмотреть. У буддистов человек идет от пределов жизни к пределам смерти; ученые же утверждают, что вышедшего из материнского чрева человека ждет обращение в прах. Из этих азбучных истин мне больше по душе первая, она хоть и умозрительная, но не производит впечатления беспредельности.

Возможно, об этом подумает последний из нас в последний миг своей жизни, когда все одноклассники явятся ему во сне. Когда он уже не восстанет ото сна, мы все снова будем вместе – в раю или в каком-нибудь другом месте, о котором не ведаем. Вероятно, туда мы будем приходить и уходить. Снова будем учиться в одном классе начальной школы, и будет ли там все так же, как в жизни, – печали и радости, разлуки и встречи? Не знаю. Но вот сможем ли мы прожить без этого? Думаю об этом, и всякий раз глаза влажнеют.

Ли Хунмэй была той самой одноклассницей, которая больше всех писала Ду Хунцзюню и в конце письма никогда не упоминала обо мне.

Но когда я вернулся с победой с полей сражений, первой, к кому я зашел, была она, Ли Хунмэй. Я хотел передать ей последние слова Ду Хунцзюня. На самом деле в свои последние минуты он о ней не заговаривал, хоть она и писала ему чаще других. Я хорошо понимал, почему он до самого конца не упоминал о ней. С малых лет Ду Хунцзюнь был идеалистом, с детства хотел стать военным, а когда стал им, мечтал стать генералом. Ну как может человек, мечтающий стать генералом, раньше времени вступать в битву с женщиной? Поэтому Ду Хунцзюнь никогда и не говорил с Ли Хунмэй о любви. А вот она – хоть это и казалось ей несбыточной мечтой – признавалась в любви к нему. В то время признаваться в любви было в диковинку, не говорили и о постельных делах. Не то что сегодня – целый день с утра до вечера только и болтают об этом, а на самом деле это просто забава. А в ту пору только и можно было бесконечным потоком писем дать понять, что ты влюблен.

Ду Хунцзюнь прославился, еще только став командиром взвода. Званий в армии тогда еще не было, а если бы они и существовали, он был бы самое большее лейтенантом. От лейтенанта до генерала далеко, но несмотря на это в душе я считал его героем, хотя вскоре тоже получил это звание.

Вернулся домой и встретился с Ли Хунмэй я уже командиром роты. Козырнул, как положено, и поведал сочиненные мной последние слова Ду Хунцзюня. Не знаю, зачем нужно было это придумывать. Может, казалось, что это растрогает Ли Хунмэй и она сможет всю жизнь прожить с этим чувством. И еще для того, чтобы красивая женщина всегда помнила героя, потому что о героях мало кто помнит, и это очень прискорбно. Но теперь, двадцать лет спустя, я понимаю, что был не прав. Печально, конечно, что Ли Хунмэй замуж так и не вышла и на каждой встрече одноклассников появлялась словно вдова Ду Хунцзюня. Поначалу это вызывало зависть многих его поклонниц, но потом они повыходили замуж, и Ли Хунмэй больше никто не завидовал. «Как хорошо замужем!» – говорили некоторые, встречаясь первое время после замужества. И уже не завидовали Ли Хунмэй, а начинали сочувствовать ей. Ли Хунмэй оставалась тверда и упорно держалась своей позиции. Одноклассницы долго судили-рядили по этому поводу, доходило до того, что некоторые высказывали сомнения: а есть ли в ней вообще хоть капелька любви? Были и такие, которым после двадцати с лишним лет замужества жизнь настолько обрыдла, что они начинали опровергать такие суждения, мол, у Ли Хунмэй свои достоинства, ей вон как хорошо! Мужчины никогда ее не обманывают, она никогда не попадается на их уловки. Мы теперь, считай, всё поняли насчет этих дрянных мужиков, один другого хуже. Исстрадались все, а эта Ли Хунмэй – кто заставит ее страдать, ее сердце всегда принадлежит одному мужчине, как это красиво, как славно! «А ну попробуй как она», – предложила еще одна одноклассница. Тут все и замолчали.

Всякий раз от этого ее упорства, я весь аж вскипал, пару раз даже подмывало сказать, что эти его последние слова я придумал. Но когда передо мной предстала эта сорокапятилетняя женщина, которая по-прежнему хранила верность, слова застревали в горле. Вот выложу все

как есть, а это станет для нее еще более страшным ударом, тем более, что она, может, и не поверить. Придуманные последние слова могут повлиять на всю ее жизнь и привести к такому, что и не вообразить. Это постоянное страдание переросло у меня в сердечную муку. Поэтому Ду Цзюаньхун и знать не знала, что у ее брата есть одноклассница по имени Ли Хунмэй, которая его любит. К счастью, в детстве они жили не на одной улице, ведь, будь они знакомы, скрывать это до сегодняшнего дня было бы невозможно.

Не может быть, чтобы все было просто так, может, это судьба! Позавчера мы с Ду Цзюаньхун пили вино в баре, и тут неизвестно откуда появляется Ли Хунмэй. Не успела сесть, как тут же заговорила со мной о Ду Хунцзюне. Не будь рядом Ду Цзюаньхун, я возможно, и поговорил бы с ней, повспоминал его. Но она была рядом. Я изо всех сил пытался перевести разговор на другую тему, но было поздно, Ду Цзюаньхун уже заметила эту ухоженную, красивую и изысканно одетую женщину средних лет, которая упомянула о ее брате, и мгновенно заинтересовалась. Пришлось познакомиться их и представить Ду Цзюаньхун как младшую сестру Ду Хунцзюня. Я думал, что после знакомства они поговорят пару часов о Ду Хунцзюне, и всё. Не тут-то было! Ли Хунмэй, словно встретив родственника, расплакалась и развела с Ду Цзюаньхун бесконечные сердечные разговоры – ну просто настоящая тетушка, жена ее старшего брата. Хорошо бы только это. Кто мог предположить, что, уже собравшись уходить, Ли Хунмэй принесет мне последней фразой столько хлопот?

– Цзыбэй, – сказала она, – а ведь когда Хунцзюнь умирал, он разве не наказывал тебе присматривать за сестренкой?

– Да, – подтвердил я, – да, она всегда со мной.

– Почему же тогда она одна?

– Что ты говоришь, как она может быть одна? – удивился я. – Где я, там и она.

Но Ли Хунмэй продолжала:

– Хунцзюнь разве так договаривался? – И, не ожидая ответа, потянула за собой Ду Цзюаньхун: – Пойдем, сестренка.

Я видел, что она страшно возмущена, и мне оставалось лишь провожать их изумленным взглядом.

Я посидел еще немного, хмуро подождал официантку и расплатился. Вышел к машине, но машины не было. Пришлось возвращаться домой на такси. «Наверняка Ли Хунмэй захотела, чтобы Ду Цзюаньхун отвезла ее, – думал я. – Вот ведь разгневанный ангел, что она, интересно, задумала?»

Дома я тупо уселся на диван. Подошла жена, потрогала лоб:

– Простуды нет.

– Нет, нет, – подтвердил я.

– У тебя все в порядке? – спросила она.

– Да, – ответил я.

Увидев, что со мной что-то не так, она больше часа спрашивала о том о сем, и от ее расспросов я даже занервничал. Не хватало еще, чтобы это вышло наружу, утешения тут не помогут. Терпения ей и впрямь не занимать, да и я был не в силах сопротивляться этим ее супружеским и материнским заботам. Я переживал и переживал ужасно.

На самом деле ни о чем подобном Ду Хунцзюнь не договаривался. Перед кончиной он действительно надеялся, что я женюсь на его младшей сестре, но прямо об этом не говорил. Сестренка у него была единственная, он ее очень любил и боялся, что после его ухода неизвестно сколько тягот выпадет на ее долю в этом мире, где столько трудностей и опасностей. Еще больше его страшило, что она может встретить лихого человека. В конце концов, я был его товарищ – мы росли вместе, да еще однополчанин, мы участвовали в боях и понюхали пороха. Ему хотелось передать мне сестру на попечение, чтобы он хоть немного был спокоен. Жить ему тогда оставалось недолго, говорить о Ли Хунмэй было недосуг, и мне пришлось на основе

сказанного им придумать историю, которую я ей и поведал. Ли Хунмэй была вся в слезах, и мы оба твердо решили выполнить волю павшего героя. Растрогавшись, я упомянул, что Ду Хунцзюнь хотел бы передать мне сестру на попечение. «Хорошо-хорошо», – взволнованно произнесла тогда Ли Хунмэй. Будто нужно было ее согласие, чтобы жениться на его сестре. На Ду Цзюаньхун я так и не женился потому, что в детстве она, сверкая маленькой попой, справляла большую нужду во дворе, и нередко у меня на глазах. Мы были слишком хорошо знакомы, и я никогда не смотрел на нее как на женщину, она была для меня младшей сестренкой. После смерти старшего брата им стал для нее я. Разве может брат взять в жены младшую сестру? Этим я всегда себя и успокаивал. На свою свадьбу Ли Хунмэй я не приглашал. На встрече одноклассников она как-то поинтересовалась, как дела у сестренки Ду Хунцзюня. Я сказал, что их семья переехала к родственникам на северо-восток. Она поверила и считала, что семья Ду Хунцзюня в Цзилине³⁵.

Жена легла в постель и принялась читать, это у нее была многолетняя привычка. Я ложился рядом, и она пристраивалась ко мне. Этим делом мы с ней занимались очень редко. Она всегда боялась чем-нибудь заразиться. Перед сном обязательно принимала ванну, непременно мыла руки перед едой и следила, чтобы в доме не было ни пылинки. Очень долго это ее чистоплюйство страшно злило. Возвращаясь домой голодный, в голове только одно: скорее перекусить. Поднесешь чашку ко рту, еще не притронулся к еде, и слышишь ее визгливый голос: «Руки мыть!» Или придешь усталый до чертиков, только соберешься опуститься на диван, как она командует: «Переоденься!» Закончишь постельные дела с ней, соберешься спать – нет: «Иди помойся!» – «Так ведь только что мылся!» – «Еще помойся!» – «Так ведь с презервативом, – говорю я. – Вот если бы слетел – другое дело». – «Никаких других дел – марш снова мыться!» Такая злость разбирала, что хотелось оплеуху закатить. Я вообще считаю, что для мужа с женой пользоваться презервативом – последнее дело. А она заявляет, мол, эта твоя штукovina больно грязная. «Что-то раньше ты не говорила, что грязная», – говорю. А она: «Так ведь еле сдерживалась, чтобы не стошнило, ребенка очень хотела». Что верно, то верно, с тех пор как родился ребенок, всякий раз требует, чтобы с презервативом. Тогда я думал, что она боится снова забеременеть, но потом понял: штукovina эта для нее больно грязная. Запах, говорит, тошнотворный, как от дохлой рыбы или тухлых креветок. Я сначала решил: всё, никаких дел, и дулся на нее довольно долго. А потом привык, и не очень-то она была нужна, потому что я на стороне развлекался. Да и боялся: занесу ей что-нибудь, так это даст ей право утверждать, что из всех моих женщин она самая чистая! Я знал, что у всех остальных моих женщин я наверняка не единственный, но у нее я был один. В том-то и дело, может, она и преувеличивает, но и поделом.

Читает она при настольной лампе, свет очень яркий, но она может читать очень долго. А мне хоть бы что, стоит лечь, как через несколько минут я уже сплю. Я еще не в такие жуткие условия попадал, с зажженным светом больно сладко спится.

Ночью приснился сон, будто я развожусь с женой, выхожу из здания суда и вижу, что меня ждет Ду Цзюаньхун.

На следующий день Ду Цзюаньхун действительно явилась, чтобы воспользоваться именем брата. Мать ее, а ведь у меня и в мыслях не было разводиться с женой.

Мы сидели в отдельном кабинете в кафе. Лицо Ду Цзюаньхун – само спокойствие. Я знал, что она провела с Ли Хунмэй не один день. «Ну давай, – думал я, – интересно, что у вас там за тайный заговор. Придется разбираться хочешь не хочешь. Совсем не хотелось бы с этим связываться, но, может, что-то и получится». И очень спокойно ждал этого вопроса, разрешить который было непросто.

³⁵ Цзилинь – город и провинция на северо-востоке Китая.

Она с малых лет почитала меня и старшего брата, так же относилась ко мне, когда стала взрослой, так же было и когда она пришла в компанию. Выходить ей замуж или нет, советовалась, как с главой семьи. На самом деле я понимаю: она проверяет меня, конечно, я ей как старший брат, какой может быть иной смысл, она всегда только и могла считать меня своим родственником, старшим братом. Но ведь настойчивые попытки сделать из меня не брата, а нечто иное, эти ее фантазии никогда не прекращались. Это я разглядел, а вот дальше никогда не старался проникнуть, не хотел прорывать этот слой бумаги. Не раз думал, не перевести ли ее на другую работу, выделить ей свою компанию, чтобы она удалась от меня, но она всегда упорно отвергала мои предложения. И демонстрировала решимость не покидать меня. Если женщине не нужны деньги, если ей нужно лишь быть вместе с тобой, – это куда годится, думаешь, может быть иной выход? Подобную ситуацию иначе как бессилием не назовешь. По сути дела, она всегда стремилась прорвать этот слой бумаги, только не было достаточного повода. Она боялась прорвать этой слой, боялась не только не добиться этого человека, а, наоборот, потерять старшего брата – а это куда хуже.

На сей раз она с полным сознанием своей правоты нашла зацепку для решения этого вопроса. Наверняка знает, что ее брат пожертвовал собой, защищая меня. Прежде она этого не знала, ей было известно лишь, что мы с ним кровные братья. Ли Хунмэй уж не преминула рассказать все, что я говорил ей, когда первый раз вернулся с победой. Теперь у нее родная тетушка, куда уж мне, разбивателю сердец, который женится не на ней, а на других!

– Брат Сяо, – заговорила она. – Ты всегда мне нравился, зачем ты прикидываешься, что не понимаешь? Когда я искала приятеля, я спрашивала у тебя, но ты не откликался. Выходи я замуж, разводишься – тоже никакого отклика. Неужели я, по-твоему, совсем никуда не гожусь?

Она расплакалась и даже топнула ножкой, как в детстве передо мной и братом, когда нам приходилось играть с ней, чтобы утешить, покупать конфет или игрушку. Ну а сейчас, когда она такая взрослая, разве можно решить вопрос как в детстве? Как тут быть? Я оцепенело сидел рядом, не зная, что сказать.

Потом она перестала плакать и сидела, буравя меня глазами. Я понимал: она так смотрит, чтобы я что-то сказал. Ну а что сказать? С чего начать? Если мне, мать твою, и рта не раскрыть! Говорить не получается, лучше буду тоже смотреть на нее. За эти годы мы нередко играли в гляделки. Раньше обычно взгляд отводила она, но теперь заставить ее сделать это, видно, будет далеко не просто. Упрямая ведь, и выражение глаз не такое, как прежде. В них столько вопросов, столько обиды, они обвиняют и требуют ответа. Но их выражение и волнует, правда. В впервые я почувствовал в ней женщину, а не младшую сестру.

Первый раз в противостоянии взглядов глаза отвел я:

– Послушай, что вообще случилось, с чего ты расплакалась, ведь не небо же обрушилось? А если бы обрушилось, я бы поддержал, тебе-то что переживать. – И сделал вид, что не понимаю.

– Брат Сяо, ты же человек армейский. Я тоже. А сегодня мы в какие-то игрушки играем. Ну скажи, нравлюсь я тебе, в конце концов, или нет?

– Нравишься... А как я относился к тебе все эти годы, разве ты не понимаешь, ты всегда была для меня как близкая родственница!

– Но ведь какой смысл говорить такое, брат Сяо? Мы оба люди неглупые, говори прямо! Я выдержу. За столько лет мы настолько притерлись друг к другу, неужто ни слова по правде не скажешь? Как я была недовольна собой все эти годы! Я, замечательная и красивая женщина, но так и не смогла произвести на тебя впечатления. С этим трудно смириться, это так ранит.

– Как это не произвела впечатления? – проговорил я, и при этих словах изнутри словно поднялась рука и влепила мне пощечину: «Опять ложь!»

– Думаешь, я не вижу?

– На самом деле ты мне правда нравишься, но ты же моя сестренка, как я могу такое сказать?

Не успел я договорить, как та же рука отвесила оплеуху с другой стороны: «Что ж ты снова врешь!» Если она примет эти слова за правду, многое еще останется нерешенным. Но скажи я сейчас, что она мне не нравится, при том, что она из-за меня страдает, такая прекрасная и волнующая сердце, каким бы я оказался бессердечным!

– Неправду ты говоришь. Когда я в свое время искала себе приятеля и обращалась к тебе за советом, почему ты никак не отреагировал?

Похоже, она в мою ложь поверила, иначе не сказала бы: «Неправду ты говоришь». И то, что она рассердилась, это подтверждает. Эх! Как же легко женщина может попасться на удочку, даже такой выдающийся человек, как она, не исключение.

– Откуда мне знать, что у тебя на уме, – сказал я. – Ты искала приятеля, для твоего же блага, я-то чего должен волноваться? Ведь ты же моя сестренка! – Повторяя «моя сестренка», я напоминал ей, что она таковой и является.

– Тогда я еще не искала приятеля. А как увидела, что с тобой ничего не получается, тогда и нашла.

– Похоже, мы друг друга не поняли, – сказал я. – Ну разошлись наши дорожки и разошлись! Значит, не судьба.

– Не надо на судьбу сваливать, ты сам хозяин своей судьбы. Не думай, что никто не знает, что было сказано, когда мой брат умирал.

– Болтовню Ли Хунмэй слушать не надо, ты же не знаешь, при каких обстоятельствах это происходило. Говорил я другое, чтобы успокоить ее, понимаешь?

– Какое успокоить! Вот скажи, ведь тогда тетюшка тебя спрашивала, не я? Зачем ты сказал, что я уехала на северо-восток? Чтобы успокоить, да?

Она была взбудоражена, и, похоже, многолетние близкие отношения были на грани разрыва. Я никак не мог предположить, что она так быстро сойдется с Ли Хунмэй.

– Успокоить, это как сказать.

Пока я от волнения не знал, что ответить, зазвонил ее мобильный. Она взяла его и после окончания разговора сказала:

– Шеф, Хуан Хэ хочет пятьдесят тонн «персикового цветка» и просит предложить максимум двадцать тысяч юаней за тонну.

– Раз он через тебя связывается, вот и решай.

– Тут тебе распоряжаться! Тридцать тысяч за тонну дороговато. Управляющий Ван тут посчитал, у нас себестоимость три тысячи за тонну. А Хуан Хэ говорит, что ему не нужны наши связи, он сам будет отправлять контейнеры в Сямэнь³⁶, а как он их доставит – не наша забота.

– Если это не контрабанда, связи не связи, у нас хоть и нет лицензии на экспорт и импорт полезных ископаемых, это не проблема. Можем вывозить через провинциальную пятую горнорудную компанию. Тридцать тысяч за тонну для него выгодно. Привезет на Тайвань – огребет кучу денег. Эти штуковины – не машины, которые нужно все время ремонтировать, списывать за непригодностью. Сколько бы времени ни прошло, они не испортятся и не сгниют, самоцветы бесценны, и он, должно быть, прекрасно это понимает. За такой бизнес нам нужно хвататься обеими руками, такое славное дельце всего-то и можно провернуть пару раз. Когда откликнутся и налетят другие, мы этим заниматься уже не будем. Пусть все этим занимаются. Прибыль, в конце концов, незначительная, рынок насыщен, еще неизвестно, стоит ли игра свеч. Тем не менее, раз уж он по этому поводу обратился к тебе, давай принимай решение!

– Думаю за тонну стоит предложить двадцать с половиной. Если будем работать через пятую горнорудную компанию, нужно еще накинуть семнадцать процентов налога на добав-

³⁶ Сямэнь «город и порт на юго-восточном побережье Китая».

ленную стоимость, и какая разница, куда пойдет товар, мы накладные не выписываем, налоги выплачивает он, таможенно тоже проходит сам, к нам это не имеет никакого отношения, это все равно что посылать ему привет.

– Хорошо, сестренка, договорились.

Она покосилась на меня:

– Мы еще не закончили, брат Сяо. – И вышла.

Я засиделся в этом отдельном кабинете до полуночи, ничего не делая и лишь глотая кофе чашку за чашкой.

Мне бы радоваться, что за несколько дней сделаю больше миллиона, но после ухода Ду Цзюаньхун на душе остался неприятный осадок.

В тот день, войдя ко мне в кабинет, тайваньский коммерсант Хуан Хэ, естественно, с порога заметил мой розовый камень. Подошел, оглядел со всех сторон, приговаривая:

– Великолепный товар, великолепный! Вот уж не думал, что вы, господин Сяо, такой умелец, лучший в Тайбэе³⁷ камень приобрели. Мой-то куда скромнее, куда скромнее.

– В Тайбэе? – удивился я. – Нет, он из Китая, с материка.

– С материка? – На лице Хуан Хэ появилось сомнение.

– Это образец новой продукции, ее добычу готова начать наша компания, ее еще нет на рынке.

– А где расположено месторождение, могу ли я посетить его? – Такое впечатление, что ему уже не терпится.

– Это такой пустяк, поговорим об этом потом! А сегодня мы обсуждаем проект по производству экологически чистых продуктов. Хэ Жэньци сказал, что у вас, господин Хуан, есть вопросы по некоторым условиям. Мне хотелось бы самому обменяться с вами мнениями. Наша компания способна осуществить этот проект самостоятельно. Но мы учитываем то, что вы, господин Хуан, связаны многолетним сотрудничеством по торговле хрусталем с управляющим Ваном и нашей дочерней компанией «Чжубао». По представлению Вана, вы – человек что надо, здесь, на материке, делать инвестиции – дело непростое, ведь мы уже друзья. Будет хорошее дело, будем сотрудничать, есть на чем подзаработать, будем зарабатывать вместе, а зарабатывать можно без конца. Если честно, было бы здорово, если тебе не покажется большой суммой десять миллионов! Ведь, возможно, в этом городе нас ждут несколько миллионов потребителей.

– Этот... Этот вопрос... Ладно, шеф, мы с первой встречи стали друзьями, будто знали друг друга давно, а перед вами как личностью я просто преклоняюсь. К этому проекту я давно проявляю интерес, и уже кое-что сделано. Но, шеф, ты тут просто впечатлил, все провентилировал и здесь и там, у меня же многое не доведено до конца, и надо с этим смириться. Давай так: раз у нас обоих такое отношение, какой смысл хитрить? Мы с управляющим Хэ встречались уже не раз, провели несколько раундов переговоров, он тоже человек очень неглупый. Я понимаю, в конце концов, нам тоже надо бы померяться силами, но твоя компетентность не идет ни в какое сравнение. Так что, думаю, больше переговоры вести не будем, так и порешим: я вкладываю восемь миллионов юаней, что составит тридцать процентов капиталовложений, на большие уступки идти не могу, маневра у меня больше нет, надеюсь, вы, шеф, подумаете над этим.

Услышав такое, я обрадовался, но ничем радости не выдал. Моей козырной картой было предложить шесть миллионов, а он предлагает на два больше, как тут не порадоваться?

– По рукам.

³⁷ Тайбэй – главный город Тайваня, столица Китайской Республики.

– Минуточку. Еще одно условие. Этот камень я возьму с удовольствием, осваивать будем вместе, ты обеспечиваешь добычу без права передачи третьим лицам, я обеспечиваю реализацию.

– Хорошо. У нашей компании вложения по этому проекту немаленькие, стоимость добычи одной тонны сырья достигает двадцати тысяч, обработка и распил – пятидесяти. Ты ведь в области обработки спец, эти камни можно производить лишь в виде полуфабрикатов. А добавь стоимость обработки, заработную плату рабочих, налоги – страшное дело! При наших прекрасных связях – отдаем тебе за тридцать тысяч на тонне!

– Не может быть, чтобы так дорого!

– Ты эти камешки у себя на Тайване поштучно оцениваешь, а я по тонне. Так что давай, господин Хуан, торговаться не будем, это тоже последняя цена.

– Хорошо-хорошо, шеф. Мне по этому вопросу нужно созвониться с Тайбэем, обсудить с компаньонами. Условий немного. Ты даешь мне три дня, и в течение этих трех дней твоя компания, господин Сяо, не ведет ни с кем переговоров по этим камням.

– Не волнуйся, господин Хуан, я ведь тебя как друга почитаю, разве можно потерять доброе имя?

– Спасибо, господин Сяо. По экологически чистым продуктам можно составить проект договора. Обсудим его, выберем благоприятный день и подпишем.

Тайванец ушел. А я вызвал Хэ Жэньци. Мы уселись друг против друга и долго сидели так, не говоря ни слова. Мы ясно понимали: кризис в компании вот-вот закончится, цена, которую пришлось заплатить за переговоры, невелика. Ду Цзюаньхун всё подсчитала: шесть раундов переговоров управляющего Хэ с тайваньским коммерсантом проходили в ресторане «Цилисян», все шесть с банкетом, по калькуляции ресторана – на тысячу восемьдесят пять юаней, «ловушка с красавицей» в «Лаобинчэне» – четыре раза, услуги девочек эскорта – шесть раз, выпито три бутылки «маотай», две бутылки «реми мартэн», всего на одиннадцать тысяч двести юаней, и потратил на это управляющий Хэ в общей сложности два месяца.

Сидели мы так около получаса, и наконец я заговорил:

– Ты, Хэ Жэньци, сослужил хорошую службу, прими благодарность от старшего брата. – Когда я говорил эти слова, наверняка получилось очень трогательно.

– Ну что ты, шеф, это ты обо всем договорился, куда там Хэ Жэньци, столько хлопот тебе доставил.

Непонятно, что стряслось: и когда я говорю, и когда он – оба с какой-то внутренней церемонностью. Между нами никогда такого не было, с чего бы это сегодня?

– Между братьями таких речей не бывает, – сказал я. – Я знаю, твои дружеские чувства ко мне ценю. Про некоторые твои поступки мне известно, хоть они и не играют решающего значения, ты так поступать можешь. У меня очень хорошая память на факты, я сам тоже корыстолюбив, но тебе даже не препятствовал. – Он, видимо, не понимал, что имею в виду дело с Сяо Чжан.

– Шеф, моя жизнь принадлежит тебе, – с растроганным выражением на лице проговорил он. – Как гласит пословица, женщина – одежда, друг – руки и ноги. А ты, шеф, просто моя голова.

– А Сяо Чжан?

– Ушла.

На лице Хэ Жэньци было написано недоумение, он никак не ожидал, что на этой встрече я заговорю о Сяо Чжан. Поэтому ответил он довольно правдиво, прекрасно понимая: когда не знаешь, что сказать, лучше всего сказать правду, в этом случае сказать правду всегда лучше, чем сказать что-то другое. Я нередко предупреждал об этом своих компаньонов и работников.

– А дом?

– Продал, деньги ей отдал.

Недоумение на его лице сменилось изумлением: откуда мне известны такие подробности? Наверняка, это крутилось у него в голове, и он долго не мог прийти в себя от изумления.

– Слушай, Хэ Жэньци! Помоги-ка мне повернуть одно дельце! Ты ведь знаком с Наньлань, верно? Эта женщина – моя любовница, я никогда не говорил тебе об этом, а Чжан Хун – ее подруга. Вот тебе несколько дней, за это время нужно продать мой загородный дом в северном пригороде, продать за восемьсот тысяч! Четыреста отдашь Наньлань, остальные оставишь себе!

– Шеф!

Но я перебил его:

– Мы с тобой как братья, Хэ Жэньци, и скрывать мне от тебя нечего. Мне сейчас нужно уладить с твоей тетушкой и Ду Цзюаньхун. Твоя тетушка – моя жена, и бросать ее мне жалко. Ду Цзюаньхун – младшая сестра брата Хунцзюня, он оставил ее на меня. И как я, мать твою, буду из этого выпутываться, не знаю, правда, не знаю. Давай действуй потихоньку, с Наньлань мне разбираться некогда, ты с ней разберись, уладь. Нельзя мне, чтобы она снова здесь появилась.

– Шеф, с женщинами сладить непросто. Ты с ней не встречаешься, а вот встретишься, поговоришь – глядишь, она с радостью и согласится.

– Хэ Жэньци, не могу я с ней встречаться. Я же не деревянный, не бесчувственный. Боюсь, стану что-то говорить, она разрыдается так, что, как говорится, все цветки персика осыплются, и я опять не выдержу.

– А если она скандал закатит, как быть?

– Как быть? Мы с тобой в каких только переделках не были, а ты боишься, что женщина скандал закатит? Если нам со слабой женщиной не совладать, то с чем мы вообще совладаем? Если я укажу, куда ей идти, и она пойдет, то и все на этом. Не пойдет, так откуда я знаю, куда ей идти? Пусть сама идет куда хочет. Думаю, у Наньлань такие ноги, что сами знают, куда ее вести. Бывают ноги и потверже, но не знают, куда идти, такие ноги определенно никуда не годятся. Возможно, какое-то время она будет ненавидеть меня, ругать. Но я не из тех, кого может ругать кто ни попадя, может, потом она и поймет.

– Хорошо, шеф. Чжан Хун как раз сейчас собирается в Центральную консерваторию на повышение квалификации. Попробую уговорить, может, вдвоем туда отправятся...

Хэ Жэньци ушел. Ну а мне куда податься?

Зазвонил мобильный. На дисплее высветился номер Ду Цзюаньхун. Я не стал отвечать, пусть звонит. Телефон прозвонил три раза подряд, я так и не ответил. Минут через пять я перезвонил.

– Брат Сяо, что трубку не берешь? – были первые ее слова.

Я сказал, что был в туалете.

– Я на тебя не давлю, можешь решать тетушкин вопрос не торопясь, я терпеливая. Ладно, не будем о личном, поговорим о делах служебных.

Открылась дверь, и она вошла в офис.

– Что же ты звонишь, а сама за дверью стоишь? – удивился я.

Ответ Ду Цзюаньхун совсем не соответствовал вопросу:

– Шеф, в «Лаобинчэне» происшествие, управляющего клубом Ли арестовали полицейские из участка Хэси.

– С чего это вдруг? – вспыхнул я. – Какой-то паршивый начальник полицейского участка ни с того ни с сего арестовывает моего подчиненного. – Что, не во всей провинции еще покончили с порнографией? – покосился я на нее.

– На этот раз не порнография, это «борьба с наркотиками и мафией».

– Хм, «борьба с наркотиками и мафией»... – А-а, вспомнил. На прошлой встрече начальник городского управления общественной безопасности Чжу упоминал, что нужно провести какую-то «борьбу с наркотиками и мафией». Тогда я посчитал, что в нашей компании все

законно, она пользуется в провинции прекрасной репутацией, какие у нас могут быть наркотики и мафия? Вот и не обратил на это внимания. – Чепуха, малышка Ду. Обратись в полицию, выясни, в чем дело, и пусть немедленно отпустят человека из участка.

– У них, похоже, есть основания, шеф. У Саньян говорит, что на обеспечении управляющего клубом Сяо Ли пятьдесят девочек эскорта, половина из них употребляют наркотики и имеют связи с мафией. Сяо Ли тоже волей-неволей оказался замешанным. Вовлечение в занятие проституцией, незаконное хранение наркотиков – во всем Сяо Ли принимал участие. Но самое отвратительное, одна из девочек эскорта, которых он содержит, подхватила СПИД. Но он не только не выдворил ее, а, наоборот, позволял проводить ночи с клиентами. Если это дело предадут огласке, «Лаобинчэну» конец.

– Что же этот паршивец У Саньян раньше не доложил? Ну как так можно!

– Говорит, боялся доносить на Сяо Ли, тот же заодно с мафией! Испугаешься тут, как потом вечером по улице ходить? К тому же бизнес у Сяо Ли преуспевает, всю прибыль «Лаобинчэна» дает в основном ночной клуб, ресторан и бар столько денег не приносят.

– Это дело, малышка Ду, нужно непременно поправить, компания как раз выбирается из критического состояния, и проект по экологически чистым продуктам только запущен. Мы все же работаем легально и по нелегальному пути не пойдём.

Ду Цзюаньхун молча смотрела на меня. Было ясно, что она еще не понимает, каким образом можно это поправить в том смысле, как я сказал. Я и сам отдавал себе отчет, что выразился недостаточно полно. И в конце концов распорядился сделать вот еще что: во-первых, сообщить У Саньяну, что он уволен. Во-вторых, изменить название «Лаобинчэна». Все время я слышал, что это название разлагающе воздействует на политическое сознание масс. В-третьих, что касается Сяо Ли, «Лаобинчэн» должен активно содействовать расследованию органов общественной безопасности, таким образом мы отчасти перехватим инициативу. Но нужно соблюдать чувство меры: раскрывать то, что выявлено У Саньяном, но ни в коем случае не допускать утечки данных внутреннего расследования.

– Все остальное дело плевое, шеф, ну, выпихнем Сяо Ли, ему и так впору по башке наступать, поделом, но только по его поведению нельзя судить о всем «Лаобинчэне», одно то, что совет директоров может лишит должности У Саньяна который, возглавляет «Лаобинчэна» по закону, уже ясно выражает позицию компании. А вот девица со СПИДом – точно головная боль. Если ее тоже вытурить, то ведь неизвестно, сколько народу там уже перебивало. Если каждый узнает, что, возможно, подхватил СПИД, и явится в «Лаобинчэн» со скандалом, все это разрастется, и неизвестно, сколько придется судиться и сколько выплатить компенсаций, чтобы считать дело закрытым. Но ведь есть безнадежные больные, а есть те, кто под сурдинку будет стараться извлечь для себя выгоду. Они-то в тени, а мы на свету, как с ними справиться?

– Ну и скажи тогда, как быть?

– Это дело я предлагаю задушить в зародыше. Конкретно это будет выражаться в том, что мы от имени народа вынесем ей смертный приговор. Да ее в суд доставить – уже смертный приговор, а того, сколько она наркотиков употребила, продала и перепродала, хватит на несколько смертных приговоров. Поэтому вынесение ей смертного приговора нами нельзя считать несправедливым. Если в суде ей вынесут смертный приговор, тот факт, что у нее СПИД, наверняка будет предан огласке, и тогда нашему «Лаобинчэну», в который у нас столько вложено, считай, конец. Она же там долго проработала в эскорте.

– Хм, путь этот незаконный, нам так поступать нельзя. Да, она заслуживает смерти, но мы же не можем действовать от имени закона. Малышка Ду, я не желаю идти на риск убийства, так нельзя, на худой конец не нужно нам никакого «Лаобинчэна».

– Какой же он незаконный, шеф? Все произойдет очень быстро. Денег у нее уже нет, наркотиков не купить, лекарств уже два дня не принимает, и так уже чуть живая. Если «Лао-

бинчэн» обеспечит ей деньги, она наверняка найдет способ купить наркотиков, а стоит ей уколоться, и она уже почти не жилец.

– Откуда ты так уверена, что она с одного укола помрет?

– Говорят, тем, кто долго не принимал наркотиков, без них так плохо, что они могут от нетерпения ввести себе слишком большую дозу. Немало наркоманов так и гибнет.

– Я в этом ничего не смыслю. Ты, малышка Ду, тоже, так что делай как знаешь! У нашей компании образ правильнее некуда, нелегальный путь всегда дело скверное, мы никогда не сможем подбросить ложные улики, чтобы кого-то арестовали. Но хоть мы нелегальным путем не идем, не можем и позволить кому-то считать, что мы к этому имеем отношение. Когда много зла и мало добра – это тяжкое преступление, а когда много добра и мало зла³⁸ – незначительное. В любом случае мы заходить за черту не будем, будем идти по законному пути, освещенному яркими лучами солнца...

Ду Цзюаньхун вышла.

Оставшись в кабинете один, я сидел и размышлял: «Сколько я налогов уплатил за год, скольким детям, которые не могут оплатить обучение, помог, да еще начальную школу проекта «Надежда» основал. И когда только мою компанию успели отнести к элементам, пользующимся тайным влиянием? Что же я тогда, выходит главарь этих элементов? Мать твою, надо возвращаться на путь истинный».

Я встал и собрался уходить, когда раздался звонок. Донесся голос Ду Цзюаньхун:

– Ты, брат Сяо, сегодня домой не возвращайся, мы с тетушкой ждем тебя к ужину в отдельном кабинете в «Цилисян».

Ну мать-перемать, хоть ложись и помирай!

Перевод И. А. Егорова

³⁸ «Много добра и мало зла» – ранее эти же иероглифы обозначали «больше белого, мало черного».

Любовь в городе из песка

Се Тин

谢挺 沙城之恋

Глава первая

(1)

Впервые Линь Фэй попал в Пекин в феврале 1996 года. Только-только отгремел Новый год, и Пекин ранней весной все еще окутывала стужа. Для человека, которому не доводилось переживать пекинскую зиму, такая поездка – настоящий риск, ведь он не может вообразить себе, каково это, когда за окном минус десять. Была бы какая-то другая причина, а не У Сяодэй, то Линь Фэй ни за что не поехал бы в такое время в Пекин, но человек, с позволения сказать, странное животное, он, может, и труслив, боится жары и холода, но если потребуется, то все это меркнет перед более значимой целью, а когда речь о любви, о спасении любви, то уже не существует причин важнее.

Линь Фэй и У Сяодэй вместе вернулись домой на новогодние каникулы. К этому моменту У Сяодэй уже временно перевели на работу в министерство, чтобы посмотреть, как она справится: тогда-то она, должно быть, и решила расстаться с Линь Фэем, поскольку молодые люди изначально планировали в Новый год объявить о помолвке, но У Сяодэй по разным причинам тянула. Если и были какие-то причины, то У Сяодэй их скрывала, она притворялась, что все в порядке, и даже спала с ним, когда родители уходили из дома поздравлять друзей с новым годом. Это не укладывалось у Линь Фэя в голове, он никак не мог понять: если девушка решила, что вам не по дороге, как можно спать накануне расставания? После нового года У Сяодэй вернулась в Пекин, а он в Гуандун. Когда У Сяодэй вдогонку по телефону уклончиво сообщила, что хочет расстаться, то Линь Фэй испытал не просто шок, он не поверил собственным ушам, усомнился, действительно ли голос на том конце провода принадлежит У Сяодэй. Но все оказалось именно так, и в последующих телефонных разговорах он постепенно удостоверился в этом. У Сяодэй помялась-помялась и призналась, что завела отношения с парнем по имени Чэн Тяньпэн, с которым познакомилась в прошлом году, когда ездила в Пекин в командировку, и ее перевели в Пекин именно благодаря протекции этого самого Чэн Тяньпэна. Когда ситуация полностью прояснилась, другой на его месте, возможно, захотел бы расстаться по-доброму, как надеялась У Сяодэй, уйти с достоинством, или же обругал бы ее парой фраз, чисто чтобы пар выпустить. Но у Линь Фэя в голове что-то помутилось, он упорно считал, что они с У Сяодэй любят друг друга, вот только У Сяодэй запуталась и лишь потому приняла

такое ошибочное решение и рано или поздно пожалеет. На той неделе они только на междугородние звонки потратили около тысячи, но У Сяодэй все равно заявила, что нужно расстаться, однако на Линь Фэя ее слова не возымели влияния, поскольку он считал, что это все неправда и У Сяодэй вынудили так сказать. Он должен спасти У Сяодэй.

У Сяодэй плакала, хлюпала носом по телефону, просила Линь Фэя подумать о ней, говорила, что не хотела, чтобы так получилось. Тогда Линь Фэй сказал:

– Возвращайся, давай жить, как раньше, словно ничего этого не было.

Как можно такое предлагать?

И тут ему пришла в голову идея поехать в Пекин, даже не пришла, а внезапно сверкнула, но У Сяодэй испугалась. Зачем? Разве мы уже не обсудили все по телефону? А Линь Фэй вдруг возмутился и принялся орать в трубку:

– Мы с тобой вообще-то пять лет вместе, нельзя вот так сказать «ну, все» и все закончить!

У Сяодэй ничего не говорила, она специально молчала, поскольку и впрямь не могла представить, что способен натворить в Пекине в это время и при таких обстоятельствах молодой человек с разбитым сердцем.

Потом, чтобы как-то разрядить обстановку, Линь Фэй пошутил:

– Как минимум мне надо забрать у тебя то кольцо, я ж его, черт побери, своей невесте дарил.

В итоге У Сяодэй не могла дальше противиться, поэтому безнадежно вздохнула:

– Ну, тогда давай приезжай.

Линь Фэй положил трубку и почувствовал легкое головокружение. В таком состоянии он пошел и отпросился с работы. Потом купил билет на поезд, пуховик, свитер, он даже подумал о том, какая в Пекине погода, но считал, что потом теплые вещи ему больше не пригодятся, так что покупал не самые качественные и, когда торговался в магазинах с продавцами, то так и объяснял, дескать, на один раз. Должно быть, он совершенно здоров, раз даже в такой ситуации не забыл поторговаться и помнил цену деньгам, эта «одноразовость» выражала его подсознательные надежды, поскольку он не был уверен, чем закончится поездка в Пекин, переменит ли У Сяодэй свое решение, и даже в том, сможет ли он выстоять против ледяного пекинского ветра, когда температура падает ниже нуля. Линь Фэй был растерян и даже втайне надеялся, что никогда не доберется до конечной точки своего путешествия, а так и будет вечно ехать и никогда не придется встречаться с У Сяодэй.

(2)

Линь Фэя познакомили с У Сяодэй друзья, в тот момент хороший друг Линь Фэя как раз встречался с подругой У Сяодэй, они-то их и свели. На самом деле никто не надеялся на успех, поскольку окружающие, даже те, кто их познакомил, считали, что Линь Фэй не подходит У Сяодэй по всем статьям: Линь Фэй без сомнения тряпка, а деятельную натуру У Сяодэй тоже подолгу никто не выдержит, так что их знакомство в глазах окружающих скорее напоминало некую забаву, позволяющую обогатить личный опыт. Но, возможно, сами участники этой забавы чувствовали иначе, поскольку они продержались пять лет, несмотря на пессимистичные прогнозы, и это само по себе можно считать чудом. Если бы впоследствии не возник этот Чэн Тяньпэн и У Сяодэй не перевели бы в Пекин, то, вероятно, их отношения логическим образом привели бы к свадьбе и рождению детей. В нашем мире, который внешне кажется иррациональным, у событий часто есть причина, просто люди не всегда могут увидеть глубинную суть.

Родителям друг друга они тоже не понравились. Мать Линь Фэя сетовала, что У Сяодэй тщеславная и слишком эгоистичная, а мать У Сяодэй в свою очередь считала, что Линь Фэй ни на что не годится и дочка рано или поздно останется в проигрыше. Что касается проигрыша, то Линь Фэй с самого начала нечто подобное подозревал, в тот момент он работал заместителем

лем инженера на маленьком заводе и получал больше У Сяолэй, но нельзя взять и воздвигнуть авторитет за счет преимуществ в пару десятков юаней, тем более У Сяолэй в своем отделе стремительно делает карьеру и неизвестно, когда взлетит на самый верх. Поэтому когда Линь Фэй проводил время с живой и очаровательной У Сяолэй, то чувствовал себя не только довольным, но и в некоторой мере неполноценным. Непонятно, когда появилось чувство опасности, но он беспокоился, что окружающие считают его неподходящей парой для У Сяолэй и говорят, что она прогадает, если останется с ним. В тот момент как раз вошла в моду тенденция «одна семья – две системы», когда один из супругов оставался госслужащим, а второй устраивался на частное предприятие, так что Линь Фэй тоже решил, что называется, «податься в бизнес».

Выражение «податься в бизнес» очень расплывчатое, так говорят, и когда сам занимаешься бизнесом и когда получаешь место вицепрезидента в частной компании, но для таких, как Линь Фэй, «податься в бизнес» обычно означает пойти работать на дядю. Говоря языком матери Линь Фэя, ее сыночек исключительно из-за У Сяолэй отказался от гарантированного куска хлеба, это все его У Сяолэй надоумила. Мать тогда несколько дней голосила, не могла взять в толк, почему сын отказывается от хорошей работы и вместо этого идет на кого-то горбатиться, считала, что будущее его разрушено. Материны истерики сделали свое дело, Линь Фэй распустил нюни, пожалел о том, что сделал, но когда стал обсуждать это с У Сяолэй, то девушка проявила странное равнодушие и сказала, дескать, поступай, как знаешь, сам думай. Окончательным доводом в пользу решения о переезде в Гуандун стали слова бывшего директора. Директор завода сказал, мол, захотел уехать – уехал, захотел вернуться – вернулся, нет уж, все не так просто. В результате вернуться на завод, конечно, можно, но только придется три месяце мести в цеху пол. В тот же вечер Линь Фэй купил себе билет на поезд до Гуандуна. Для начала он в Дуньгуане устроился на завод техником с зарплатой в семьсот юаней, через три месяца зарплату ему подняли до тысячи, а еще через полгода перешел на другое место и стал получать три тысячи, да не в юанях, а в гонконгских долларах, то есть в десять раз больше, чем У Сяолэй. В 1996 году, когда У Сяолэй перевели работать в Пекин, Линь Фэй уже стал акционером на маленьком заводе с зарплатой почти в десять тысяч, но, несмотря на это, У Сяолэй все равно не устояла перед Чэн Тяньпэном и соблазнами Пекина.

В поезде за двое суток в пути Линь Фэй действительно осознал, что все впустую, путешествие в Пекин, во-первых, разбередило нервы, а во-вторых, заставило мучительно осознать, что, возможно, он навсегда потеряет У Сяолэй. От этой мысли стало больно, а тут еще в вагоне поставили старую песню Чжоу Хуацзяня «Любви конец и нет пути назад», слова затронули за живое, и Линь Фэй впал в отчаяние. Эту песню он исполнял в караоке бесчисленное количество раз, но сейчас словно бы наконец понял, почему «такая девушка как ты» «в себя меня влюбила, заставила страдать», но очень быстро он, как и все неудачники, начал воскрешать в себе надежду, что У Сяолэй посмотрит на него в последний раз, в ней что-то шелохнется, и девушка вопреки всему вернется с ним назад. Разумеется, потом он сам над собой посмеялся, но решил, что даже при самом плохом развитии событий почему бы разок и не увидеться?

После того, как поезд пересек границу провинции Хэнань, начались глухие места: до горизонта тянулась грязно-желтая земля, ни одного зеленого островка, деревья высохли, остались лишь слабенькие пеньки, а на пашнях, еще не тронутых весной, пробивались сорняки. Вдоль дороги редко встречались люди, случайно попался один, втянувший шею от холода, то ли старый, то ли маленький, за спиной он нес вязанку хвороста, а перед ним копошилась какая-то куча, и если бы куча не двигалась, то можно было решить, что это камни, но то были несколько баранов, неторопливо искавших на обочине молодые побеги, которые никто кроме них не видел. Наконец пастух обернулся. Оказалось, это ребенок, и теперь он просто-душной улыбкой приветствовал состав, пронесившийся мимо. В душе Линь Фэй испытывал целую гамму чувств, ему пришло в голову слово «сострадание», но на лице пастушка сверкала

улыбка, так что Линь Фэй как минимум не мог определиться, кто из них двоих больше заслуживал сострадания.

Наконец он доехал до Пекина и вместе с людским потоком, которому не видно было конца и края, вышел из здания вокзала, но, стоя на площади перед вокзалом, Линь Фэй немного растерялся, поскольку остальные стремительно рассосались, отправившись по своим делам, а он не понимал, что делать дальше. Первое, что Линь Фэй сделал, возможно, оказалось неожиданностью даже для него самого. Первоначально Линь Фэй планировал сразу же позвонить У Сяолэй, но вместо этого поймал такси и отправился напрямиком на Тяньаньмэнь. На Тяньаньмэнь, пожалуйста, на площадь Тяньаньмэнь! Хотя это и было импульсивным решением, но сегодняшнего дня он ждал много лет, поэтому выбор не показался скоропалительным, напротив, это было само собой разумеющимся, может быть, по сравнению с У Сяо-лэй Тяньаньмэнь гарантировала эмоции, которые легко испытать.

Шофер явно решил над ним подшутить, завез его куда-то на восток и постоянно рассказывал о местах, которые могут заинтересовать молодого человека, впервые приехавшего в Пекин, а потом повернул на сто восемьдесят градусов и покатил на север, по второму кольцу, чтобы пронестись там, где раньше проходила старая крепостная стена. Крепостная стена давно уже прекратила свое существование, по-прежнему оставаясь своеобразной демаркационной линией: с одной стороны – старомодные традиционные дворики, а с другой все выше и выше росли многоэтажки.

Этот почти полный круг по столице стал самым первым и самым наглядным впечатлением от Пекина, Линь Фэй поразили огромные, широкие улицы и в особенности колоссальные пространства под застройку. Линь Фэйю доводилось гулять в нескольких крупных южных городах, но те места по сравнению с Пекином меркли. Линь Фэй, не отдавая себе отчета, крутился на сиденье, увлекшись рассматриванием низких старых стен слева и леса небоскребов справа. Подобное сравнение оставило в его мозгу необычайно сильный отпечаток, словно только так, крутясь без остановки, можно было вынести яркий солнечный свет, а дорога, лежавшая впереди, никуда не сворачивала и никак не заканчивалась, даже таксист спросил, первый ли раз он в Пекине, раз такой рассеянный. Когда таксист отстал, а до Линь Фэйя дошел смысл сказанного, он не выдержал и раскатисто рассмеялся, сейчас его настроение изменилось, и Линь Фэй не собирался принимать близко к сердцу всякие глупости, он даже подумал, а как иначе разом составить полное впечатление от Пекина, но, поняв, что собой представляет Пекин, он понял и У Сяолэй.

Потом водитель притормозил на остановке рядом с Домом народных собраний, а когда Линь Фэй расплатился, велел ему пройти вперед. В тот момент Линь Фэй уже увидел красные стены вокруг Тяньаньмэнь, но смотрел слегка наискосок, и из-за того, как падал свет, площадь не была похожа на картинку с фотографии или с телеэкрана. Линь Фэй и представить не мог, что стоит пройти несколько шагов, и перед ним вдруг целиком предстанет самая большая площадь в мире, место, которое он всю жизнь хотел увидеть больше всего на свете.

Это случилось так быстро, что Линь Фэй не успел подготовиться, в итоге он встал как вкопанный на краю Тяньаньмэнь, глядя на площадь, а в носу вдруг невообразимо защипало.

(3)

Линь Фэй дождался окончания церемонии спуска флага на площади. Странно, но когда он собрался позвонить, У Сяолэй снова проиграла: в первый раз она проиграла Тяньаньмэнь, а во второй раз – женщине по имени Ван Лань.

В тот момент небо уже потемнело, солнце хоть и спряталось за облака, но словно свежий ленивый желток спокойно висело над рядами зданий. Температура заметно упала, ветер усилился и неприятно задувал в ноздри, Линь Фэй услышал, как у него заурчал живот, вытащил

записную книжку, нашел телефонную будку и позвонил. На самом деле, уже так поздно, а он еще понятия не имел, где будет жить, и несколько волновался из-за этого. Записная книжка снаружи еще хранила тепло его тела, а внутри – телефоны родственников, друзей, однокашников, со многими из которых он давно не связывался. Линь Фэй перелистнул на страницу с именем У Сяолэй, сверху был написан ее телефон в родном городе, а пониже пекинский номер, при этом старый телефон он так и не зачеркнул, но если бы и зачеркнул, то все равно помнил бы наизусть. Телефон оказался занят, из трубки звучали короткая гудки, Линь Фэй набрал номер снова – опять занято, на седьмой или восьмой попытке он увидел имя Ван Лань и замешкался, размышляя, а не позвонить ли сначала Ван Лань, а потом уже, если не дозвонится, снова пытаться связаться с У Сяолэй.

Ван Лань – однокурсница одной из коллег и, возможно, единственный человек помимо У Сяолэй, с кем он мог связаться в Пекине. Новость о разрыве с У Сяолэй сразу же распространилась среди коллег, на самом деле о разбитом сердце даже и рассказывать никому не пришлось, просто Линь Фэй несколько дней выглядел расстроенным и потерянным, на работе беспрерывно поглядывал на часы, зевал и ждал, когда окончится рабочий день, чтобы позвонить, так что все догадались, в чем причина. Окружающие ему очень сочувствовали, а что касается Вань Лань, то ее телефон стал побочным продуктом сочувствия. Коллега сказала, дескать, приедешь – позвони ей, если она не уехала в Штаты, то обязательно поможет, по крайней мере, жилье найдет без проблем. Линь Фэй набрал номер Ван Лань, в этот раз к телефону никто не подходил, и в трубке звучали длинные гудки. Линь Фэй задумался, а он сам вообще сможет найти место для ночлега или нет. Господи, он что, сам не справится?

Только он собрался сдаться, как наконец на его звонок ответили, и кто-то снял трубку.

– Алло, скажите, а Ван Лань дома? Мне нужна Ван Лань.

– Это Линь Фэй?

Линь Фэй удивился, как она так сразу догадалась. Неужто пресловутая интуиция?

– Приехал? Сяо Цзе утром позвонила мне. А ты сейчас где? На Тяньаньмэнь? Так приезжай. Возьми «булочку»³⁹, в смысле такси, желтенькое такое, довезет за десять юаней...

Она сказала адрес и объяснила, как добраться. Линь Фэй слушал собственные «угу», а в душе потихоньку поднималась волна тепла из-за этого вполне осязаемого женского голоса. Наконец-то в этом огромном городе он обрел конкретный ориентир, до которого можно добраться, и Пекин сжался до крошечной точки, только что в нем были У Сяолэй, Великая китайская стена, Запретный город, Тяньаньмэнь, а теперь осталась только женщина по имени Ван Лань. Когда мимо проезжал желтый микроавтобус, то Линь Фэй решительно поднял руку.

Ван Лань жила в районе Хайдянь на пятнадцатом этаже высотки, но по ее словам, это был не последний этаж, а предпоследний. Увиделись они безо всяких заминок, условившись о месте по телефону, в итоге встреча произошла рядом с памятником у входа в большой супермаркет неподалеку от дома Ван Лань – скульптура изображала женщину с голубем в руках, и на ее высокой серебристой груди толстым слоем лежала пыль. Ван Лань привела Линь Фэя к себе домой, переобулась, а потом провела экскурсию по своей двухкомнатной квартирке. Жилище Ван Лань оказалось на удивление скромным, все очень аккуратно, но даже никаких красивых вещиц, которые так нравятся девушкам, не было, зато здесь оказалось очень жарко, Линь Фэй выдержал в верхней одежде только две минуты. Он впервые приехал в Пекин, кроме того интересно было оказаться на верхнем этаже, Линь Фэю доводилось бывать во вращающихся ресторанах на крыше здания, но никогда в квартирах, которые расположены так высоко, поэтому он не выдержал и прижался лбом к стеклу, чтобы посмотреть на пейзаж за окном. Ван Лань, увидев это, отвела гостя на балкон, откуда якобы можно было смутно разглядеть Сишань,

³⁹ В 80—90-е годы по Пекину в качестве такси ездили маленькие желтые микроавтобусы, которые за внешний вид прозвали «булочками».

и даже было видно, как серая туча заглатывает последний луч солнца. Через несколько минут Линь Фэй вернулся, воодушевленно потирая руки, как всегда делал в минуты радости

– Ты так высоко живешь, голова не кружится?

Ван Лань опешила, не зная, как реагировать, а потом внезапно у девушки вырывалось просторечное «чэ?», выдающее жительницу провинции, тут настала очередь Линь Фэя опешить, а потом они оба расхохотались. Их сближению способствовало то обстоятельство, что оба были земляками, каждый представлял собой одну трехмиллионную часть родного города, как потом сказала Ван Лань, раз они не встретились в родном городе, но умудрились встретиться в Пекине – это судьба. Разумеется, теперь Ван Лань официально жительница Пекина, с квартирой и пропиской, поэтому они говорили не на родном диалекте, а на путунхуа, хотя если прислушаться, становилось ясно, что девушке не всегда даются некоторые зубные согласные.

В этот момент Линь Фэй обратил внимание, что Ван Лань уже открыла подарочную упаковку с чаем «Те гуаньинь», которую передала коллега. Ван Лань объяснила, что дома нет чая, она не очень его любит и вечно забывает купить. Из-за этого Линь Фэй испытал некоторую неловкость, вроде как, если сидеть в гостях и пить собственноручно привезенный чай, то нет причин оставаться дольше, поэтому он принялся поспешно извиняться. А Ван Фэй в ответ лишь еле заметно улыбалась.

Большая часть чаинок осела на дне чашки, надо залить вторую порцию воды, только тогда они полностью раскроются, но из-за постоянно поднимающегося пара чай все равно постепенно становился зеленее. Они устали в свои чашки, словно хотели, глядя на процесс заваривания чая, постичь какую-то важную истину. Ван Лань первой поднесла к губам чашку, сделала глоток и воскликнула:

– О, неплохо! Очень приятный вкус, правда, я не слишком хорошо разбираюсь в чаях.

Линь Фэй тоже отхлебнул из своей чашки, а потом с видом знатока сказал, что из керамической посуды было бы вкуснее.

Ван Лань снова улыбнулась, разглядывая Линь Фэя. Когда Сяо Цзе рассказала по телефону о земляке, то она именно таким его и представила: он с таким восторгом вошел в квартиру, а потом растерялся, вел себя бестолково, как большой ребенок, но только такой человек мог зимой без оглядки рвануть из Гуандуна в Пекин. А еще Линь Фэй напомнил Ван Лань ее младшего брата: те же густые брови, раскосые глаза, свойственные уроженцам их края, когда она спустилась встретить его, то он стоял на ледяном ветру, с шумом выдыхая воздух, а пуховик не выдерживал порывов ветра.

– Ты...

– А как...

Они заговорили одновременно и рассмеялись.

– А как Сяо Цзе, нормально? – спросила Ван Лань, немного подождяв.

– Неплохо, она молодец, всего за несколько месяцев стала руководителем отдела кадров, – когда речь шла о ком-то другом, Линь Фэй отвечал без запинки. Так всегда, разговор легче начинать с обсуждения третьих лиц. – Когда она только пришла к нам в торговый зал, то каждый день должна была открывать и закрывать подъемные ворота и тратила кучу усилий, ты же помнишь, какого она роста. – Ван Лань засмеялась. – А однажды туда явился наш шеф, а Сяо Цзе попросила помочь. Она не знала, что это шеф. В результате шеф перевел ее работать в офис. – Линь Фэй и Ван Лань посмеялись, а потом он продолжил: – Сяо Цзе говорила, что ты хорошо устроилась, удачно вышла замуж и, если все срастется, скоро поедешь в Америку.

– Я-то? – Ван Лань ответила вопросом на вопрос, но продолжения не последовало, Ван Лань замолчала под предлогом того, что ей нужно долить воды, а потом спросила Линь Фэя, сколько дней он планирует пробыть в Пекине.

Линь Фэй задумался, поскольку действительно затруднялся ответить.

– Надо доделать дела, а потом сразу уеду.

Очевидно под «делами» он имел в виду У Сяолэй, но предполагал, что У Сяолэй не слишком жаждет его видеть, то есть задерживать не станет.

– Тогда поживи внизу, на первом этаже маленькая гостиница, вполне нормальная.

Линь Фэй улыбнулся, вспомнив, что не успел позаботиться о ночлеге, и может быть, Сяолэй предложит то же самое.

Ван Лань явно поняла его превратно и поспешно добавила:

– Правда, хорошая. Не подвал какой-нибудь. Мои родственники и друзья тоже всегда там останавливаются.

Линь Фэй поторопился объяснить, что дело не в этом, просто он вспомнил об одном деле. Перед ужином они зашли в эту гостиницу забронировать комнату. Линь Фэй заплатил всего за один день, поскольку думал, что на следующий день уже переберется в другое место, какое именно, он пока не придумал, просто пришла в голову мысль, что нужно как минимум переехать поближе к У Сяолэй. Пока он регистрировался, Ван Лань стояла поодаль у двери, вроде как читала буклет гостиницы, а Линь Фэй в одиночестве спокойно склонился над столом у окна, заполняя витиеватую анкету. Поскольку паспорт ему выдали в родном городе, то пришлось заполнять все, как есть, только дойдя до пункта «цель приезда в Пекин», Линь Фэй подумал немножко и в итоге додумался написать «командировка», а дальше заполнял уже наобум.

(4)

У Сяолэй он позвонил за ужином, пока они ждали, когда принесут заказ, все, что можно обсудить за такое время, они уже обсудили, и теперь смотрели через огромное панорамное окно на городской пейзаж. Мимо окна на ледяном ветру гуляла пара с собачкой, собачка под каждым деревом увлеченно водила носом, забыв обо всем на свете, по улице промчался кортеж автомобилей, и хотя это длилось всего секунду, Линь Фэй успел заметить, что это все сплошь «Лексусы», «БМВ», «Бентли» и «Луди» – все, что можно, он уже сделал, что же теперь предпринять, чтобы заполнить это внезапное одиночество, огромное, как небо. Ага, позвонить, надо позвонить, появившись, эта мысль уже не отпускала его, Линь Фэй сидел как на иголках. Ему хотелось знать, что сейчас делает У Сяолэй, она ведь тоже, наверное, ждет его звонка и так же не находит себе места. Эта иллюзия в итоге заставила его подняться с места, он напустил на себя ответственный вид и сказал Ван Лань, что должен позвонить. Ван Лань покивала и показала на стойку, мол, там есть телефон.

Телефон все еще был занят, сейчас как раз самый пик, опыт подсказывал, что сейчас дозвониться сложнее всего. У Сяолэй говорила, что в ее общежитии телефон общего пользования стоит в коридоре, в такое время он, понятное дело, оккупирован. Линь Фэй повесил трубку, подождал немножко, потом снова набрал номер, и опять раздались короткие гудки. Линь Фэй начал было ругать болтуна, висящего на телефоне, но потом подумал, а что если это У Сяолэй с кем-то разговаривает. Он в третий раз набрал номер и наконец дозвонился. Оказалось, ругался он правильно, потому что по телефону болтала не У Сяолэй. Женский голос позвал:

– Сяо У, тебя к телефону!

Он услышал, как отголоски крика разносятся по коридору, а потом кто-то отозвался, только непонятно, У Сяолэй или нет.

– Подождите!

Трубку положили рядом с аппаратом. Разумеется, ему оставалось лишь подождать. Ожидание растянулось надолго, на целую вечность, Линь Фэй гадал, что там делает У Сяолэй, может, в туалет пошла или марафет наводит, и тут наконец раздался стук высоких каблучков,

которые бежали к телефону, но не быстро, а как-то степенно, а затем раздался до боли знакомый голос:

– Аллю!

Линь Фэй так разволновался, что не мог вымолвить ни слова и только после долгой паузы произнес:

– Это я...

– Только приехал... Разве поезд не дневной?

Линь Фэй ощутил волну тепла. Если бы ей было наплевать на него, то она бы не запомнила все это. Пришлось признаться, что днем он ездил на Тяньаньмэнь, но он тут же забеспокоился, не обидит ли У Сяолэй подобный ответ.

– Гостиницу нашел?

– Угу.

– Поужинал?

– Поужинал.

Он и сам не знал, зачем соврал, просто вдруг испугался, что У Сяолэй сейчас захочет увидаться. Но этого не произошло, У Сяолэй сказала только:

– Ну, тогда ладно. Мне тут надо выйти по делам... По работе.

Последними словами она определенно дала понять, что сегодня они точно не встретятся, но не стала объяснять, что за работа и почему в такой поздний час, ему это не понравилось:

– Но...

– А что если завтра днем. Утром сходи в Гугун⁴⁰, посмотри, а в полдень звякни мне, и вместе пообедаем.

У Сяолэй вроде как советовалась, но не оставляла ему выбора.

Когда Линь Фэй положил трубку, уже принесли еду. Он сел за стол, но лицо посерело, сразу понятно, что разговор оставил неприятный осадок. Ван Лань спросила, дозвонился ли он. Линь Фэй лишь кивнул. Давай есть! Он схватил палочки и только тут обнаружил, что на столе всего три блюда и суп, отложил палочки, снова взял меню. Давай еще что-нибудь закажем! Есть одно такое блюдо, не знаю, ты пробовала или нет, я тебе порекомендую. Линь Фэй с улыбкой листал меню, вдруг поймав себя на мысли, что ему сейчас хочется сорить деньгами, и ища повод потратить побольше. Ван Лань не успела помешать.

Это был ресторан гуандунской кухни, хозяин, толстяк средних лет, услышав, что гости хотят дозаказать жареную голубятину, ни с того ни с сего обрадовался и крикнул помощнику, чтоб тот вынес им посмотреть голубя.

Линь Фэй спросил:

– Это образец?

– Чего? – не понял хозяин, но расслышал в вопросе вызов.

Линь Фэй снова спросил:

– Нам точно его принесут?

Хозяин обиделся и велел Линь Фэю самому пойти на кухню и посмотреть, как голубя выпотрошат, ошпикуют и кинут в котел. Ван Лань сказала:

– Да ладно, вы нам его живого вытащили, как теперь есть?

Но Линь Фэй велел поварам отправляться на кухню и приготовить именно этого голубя. Изначально он хотел угостить Ван Лань, но в результате девушка его опередила и, пока он отлучился в туалет, сама расплатилась по счету.

Когда они вышли, ветер уже стих, над Пекином сгустилась глубокая, тихая и холодная тьма, если собрать воедино все эти ощущения, то возникало чувство, будто пространство расширилось и стало больше. Было, наверное, около девяти, но им казалось, будто уже перевалило

⁴⁰ Императорский дворец в Пекине.

за полночь. Линь Фэй сказал, мол, у нас дома только-только самое оживленное время начинается. Ван Лань поделилась своими ощущениями: когда только-только приехала в Пекин, тоже никак не могла привыкнуть, что здешние жители так рано ложатся. Поскольку время еще было раннее, да и денег потратить не удалось, и теперь они болтались в кармане, Линь Фэй предложил зайти куда-нибудь посидеть. Ван Лань улыбнулась, она уже успела понять, что за человек Линь Фэй, и знала, что если он не потратит денег, то уснуть не сможет, и согласилась, покачала головой и сказала:

– У нас дома люди до ужаса простосердные.

До ужаса простосердные. Снова она употребила диалектное словечко.

Выбор пал на один из баров, они выбрали укромное местечко на верхнем ярусе в зале, считай, на втором этаже. Линь Фэй заказал Ван Лань свежавыжатый сок и всякие там фисташки и сушеные сливы, а себе взял две бутылки пива. Ему нравилось пить пиво, как он говорил, от пива душа разворачивается. Ван Лань спросила, почему же он за ужином не выпил, а Линь Фэй сказал просто, что забыл. Может, и впрямь забыл, он и сам толком не понимал сейчас.

В зале звучала неторопливая фортепианная мелодия, а вскоре вступила еще скрипка или виолончель. Линь Фэй после нескольких глотков пива ощутил все нарастающую потребность излить душу. Он уже проболтался, а Вань Лань не стала из уважения выпрашивать подробности, но в этой обстановке да еще под жалобные звуки скрипки, в мозгу вдруг ярко всплыла их с У Сяолэй история, длившаяся пять лет. Ван Лань, сидевшая напротив, казалась старшей сестрой, хоть они только что познакомились, сестрой, на которую можно положиться, и он уже не мог притормозить.

В тот вечер Линь Фэй отвел Ван Лань домой, оказалось, что лифт уже не ходит, они вместе поднялись на пятнадцатый этаж, а потом Линь Фэй остался ночевать в гостинной в квартире Ван Лань.

Разбудил его часов в восемь или девять солнечный свет. Луч солнца проник через щелку в шторах, четко упал на стеклянный столик перед лицом Линь Фэя, преломился множество раз, и комната наполнилась ярким светом, словно от взрыва.

Глава вторая

(1)

Ван Лань снился сон. Ей очень нравились два сна. Первый, будто она в детстве едет с отцом на велосипеде и вдруг почему-то падает с багажника, отец не замечает и продолжает крутить педали, а она сидит на земле, но не плачет и не кричит, а просто смотрит на его удаляющийся силуэт. Второй сон явно был связан с жизнью в Пекине, с тем одноэтажным домом на несколько семей, где ей пришлось жить, поскольку ей всегда снилось, как одна улица переходит в другую, словно какой-то бесконечный хутун⁴¹, из которого нет выхода, как будто все эти улочки она уже проходила и все ей знакомо, а за каждым поворотом растет старая софора, под которой стоит какой-то псих, и он бросается к ней с воплями. Наконец она прибегает к туалету без стен и двери, там только старорежимный унитаз, а бачок подвешен в воздухе.

Второй сон Ван Лань обсуждала с девочками с работы, они растолковали значение, сказали, что это эротический сон: хутун без выхода означает тревоги, а туалет без дверей – ее сексуальность, точнее сказать стыдливость в вопросах секса. Разумеется, Ван Лань не восприняла подобный анализ всерьез, только посмеялась, поскольку по Фрейдю почти любой сон можно связать с сексом, например, почему бы не истолковать первый сон как проявление ком-

⁴¹ Тип средневековой китайской городской застройки.

плекса Электры: то, что она смотрит на удаляющегося отца, тоже выражает отношение к сексу, поскольку в основном она испытывает в этом плане безнадежность.

Ван Лань приехала в Пекин в девяносто первом году, ей тогда исполнилось двадцать четыре. Особых причин перебираться в столицу не было, начальник на работе относился к ней неплохо, отношения с молодым человеком были хоть и вялотекущие, но он ее любил и заботился, просто ей захотелось сменить обстановку. В один прекрасный день она внезапно поняла, что если так и будет киснуть дома в этой серости, то задохнется, надо проветриться! Тогда все рвались на юг, если не на Хайнань, то в Чжухай, но Ван Лань выбрала Пекин, поскольку в глубине души считала себя незаурядной, а Гуандун выбрать могли лишь посредственностями. Ее молодой человек, вполне довольный своей судьбой, заметил, что у нее по венам течет кровь мужика, наверное, потому что она злоупотребляет острой пищей, в итоге чувство собственной гордости у нее зашкаливает, голова вскружилась. Потом они полюбовно расстались, и Ван Лань не испытывала никаких сожалений.

Приехав в Пекин, Ван Лань сняла за сто юаней угол в крестьянской хибаре в районе Пин-гоюань, а потом довольно быстро нашла работу секретаря в рекламном агентстве. В Пекине у нее не было ни родных, ни знакомых, поэтому сначала она пахла в поте лица, опираясь только на веру в свои силы и инстинкты. На какое-то время Ван Лань даже забыла, что она девушка, что ей нужно чье-то сильное плечо, надежный партнер, которому можно поплакаться. По утрам она вставала раньше всех соседей с первыми лучами солнца, поскольку нужно было успеть на автобус, потом ехала по первой линии метро, пересаживалась на кольцевую, затем на первом автобусе доезжала до района Хайдянь, а вечером тот же двухчасовой маршрут предстояло преодолевать в обратном порядке. Ужин Ван Лань начинала готовить себе затемно, а перед сном уже не было сил ни о чем думать. Так можно жить неделями, но, разумеется, и у такой жизни есть предел, предел, когда неимоверно устаешь, теряешь веру, начинаешь предъявлять к себе завышенные требования, и в этот момент жизнь тоже может внезапно продемонстрировать звериный оскал.

В мае начались ливни, температура резко повысилась. Хозяйка расхаживала голышом, как-никак уже восемьдесят лет, имеет право, но Ван Лань не осмеливалась взглянуть на нее. Обвисшие груди, похожие на пустые мешки, словно бы конечная остановка на пути каждой женщины, навевали дурные предчувствия. Бросающиеся в глаза морщины словно исторические расщелины тянулись вниз прямо от шеи. Это был увядший цветок, лишенный жизни, гордость, которую можно выставлять напоказ. Сын хозяйки, немногословный мужчина средних лет, волновался за Ван Лань, уговаривал мать одеться, но старуха обмахивалась веером и слушать его упорно не желала. Что стыдишься, а раньше мамкину сиську сосал, не стыдно было? Сыну нечего было возразить, он не мог победить голую старуху.

Перед ливнем сначала дул сильный ветер. Только тогда Ван Лань узнала, что крыша маленькой комнаты сделана из жести. Когда ветер свирепствовал, крыша с грохотом прогибалась, когда ветер стихал, крыша с гроыханием возвращалась в исходное положение. Ван Лань казалось, что она сидит внутри огромного барабана, и когда раздавался грохот, то словно бы и на ее сердце кто-то играл, как на барабане. Стук дождя напоминал звук военных барабанов. Бесчисленные барабанные палочки поочередно атаковали ее мозг, а потом тело, а потом начинали стучать изнутри. В такие моменты старуха открывала зонт и выходила на улицу, семена своими маленькими восьмидесятилетними ножками, она кричала ей. Девушка! Крыша не течет? Нет, тетушка, не течет! А не то иди ко мне, переночуем вместе! Нет, спасибо! Ван Лань лежала не шевелясь на кровати, прижав колени к груди, ей не хотелось откликаться на приглашение старухи, пока что она не прекратила сопротивляться. Ван Лань боялась, что стоит расслабиться, как все разрушится и придется ставить крест на уже достигнутом. С улицы уже не доносилось ни звука, наверное, старуха вернулась к себе.

Когда шум дождя постепенно стал стихать, она услышала странный звук, который постепенно усиливался, оказывается он шел из ее горла, она ревела навзрыд, словно бы очутилась в безлюдной местности, где можно дать себе волю. В тот день она ничего не ела, и, несмотря на это, разошлась не на шутку, расслабилась, пользуясь дождем и одиночеством. Вспомнила родителей, о которых давно уже толком не вспоминала, а еще своего молодого человека, который на прощание сказал: если не выдержишь – возвращайся! Наверное, он ей сочувствовал, о чем еще может мечтать девушка? А еще она вспомнила хитрую и мерзкую псину хозяйки, которая обожала подкрасться незаметно и, воспользовавшись невнимательностью девушки прихватить ее за голень, Ван Лань не успевала разозлиться, как собака отбегала и делала самый что ни на есть невинный вид...

В тот дождливый вечер девушка по имени Ван Лань наконец устала, наконец начала спрашивать себя, чего она хочет, зачем приехала в Пекин? Она даже начала думать, что Пекин изначально не мог дать того, что ей нужно, но задав себе еще несколько вопросов, обнаружила, что у нее и вовсе нет цели, она человек без цели.

(2)

Наверное, это была вторая ее работа, она устроилась на совместное предприятие тоже в отдел планирования, на ту же зарплату в шестьсот юаней, но название звучало куда приятнее. Тайваньцы похоже, помешаны на производительности труда, время прихода на работу и время ухода отмечались по часам, Ван Лань впервые столкнулась с такой системой. В первый день она перепугалась, поскольку за пять минут до начала рабочего дня появился вдруг генеральный директор, все повскакивали с мест, и генеральный директор поприветствовал их «С добрым утром!». Отвечая, все ритмично хлопали в ладоши, и Ван Лань вместе со всеми хором произнесла вслух «С добрым утром!», не попадая в такт аплодисментов, хорошо, что она хлопала так тихо, что можно не обратить внимания.

В отделе планирования работали три девушки, в обеденный перерыв они, естественно, собирались вместе. Та коллега, что толковала Ван Лань сон, была самая старшая, уже средних лет, поговаривали, что она говорит, что в голову взбредет, но при этом предсказывает судьбу окружающим, так вот однажды эта коллега сказала, что Ван Лань два раза выйдет замуж, незамужняя Ван Лань в ответ, разумеется, только посмеялась. Перешагнувшая тридцатилетний рубеж коллега по слухам училась в Америке, на лице ее всегда красовалось томное и сдержанное выражение, поскольку она чрезвычайно гордилась собой. Из разговора девушек Ван Лань узнала, что поскольку эта «американка» вернулась служить родине, то ей положен особый номерной знак на легковой автомобиль, вот только эта старая дева никак не могла решить, какой марки машину приобрести, поэтому они несколько дней подряд обсуждали автомобили. Однажды Ван Лань не выдержала и спросила, какой университет она закончила, на что старая дева равнодушно бросила:

– Стэнфорд.

Карта мира в голове Ван Лань, наверное, ограничивалась только столицами разных стран, потому она снова задала вопрос:

– Это в Вашингтоне?

Старая дева по-прежнему равнодушно ответила:

– В Калифорнии.

Линь Фэй впервые рассказывал кому-то свою историю о том, как за эти пять лет они с У Сяолэй чаще были порознь, чем вместе, о том, как он страдает и какая бесчувственная У Сяолэй, и даже сейчас выбирал достаточно мягкие формулировки. Хотя Ван Лань из разговора с однокурсницей уже знала кое-какие детали, но то была история, рассказанная спокойным голосом о постороннем человеке и в общих чертах, но теперь она обрела полноту,

а голос и интонация рассказчика и лирическая музыка стали ее фоном. Разумеется, история была заурядной, обычная любовная история обычного человека, при этом довольно простая, без крутых поворотов, как печатают в вечерних газетах, но все же Ван Лань растрогалась, более того, когда в уголках глаз Линь Фэя блеснули слезы, у нее на душе стало вдруг тяжело, а потому девушка побыстрее опустила голову, чтобы отхлебнуть сока, лишь бы не встретиться взглядом с этими несчастными глазами.

На самом деле все люди одинаковые. Каждый считает, что его любовь самая романтическая, больше других заслуживает того, чтобы лечь в основу книги, яркого любовного романа, и так всегда. Поэтому когда Ван Лань высказывала свое мнение, то сказала, что у каждого свои стремления, насильно мил не будешь и это непреложная истина. Она не хотела вставать на сторону Линь Фэя и подливать масла в огонь. На самом деле конец истории Линь Фэя она уже знала, Ван Лань была постарше на несколько лет и могла судить с высоты своего опыта, а потому считала, что и Линь Фэй все понимает, вот только признать не хочет. Линь Фэй согласился с точкой зрения Ван Лань, даже поддакивал, но стоило поменять тему, как он тут же забыл все, что она говорила, и погрузился в собственные переживания с головой.

В этот момент женский голос запел то ли отрывок из «Турандот», то ли из «Мадам Баттерфляй», Линь Фэй не слишком хорошо разбирался в операх, но их с Ван Лань почти одновременно покорило это чистое и торжественное пение, они перестали обсуждать то, что только что обсуждали, и прислушались. В этот момент к пению прислушались почти все посетители, сидевшие и разговаривавшие в зале, в тишине наслаждаясь этой мелодией, не совсем попадающей в такт их жизни. Линь Фэй нашел взглядом певицу, одетую в белое платье, которая стояла рядом с фортепиано, положив одну руку на него. Линь Фэй не понимал, о чем песня, но ее мощь покоряла. Это любовная песня? Но она такая серьезная и даже надменная! Певица пела без микрофона, но казалось, голос такой силы, что он уносится напрямик в небо, и весь зал, весь стеклянный купол, в мгновение ока наполнился чувством, завибрировал, и все перестали даже шептать, позабыв обо всем на свете.

Линь Фэй, понятное дело, растрогался, его сейчас и так легко было растрогать, и этот момент не стал исключением, он не мог сдерживаться, и когда выступление закончилось, тут же нетерпеливо зааплодировал. В зале звучали лишь его одинокие аплодисменты, поскольку больше никто не хлопал, остальные видели выступления и на большой сцене, их все это не так тронуло. Когда певица поблагодарила его легким поклоном, Линь Фэй несколько смутился, он увидел, что на него устремлен насмешливый взгляд Ван Лань, и сказал, что надо спросить у певицы, что это за ария.

Этот прекрасный вечер был полон волнений и чудес, одно чувство подходило к концу, зато зародилось другое. Иногда Линь Фэй думал, что на самом деле бог его любит и не хочет, чтобы Линь Фэй пал духом, чтобы в любви сдался сразу же после первого поражения, как это назвать – компенсация или спасение?

Их история началась вечером, тогда Ван Лань с удивлением обнаружила, что время незаметно подобралось к одиннадцати часам. Она сказала:

– Хватит, надо поторопиться, а то в одиннадцать выключают лифт, подъем на пятнадцатый этаж меня убьет.

Они в суматохе расплатились по счету, быстро поймали такси и поехали в сторону дома Ван Лань, но явно опаздывали, то есть сегодня вечером им придется, пыхтя и поддерживая друг друга, подниматься на пятнадцатый этаж.

На третьем кольце их остановил патруль. Водитель внезапно повернул голову и сказал:

– Запомните, вы знакомы, быстро узнайте друг у друга имена.

Они еще не успели понять, что происходит, а машине уже преградили путь, и по обе стороны встали два полицейских, Линь Фэй и Ван Лань велели выйти, потом отвели на обочины по разные стороны дороги, и теперь их разделяла широкая улица.

Линь Фэй до сих пор помнит прыщавого юнца-полицейского и его низкий гортанный голос, то, как он медленно и лениво спрашивал: откуда Линь Фэй родом, зачем приехал в Пекин, какие отношения связывают его с Ван Лань.

Линь Фэй вытащил удостоверение личности со словами:

– Мы с ней земляки, вместе учились.

Это, конечно, он ляпнул наобум, но когда посмотрел тайком на Ван Лань на другой стороне дороге, то почувствовал, что девушка смешалась еще сильнее, у нее определенно нет с собой удостоверения личности, поэтому она отчаянно жестикулировала, уж не забыла ли она его имя? В конце концов он увидел, как Ван Лань листает телефонную книжку, бросив на землю сумку, отчего все ее содержимое рассыпалось, должно быть, она ужасно злилась, но ничего не могла поделать. Линь Фэй вдруг захотелось улыбнуться, поскольку Ван Лань от нетерпения притопывала ногой, как маленькая девочка. Хотя ситуация в итоге и прояснилась, но подъема на пятнадцатый этаж им было уже не избежать.

Ван Лань ненавидела себя и ненавидела этот дурацкий вопрос, но если посмотреть на документы, которые составляла старая дева, то они далеки от правильных, как минимум; чтобы достичь того же уровня, не обязательно ехать учиться в Штаты. Но зато старая дева добилась расположения директора, поскольку училась за границей, а в Стэнфорде даже директор не учился, и тут они соревновались, а потому все бредовые идеи старой девы, которые словно бы с луны сваливались и фонтанировали, как из унитаза, воспринимались как ее американский английский, типа международный уровень. Вот только проекты ее часто возвращали, поскольку они были скучнее и не отвечали духу времени. Потом, когда кто-то произносил словосочетание «дух времени», Ван Лань тут же вспоминала фонтанирующий унитаз.

Вскоре Ван Лань узнала, сколько зарабатывали две ее товарки, и лишилась дара речи. Той, что постарше, платили тысячу в месяц, а «иностранке» и того больше – целых две, поэтому она поклялась, что сменит работу и побыстрее уберется из этого дурацкого места.

Жилье она тоже сменила, и хотя по-прежнему жила в одноэтажном доме, но из Пингюаня перебралась в Бэйсиньцяо. Одна ее коллега из рекламного отдела – ну, если точнее, то тамошняя уборщица – как-то раз спросила, не может ли Ван Лань позаниматься с ее сыном-негодником, а то ему в старшие классы вот-вот переходить, а оценки такие, что вслух и не скажешь, но сразу предупредила, что много платить не сможет. Сделай доброе дело, помоги! Ван Лань согласилась и с улыбкой ответила, что денег не возьмет. Она увидела «негодника», которому оказалось пятнадцать лет. Он был удивительно высокий, а под носом уже пробивались усики, твердолобый тупица с вонючими ногами. Каждый раз, когда она приходила, мать ругалась, дескать, ты бы хоть ноги вымыл, а то в комнате воняет! Коллега каждый вечер готовила ей и сыну тушеную курятину в соевом соусе или же брала пороссячи ножки вместо курятины. На самом деле Ван Лань вовсе не хотела, чтобы коллега тратилась, просто хотела помочь ей и «негоднику». Какие уж тут деньги, хотя как учитель она оказалась вполне на уровне, даже перед экзаменами заставила этого твердолобого юнца хоть как-то соображать, и хотя он поступил только в профтехучилище, мать осталась довольна.

Дом в Бэйсиньцяо принадлежал на самом деле пожилой тетушке коллеги, чтобы растрогать тетушку, коллега специально поехала убедить старушку освободить тот крошечный флигель, где свален всякий хлам. Арендная плата составила сто юаней в месяц с помесечной оплатой, знающие люди говорили, что Ван Лань повезло встретить хороших людей, потому что в этом районе дешевле цен не сыщешь, считай, живет задаром. Как говорится, хорошие поступки не остаются без вознаграждения.

Когда Ван Лань наконец увидела флигель и поняла, что там было раньше, она все равно бесконечно обрадовалась. Когда комнатку освободили от хлама, Ван Лань оклеила глинобитные стены газетами, а поверх наклеила белую бумагу, пол оказался земляной, потому она нашла человека, который залил его бетоном. Флигель круглый год не видел солнечного света,

поскольку его загоразивал основной дом, но Ван Лань купила зеленые шторы, при закрытой двери комната наполнялась зеленым светом, и даже в самые жаркие летние дни здесь было прохладно.

С ее приездом во двореке стало более оживленно, в доме напротив поселился еще один тетушкин жилец, приехавший из провинции Ань-хуэй и подрабатывавший в больнице, в другой комнате жил тетушкин младший двоюродный брат, две его дочери уже вышли замуж, так что остались только двое стариков. Хозяйка относилась к ней очень хорошо. Она курила папиросы и всегда держала наготове папиросу в руке, если происходило что-то смешное, то старушка смеялась, как молоденькая кокетка, прикрывая рот рукой, а в серьезные моменты любила приговаривать «Вот оно что». Старики пришли помочь Ван Лань клеить газеты на стены, на новый год и другие праздники дарили ей «подарочки», а зимой принесли из дома чугунную печку и попросили и для нее привезти с угольного склада сотню угольных брикетов.

Во двореке рос финик; когда Ван Лань только въехала, финики как раз созрели, и сюда часто наведывались соседские ребята попытать счастья. Когда все листья опали, то голые ветки напоминали рисунок тушью, и глухой ночью раздавался прерывистый хруст, а при свете луны ветви превращались в ледышки. Под деревом проходила водопроводная труба, круглый год влажная, темная и твердая, словно из железа.

Вскоре появилась и новая работа. Как только похолодало, Ван Лань перешла наконец на новое место. Осенью во время празднования дня образования КНР проводилась самая крупномасштабная ярмарка вакансий, на этом мероприятии Ван Лань уже стала постоянным гостем, а поскольку бывала часто, то уже знала ходы-выходы. Она по обыкновению неторопливо обошла весь зал, заполнила анкету, попросила материалы и рекламные проспекты, на пекинском диалекте сообщила, что она от добра добра ищет, то есть работа у нее уже есть, а потом в отличие от новоиспеченных выпускников может сначала тщательно взвесить условия в нескольких компаниях, а потом уже что-то решить. Кроме того по изначальным условиям Ван Лань проигрывала, а потому к крупным компаниям, к серьезным государственным предприятиям, а также к тем учреждениям, где требовалась местная прописка, она даже не совалась и на этой бурлящей и клокочущей ярмарке вакансий напоминала скорее беззаботную посетительницу и в любой момент могла затеряться в толпе.

На углу Ван Лань остановилась, ее привлекло объявление о приеме на работу в информационный центр одной киностудии, написанное на листе бумаги и приклеенное сразу, как только высохла тушь, иероглифы косые, как будто речь о работе не в информационном центре, а в маленьком ресторане. Но подобные рекламки на самом деле висели всюду. Такие фирмы по большей части с подвохом, очень маленькие, торопливые и своевольные, но по сравнению с честными крупными компаниями единственное их преимущество заключалось в том, что им плевать на то, откуда ты, родился ли в Пекине, есть ли официальная прописка.

Рядом с рекламой сидел молодой человек в европейском костюме, с короткой прической, причем волосы уложены муссом так, что стояли дыбом. Место было не самым оживленным, потому он сидел, закинув ногу на ногу, и тряс носком ботинка. Пока Ван Лань читала объявление, молодой человек, разумеется, искоса осматривал ее с головы до пят и обратно. Впоследствии Ван Лань узнала, что это глава информационного центра, второе лицо на фирме и ее будущий начальник.

Ван Лань спросила о характере работы, поскольку печатала очень хорошо, ведь успела поработать в издательстве, редакции газеты и рекламном агентстве, да и редактуру тоже делать приходилось. Когда она рассказывала о себе, то делала это слегка отстраненно, немножко приукрасила, но и эти сказки рассказывала с достоинством и безразлично, словно бы дает шанс кому-то другому – как ведут себя истинные пекинцы, Ван Лань освоила блестяще. Молодой человек в итоге заинтересовался, посмотрел копию диплома и сказал, что она определенно подходит. Он даже притащил стул, велел садиться, продиктовал адрес фирмы и назвал зар-

плату. Компания располагалась очень близко от ее дома, две остановки, да и платили восемьсот, то есть больше на две сотни, чем сейчас. Но Ван Лань сдержалась и, не дрогнув ни единым мускулом, сказала, что нужно подумать. Молодой человек пригласил прийти завтра. Говорил он доброжелательно и искренне. Ван Лань обратила внимание на белые зубы, которые он продемонстрировал в улыбке, такие редко увидишь среди курящих, а глаза его напоминали глаза какого-то травоядного животного, такие же влажные – свидетельство того, что он не может быть плохим человеком. На самом деле в тот момент Ван Лань уже в душе приняла решение поменять работу.

На следующий день, когда она пришла на экскурсию в компанию и подтвердила свое мнение, ей с первого взгляда понравилось это место, все сотрудники информационного центра, как и она, приехали в Пекин работать, самое ближнее из Хэнани. Ван Лань была единственным редактором и единственным человеком, закончившим университет. Ей понравилось место, где можно ощутить собственную важность.

(3)

Когда зимой впервые упадет температура, то кран во дворе замерз (на самом деле так часто случалось, как она узнала впоследствии, но в первый раз в ее душе что-то изменилось). В тот день у нее в комнате не было воды, так что пришлось идти к тетушке, чтобы поклянчить воды для умывания, и потом весь день Ван Лань пребывала в растерянности, совсем как в дождливый день, когда не можешь вспомнить, сушится ли одеяло на улице.

Сначала она по ошибке решила, что это просто беспокойство, беспокойство по поводу того, как зимовать в Пекине, но она купила черное драповое пальто и пуховик, а тревога никуда не делась, и только тогда Ван Лань поняла, что ей нужно кое-что, не имеющее отношения к погоде. Наконец она успокоилась, потихоньку привыкла к Пекину, началась новая жизнь, а в постепенно утихающем и упрочивающемся чувстве мало-помалу образовалась черная дыра, иногда это было одиночество, а порой уныние. Она стала более чуткой и осторожной, чем раньше, чаще проводила время наедине с собой, но при этом стала добрее.

Рабочий, который привозил ей угольные брикеты, за раз принес пятьдесят брикетов, так что все сто – за два раза. Она видела, как сын соседей из провинции Аньхуэй поднимает по пять-шесть брикетов и то морщится. Перед тем, как расплатиться, Ван Лань вежливо пригласила рабочего войти и присесть, достала ему кока-колу. Это был парень лет тридцати с небольшим лет от роду, с темной кожей, одетый в такой холодный день лишь в рабочую спецовку, и то расстегнутую, под которой заметно проступали крепкие мышцы. Ван Лань вспомнила, как в детстве ходила играть к отцу на завод, и рабочие, включая и отца, так же расстегивали спецовки, на самом деле ей нравилось крутиться рядом с ними и нравилось возвращаться туда. В тот день, когда она смотрела на это обнаженное тело, сердце вдруг растаяло, и тело тоже обмякло, к щекам прилила кровь. Если бы молодой человек заметил это, то она не смогла бы устоять. Но парень занимался тем, что учил ее, как пользоваться угольными брикетами, сколько надо положить в печку, чтобы уменьшить огонь, но не погасить его, а потом начал жаловаться на жизнь, на то, как тяжело им с женой работать вдаль от дома, а ребенок растет без присмотра, запертый дома один. Ван Лань дала ему две банки кока-колы для ребенка, а затем терпение ее лопнуло, и она фактически вытолкала его за дверь.

Когда снова стало жарко, с Ван Лань случилось кое-что неприятное. Должно быть, в час пик по дороге домой в переполненном вагоне метро частенько происходит такое. Она тогда назвала это хулиганством. Так вот, рядом с ней стоял хулиган, который начал своим твердым хозяйством прижиматься к ее бедрам сзади. Разумеется, он делал это специально, поскольку она несколько раз попыталась увернуться, но тщетно, а вагон был переполнен. Ван Лань смущалась и испугалась, не понимая, что делать. Хулиган это явно понял, поскольку прижимался

сильнее. Вагон покачивался, и они покачивались в такт. Она с головокружением вышла не на своей остановке, но не хватило смелости даже просто оглянуться и найти взглядом этого хулигана. Она сидела на скамейке перед станцией и, сдерживая обиду, долго рыдала, словно у нее украли кошелек. Потом ей пришла в голову хорошая идея – по дороге отключать голову, она словно бы все забывала. И о том случае, разумеется, хотела забыть, но с приходом зимы вспоминала несколько раз, причем во всех подробностях.

Конечно, не всем было на нее плевать. Один сослуживец чуть ли не каждый день приходил поиграть в компьютер, но, играя, постоянно посматривал на нее. Как-то раз начальник возьми и брякни: что, опять пришел проведать нашу Ван Лань? Покраснел не только парень за компьютером, но даже и сама Ван Лань. Потом она, конечно, рассердилась, а начальник продолжил: дескать, присмотришь, парень неплохой, дважды, правда, разведенный, чувствую, и в третий раз разведется.

Старая хозяйка не показывалась, но дважды заходил ее зять. Говорили, что он повар в посольстве какой-то африканской страны, но Ван Лань он категорически не нравился, поскольку в первую же встречу он в лоб спросил – что ты делаешь в Пекине? Грубо и бесцеремонно. Периодически он к ней заходил. В первый раз ничего такого, просто перебросились парой фраз, зато во второй раз он похлопал по кровати, спросил нормальное ли одеяло, теплое ли, а то вроде кровать какая-то маленькая, а заодно хлопнул Ван Лань по бедру. Девушка так перепугалась, что сбежала под предлогом, что ей надо в туалет, полчаса гуляла по улице прежде, чем вернуться, а когда вернулась, то дверь была полуоткрыта, а зять куда-то делся.

В тот вечер Ван Лань подперла дверь стулом, она не осмеливалась крепко заснуть, сначала не осмеливалась, а потом и просто не могла уснуть. Все боялась, что зять-повар на самом деле не ушел, а спрятался где-то, дождетя, когда Ван Лань уснет, выскочит и схватит: я тебе ключ принес, ключ-то я тебе так и не отдал! Она лежала на краешке кровати и тихонько прислушивалась к малейшим шорохам во дворе, но двор спал. Дом располагался близко от второго кольца, поэтому до нее доносился лишь грохот проезжавших автомобилей, словно мимо текла какая-то огромная река.

В мгновение ока наступила весна, поскольку в конце года прибыль оказалась неплохой, так что сотрудники весело отправились в ресторан пообедать. Когда уходили, то начальник спросил, не домой ли она едет, узнав, что да, предложил проводить, поскольку ехал в ее район к другу. У начальника был джип «чероки», не бог весть какая машина, но для человека его темперамента вполне подходящая. Но когда начальник довез ее до дома, то забыл о своем плане навестить друга, а вместо этого вдруг спросил Ван Лань, почему бы ей не пригласить его зайти? Ван Лань удивилась, кроме того не смогла вспомнить, заправила ли утром постель, а потому спросила, не нужно ли ему к другу, и предупредила, что у нее не прибрано. Начальник задрал нос и сказал, мол, чего испугалась-то, ты сотрудник нашей фирмы, я же должен знать, как ты живешь. Делать нечего, пришлось Ван Лань, собравшись с духом, вести начальника во двор, сказав, дескать, условия не очень, не смейтесь. Начальник отмахнулся: ну, что ты, я тоже из простой семьи.

В тот момент Ван Лань определенно превратилась в другого человека, привередливого и строгого, придирчивого к деталям. Она попыталась показать себя с лучшей стороны, сложила одеяло, но в комнате все равно стоял какой-то затхлый запах, поэтому Ван Лань быстро открыла окно, чтобы изгнать его. Когда она задергивала занавески, начальник спросил: что, боишься, что соседи узнают, что к тебе пришел друг? Ван Лань торопливо ответила, мол, не боится, сыну соседей напротив уже скоро двадцать, когда ему нечего делать, то он садится на подоконник с зеркалом, ужасно бесит. Изначально это задумывалось как шутка, но, произнеся эти слова, Ван Лань почувствовала, что вышло вовсе несмешно.

Взгляд начальника блуждал по комнате, видимо, он представил, как тут все выглядело изначально.

- Ты сама тут все обустроила?
 - Разумеется, а кто мне поможет-то?
 - Непросто... непросто... Если бы я был на твоём месте и пришлось переехать в незнакомое место жить, не знаю, что и делал бы...
 - Тогда тебе повезло. Куда ещё ехать? Тебе ведь и тут неплохо?
- Она заварила чай:
- Эй, начальник, выпей чашку чая.
 - Зови меня Му Линем, а не начальником, слишком уж официально.
- Ван Лань улыбнулась, но просто не стала обращаться к нему ни так, ни эдак. Начальник пил чай, а потом, глядя на кончик ботинка, постучал им по краешку кровати, и внезапно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.